

**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ**

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1/2016

г. Донецк 2016

**Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»**

**ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНБАССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»**

(Юридические науки)

**Научный журнал
№ 1 / 2016-06-27**

Выходит 4 раза в год. Издаётся с 2016 г.

**Донецк
ДЮА
2016**

**Gosudarstvennoe obrazovatelnoe uchrejdenie
Vyschego professionalnogo obrazovaniya
«Donbasskaya yuridicheskaya akademiya»**

**VESTNIK
GOSUDARSTVENNOGO OBRAZOVATELNOGO
UCHREGDENIYA VYSCHEGO
PROFESSIONALNOGO OBRAZOVANIYA
«DONBASSKAYA YURIDICHESKAYA
AKADEMIYA»**

(Yuridicheskiye nauki)

**Nauchnyi Zhurnal
№ 1 / 2016**

Vykhodyt 4 raza v god. Izdaetsia s 2016 g.

**Donetsk
DYA
2016**

УДК 34

Главный редактор – Ответственный редактор – Ответственный секретарь – Редакционная коллегия (Донецкая Народная Республика):	Н. Б. Хлыстова, канд. юр. наук, доктор философии А. К. Поправко, канд. филос. наук Э. А. Ангелина, канд. филос. наук А. М. Моисеев, д-р юр. наук, А. В. Броварь, д-р ист. наук, (Донбасская юридическая академия), В. Г. Севка, д-р экон. наук (Национальная академия строительства и архитектуры, г. Макеевка), Р. С. Алимов, канд. юр. наук (Донбасская юридическая академия), Г. Н. Гапотченко, канд. юр. наук (Донбасская юридическая академия), В. В. Ковалева, канд. юр. наук (Донбасская юридическая академия), П. И. Павленко, канд. юр. наук (Донбасская юридическая академия), А. В. Сасов, канд. юр. наук (Донбасская юридическая академия), А. Н. Цалюк, канд. юр. наук (Донбасская юридическая академия).
Иностранные члены редакционной коллегии:	С. В. Лихачев, д-р юр. наук (Юго-западный государственный университет, г. Курск, Россия), С. В. Шевелева, д-р юр. наук (Юго-западный государственный университет, г. Курск, Россия).
Основатель и издатель –	Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская юридическая академия», г. Донецк.

Журнал подписан к печати Ученым советом Донбасской юридической академии, протокол № 14 от 17.06.2016 г.

Язык публикации: русский, английский.

Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.
Адрес редакции: ул. Куйбышева, 31-а, г. Донецк, 83101.
Тел.: 093 005 93 92; e-mail: duan-nauchotdel@yandex.ru

Вестник Донбасской юридической академии: сборник научных трудов / под ред. Н.Б. Хлыстовой. – Вып. 1. – Донецк: Донпринт, 2016. – 221 с. – (Серия «Юридические науки»).

© Государственное образовательное учреждение
Высшего профессионального образования
«Донбасская юридическая академия», 2016

UDK 34

Editor-in-Chief –	N. B. Khlystova, PhD, Sc.(law)
Executive Editor –	A. K. Popravko, PhD in Philosophy, Lecturer
Executive secretary	E. A. Angelina, candidate of philosophical sciences
Editorial board	A. M. Moiseev, Dr. Sc. (Law), A. V. Brovar,
(Donetsk People	Dr. Sc. (History) (<i>Donbass Law Academy</i>); V. G. Sevka,
republic):	Dr. Sc. (Economics), (<i>National Academy of construction and architecture, Makeevka</i>); R. S. Alimov, Cand. Sc. (Law) (<i>Donbass Law Academy</i>); G. N. Gapotchenko, Cand. Sc. (Law) (<i>Donbass Law Academy</i>); V. V. Kovaleva, Cand. Sc. (Law) (<i>Donbass Law Academy</i>); P. I. Pavlenko, Cand. Sc. (Law) (<i>Donbass Law Academy</i>); A. V. Sasov, Cand. Sc. (Law) (<i>Donbass Law Academy</i>); A. N. Tsaljuk, Cand. Sc. (Law) (<i>Donbass Law Academy</i>)
Foreign members of editorial board:	S. V. Likhachev, Dr. Sc. (Law) (<i>Southwestern State University, Kursk, Russia</i>); S. V. Sheveleva Dr. Sc. (Law) (<i>Southwestern State University, Kursk, Russia</i>)
Founder and Publisher	The state enterprise of higher professional education “Donbass Law Academy”

Recommended for printing by Academic Board of Donbass Law Academy. Minute № 14 dated 17.06.2016 year.

Language of publication: Russian, English

All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only with the agreement of the author and publisher

Address of publisher and editorial:	83101, Donetsk, Lebedinsky Street, 9. Tel. 093 005 93 92; e-mail: duan-nauchotdel@yandex.ru
-------------------------------------	---

Herald of the Donbass Academy of Law : a collection of research papers / edited by N. B. Khlystova. – Release. 1. – Donetsk : Donprint , 2016. - 221 p. - («Juridical science» series).

© State educational establishment
of higher professional education
«Donbass Law Academy» , 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Хлыстова Н.Б.	
Вступительное слово главного редактора.....	9
Алимов Р.С.	
Особенности административного права в некоторых зарубежных странах.....	10
Броварь А.В., Сидяк В.А., Маринец Р.А.	
Роль ООН в урегулировании международных конфликтов.....	19
Броварь А.В., Варивода Т.А., Легенький В.Р.	
Национальное право как инструмент предотвращения глобальной угрозы транснациональной компании «Monsanto».....	25
Ганзера Р.А.	
Идейно-нравственная составляющая в криминологической профилактике дорожно-транспортных преступлений.....	31
Гапотченко Г.Н.	
Актуальные вопросы уголовного процесса и уголовного права.....	38
Жигулин А.М.	
Актуальные вопросы международного признания Донецкой Народной Республики.....	48
Козачёк Е.С.	
Значение института соучастия в преступлении.....	56
Комаров В.А.	
Лекарственные средства как объекты гражданских прав.....	64
Лысов А.А.	
Этапы государственного строительства в Сербии (конец XVIII – 70-е годы XIX в.).....	77
Мироненко С.Ю.	
Методологические подходы к толкованию закона об уголовной ответственности.....	86
Моисеев А.М., Жигулин А.М.	
Общественный контроль за документированием преступлений на территории военного конфликта.....	95
Окурокова А.И.	
Состояние аффекта в уголовном праве Донецкой Народной Республики....	105
Панько Н.А.	
Влияние категории сложности специального исследования на оценку заключения эксперта.....	114
Поярков О.Е.	
Наследственный договор.....	124

Прокофьева Р.В.

Налоговое законодательство как инструмент мотивации предпринимательства (мировой опыт)..... 134

Сиренко Б.Н.

Роль и значение учебной дисциплины «административная ответственность» в процессе подготовки специалистов-правоохранителей..... 143

Степанов Ю.В.

Криминалогический аспект пенитенциарной теории..... 152

Стройкова О.М.

Криминалистическая технология в расследовании преступлений в условиях самоопределившегося государства..... 164

Финкина А.П.

Историко-правовой анализ обеспечения прав пациентов на международном уровне..... 171

Шавыркин Б.Б.

Актуальные вопросы применения информационных технологий в деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, профилактике преступлений и правонарушений, охране общественного порядка..... 188

Шумаев Д.Г.

Систематизирующая функция судебного эксперта..... 196

Хлыстова Н.Б.

Уголовно-правовое и криминалогическое значение правомерного поведения..... 205

Хмель О.В.

Охрана и защита государственной тайны в административно-правовом законодательстве..... 215

CONTENTS

Hlystova N.B.	
Opening remarks by the Chief Editor.....	9
Alimov R.S.	
Features of administrative law in some foreign countries.....	10
Brovar A.V., Sidiyak V.A., Marinets R.A.	
The role of the un in resolving international conflicts.....	19
Brovar A.V., Varivoda T.A., Legenky V.R.	
National law as an instrument of prevention of global threats transnational company «Monsanto».....	25
Ganzer R.A.	
Ideological and moral component in criminological prevention of road traffic offences.....	31
Hapotchenko H.N.	
Actual questions criminal process and criminal law.....	38
Zhygulin A.M.	
Topical issues of international recognition of Donetsk People's Republic.....	48
Kozachok Y.S.	
Significance of the institute of complicity in the crime.....	56
Komarov V.A.	
Medicinal products as objects of civil rights.....	64
Lysov A.A.	
Stages state-owned construction in Serbia (end XVIII - 70th years of XIX century.).....	77
Mironenko S.Yu.	
Methodological approaches to the interpretation of the criminal act.....	86
Moiseev A.M.	
Zhygulin A.M.	
Public control of crimes documenting on the territory of military conflict.....	95
Okorokova A.I.	
The heat of passion in criminal law Donetsk People's Republic.....	105
Panko N.A.	
The influence of the difficulty category of the special study on the evaluation of expert evidence.....	114
Poyarkov O.E.	
Hereditary contract.....	124
Prokofieva R.V.	
Tax law as a tool of motivation business (world experience).....	134

Sirenko B.N.	
Role and importance discipline "administrative responsibility" in training-law enforcement officers.....	143
Stepanov Y.V.	
Criminological aspects penitentiary theory.....	152
Stroykova O.M.	
The criminalistics technology in crime investigation under the conditions of the self-declared state.....	164
Finkina A.P.	
Historical and legal analysis of ensuring of patients' rights at the international level.....	171
Shavyrkin B.B.	
Topical issues in the use of information technology in law enforcement agencies for fight against crime, prevention of crimes and offenses, protection of the public order.....	188
Shumaev D.G.	
Systematization function of a forensic expert.....	196
Khlystova N. B.	
Criminal-legal and criminological importance of lawful behavior.....	205
Khmel O.V.	
Security and protection of state secrets in the administrative-legal legislation.....	215

Колонка главного редактора

Дорогие друзья!

*Рада приветствовать вас на страницах
первого выпуска
Вестника Донбасской юридической академии!*

*Изменения, происходящие во всех сферах
жизнедеятельности нашего общества,
обуславливают необходимость их изучения,
выявления наиболее общих тенденций и
закономерностей развития.*

*Именно поэтому выпуск журнала – это
событие в научной жизни нашей Академии. Его главной задачей является создание
площадки для диалога между учеными и практическими работниками, для обмена
информацией, а также обсуждения широкого круга актуальных проблем.*

*В данном контексте интерес представляют исследования, опирающиеся на
историческую самоидентификацию, опыт становления и развития правовых систем,
законодательства, построение новой формации общественных отношений во всех
сферах.*

*Хотелось бы выразить слова признательности ректору Академии Гончарову
Сергею Павловичу за обеспечение возможности выхода журнала, за всестороннюю
помощь и поддержку в развитии юридической и смежных с ней наук. Отдельные
слова благодарности всей редакционной коллегии за проделанную работу.*

*Искренне желаю нашим уважаемым авторам, коллегам, друзьям и партнерам
неисчерпаемого творческого вдохновения, плодотворных исследований и, конечно же,
благодарных и интересующихся читателей!*

*С уважением,
главный редактор,
заведующая кафедрой уголовного права и криминологии
Донбасской юридической академии, к.ю.н., доктор философии
Надежда Хлыстова*

УДК 351.74:332.12](477)

Алимов Р. С.

кандидат юридических наук,
доцент

Государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»,
г. Донецк
e-mail: roman.sviat@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА В НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Получена 14 мая 2016; принята 13 июня 2016.

Alimov R. S.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: roman.sviat@mail.ru

FEATURES OF ADMINISTRATIVE LAW IN SOME FOREIGN COUNTRIES

Received 14 May 2016; accepted 13 June 2016.

В статье рассматривается роль и значение административного права в обеспечении государственно-правового регулирования некоторых ведущих стран мира.

***Ключевые слова:** государственная служба, органы исполнительной власти, административное законодательство, структура государственного аппарата.*

Административное право в современной его модели является отраслью, которая существует во всех развитых государствах и связана с осуществлением правопорядка, имеет направленность в основном на регулирование деятельности публичной администрации и обеспечение защиты субъективных прав граждан от произвола административной власти. В отношении истории возникновения административного права как отрасли права существуют разные точки зрения, многие из которых являются дискуссионными. Не вдаваясь в структуризацию, приведем лишь две основные из них. Первая точка зрения связана с публикациями К. С. Бельского, считающего, что административное право в своем эволюционном развитии проходит две фазы: сначала, в

XVIII-XIX веках, оно выступает как полицейское право, затем, на рубеже XIX-XX веков — как административное, включающее в свой состав полицейское право. Полицейское право, по мнению К. С. Бельского, на первом этапе регулировало как охранительные, так и некоторые управленческие общественные отношения, которые в то время было трудно отделить друг от друга. Однако во второй половине XIX века от государственного права в сторону полицейского отпочковались такие разделы, как «органы исполнительной власти», «государственная служба», «административная юстиция», что, безусловно, расширяло понятие государственного управления и служило основой для формирования административного права. С другой стороны, понятие «полиция» постепенно трансформировалось, сужалось, становилось частью понятия «управление», обозначая особую разновидность, а полицейское право приобретало статус подотрасли административного права, нормы которой регулировали правоохранительную деятельность исполнительной власти [1]. Таким образом, К. С. Бельский видит в полицейском праве европейских стран «сужение» административного права. Вторая точка зрения основывается на работах М. А. Штатиной, полагающей, что для полицейского права были характерны закрепление прав государства и установление обязательных предписаний для граждан. Возникновение административного права связано с принципиально иным подходом — с признанием верховенства прав человека и гражданина, с идеями правового государства, с либеральными представлениями о целесообразности минимального государства в роли «ночного сторожа». Таким образом, если полицейское право в соответствии с европейской юридической доктриной — право администрации, то административное право — прежде всего, право защиты гражданина от произвола администрации, что подтверждается историей возникновения системы административного права во Франции, которую обычно связывают с возникновением особых административных судов. Накануне буржуазных революций XVIII века королевские парламенты, в тот период осуществлявшие функции высших судов, оказали сопротивление реформам, следствием чего стал запрет после революций на вмешательство со стороны судов общей юрисдикции в дела администрации и лишение их правомочия привлечения к суду государственных чиновников, что в конечном итоге вылилось в формирование концепции самостоятельности администрации и учреждение специальной судебной системы для контроля за ее деятельностью. Правовые идеи и законодательный опыт Франции в этом вопросе оказали большое влияние на другие государства Европы, которые стали также формировать административное право. Как отмечает М. А. Штатина, в конце XIX века необходимость создания административного права была обоснована и в США [2]. В тот период процессы монополизации экономики в этой стране проходили более быстрыми темпами, чем в любой

другой стране мира, что требовало принципиально новых методов и создания управленческих органов, выходящих за рамки традиционных представлений об исполнительной власти. В 1887 году Закон о междуштатной торговле учредил первое независимое агентство — Комиссию по междуштатной торговле. В отличие от федеральных департаментов Комиссия была наделена не только исполнительными, но и нормотворческими и квазисудебными полномочиями. Это противоречило конституционным предписаниям жесткого разделения властей, поэтому регулирование независимых агентств не могло быть отнесено к сфере конституционного права. Подобные органы получили весьма широкое распространение в США, и было признано, что для контроля за их деятельностью необходимы специальное законодательство и особая правовая отрасль — административное право [3]. Развитие административного права чаще связывают с эпохой промышленных революций. Для его возникновения в качестве самостоятельной отрасли права было необходимо, чтобы управленческая деятельность подверглась действию специфических административно-правовых норм. До появления административного права управление регулировалось общеправовыми нормами, действовавшими и в отношении всех остальных субъектов права. Поэтому принято считать, что родиной административного права является Франция. Более раннему формированию административного законодательства в этой стране способствовала доктрина, в соответствии с которой органы управления должны быть безоговорочно отделены от судов, к которым французская буржуазия не питала доверия. Таким образом, на административном праве отражаются общие тенденции исторического развития государственности отдельно взятой страны, форма правления, организация территории, политический режим. Административное право — одна из фундаментальных отраслей любого государства. Его появление и развитие до сих пор не имеют четко выработанной единой концепции в связи с имеющимися разнообразными научными точками зрения, в особенности по отдельным географическим и политическим зонам. Административное право связано с регулированием административной, управленческой деятельности государства. В каждой зарубежной стране существуют свои определения, цели, задачи, предназначения данной отрасли, что характеризуется спецификой содержания и наполнения административного права. Однако можно выделить общий подход к определению административного права как совокупности правовых норм, регулирующих публичную администрацию (административную деятельность) и контроль над ней. Исследуя общее и частное в сравнении управленческой деятельности ряда государств мира, можно выделить следующие основополагающие признаки административного права: является публичной отраслью права; предметом правового регулирования выступает административная деятельность; использует императивно-диспозитивные

методы; фиксирует возможность применения соответствующими субъектами административно-правовых отношений мер государственного принуждения; связано с реализацией специфических функций государственного управления: программированием, организацией, координацией и контролем; взаимодействует с большим количеством отраслей права: конституционным, гражданским, финансовым, бюджетным, налоговым, трудовым, уголовным, и другим; способствует стабилизации государственного управления и претворяет в жизнь государственные программы по развитию отдельных направлений в жизнедеятельности общества; стимулирует экономический сектор и предпринимательскую деятельность; помогает в осуществлении и оказании государственных услуг населению; связано с поддержанием правопорядка и общественной безопасности в стране; направлено на защиту граждан, в том числе и со стороны публичной администрации, и другое. Административное право стран континентальной системы представляет собой совокупность правовых норм, которые регламентируют, прежде всего, организацию системы государственного управления, их взаимоотношения, внутреннюю структуру и правовой статус. Кроме того, административно-правовые нормы регулируют отношения между административными учреждениями и отдельными гражданами. В англосаксонских странах административное право позднее развилось в самостоятельную отрасль. Долгое время в Великобритании в отношении органов управления применялись нормы общего права (commonlaw). С расширением государственного вмешательства в экономику и другие сферы общественной жизни развивалась административная деятельность и укреплялся аппарат административной власти. Этот процесс сопровождался появлением специфических норм, относящихся только к деятельности органов управления. В англосаксонской системе административно-правовое нормотворчество сосредоточилось на выработке процессуальных гарантий прав частных лиц против произвольных действий государственных органов. Административистика Великобритании и США исходит из того, что административное право не регламентирует организацию и структуру государственного аппарата, зато детально регулирует практически все аспекты отношений частных лиц и административных органов [4]. Административное право зарубежных стран строится на нормах и принципах законности, приоритета прав и свобод человека и гражданина, целесообразности и необходимости, эффективности, правовой стабильности, экономичности, профессиональности. Определение предмета административного права зависит от принадлежности конкретной страны к определенной правовой системе. Так, в странах континентальной правовой семьи предмет административного права определен достаточно четко. В него включаются все вопросы публичного управления: создание, структура, функции, организация деятельности административных органов и учреждений;

административные акты; административные процедуры; публичная служба; контроль за административной деятельностью, в том числе организация административных судов и административное судопроизводство. В странах англосаксонской правовой семьи предмет административного права понимается иначе. В Великобритании наука административного права изучает деятельность исполнительной власти и контроль над ней, при этом главное внимание уделяется формам, методам, средствам судебного контроля над администрацией. В целом административное право Великобритании находится в тесном взаимодействии с конституционным правом и еще не в полной мере от него отделилось. Страны Содружества, возглавляемого Великобританией, придерживаются соответствующих подходов к административно-правовому регулированию, однако в настоящее время на них оказывают некоторое влияние страны, относящиеся к континентальному праву, например к французскому или германскому толкованию.

Административное право США. По форме государственного устройства США — федерация. Государство состоит из 50 штатов и федерального округа Колумбия. Конституция США принята в 1787 году. Это одна из старейших и ныне действующих конституций и одна из наиболее жестких по форме внесения поправок. По форме правления США — президентская республика. Высшим органом государственной власти является Конгресс. Он состоит из двух палат: Палаты представителей и Сената. Президент США избирается сроком на 4 года путем проведения косвенных выборов (избиратели выбирают выборщиков, а они — президента). Президент является также главой правительства — Кабинета. Источниками административного права США являются: конституции (федеральная и штатов); законы федерации и штатов; судебные решения; акты административных учреждений. Особенностью становления административной системы США было самое широкое влияние на нее английских традиций в области организации государственного управления и формирования его европейских основ. В отличие от европейских государств, в США административное право как самостоятельная отрасль сформировалась достаточно поздно, во второй половине 20-го века, и претерпело в своем развитии значительное влияние социологии. Конституции по отношению к административному праву США содержат главным образом ограничительные положения. Основные законы указывают пределы, которые не должны переступать законодатели — при формулировании ими норм административного права, администрация — в ее деятельности и суды — при осуществлении ими контроля. Следует отметить, что суды сыграли большую роль в создании американского административного права. В США они являются последней инстанцией, решающей все спорные вопросы права. Их толкование конституций, законов и других нормативных актов считается

наиболее квалифицированным и авторитетным. Американцы склонны рассматривать свое административное право как совокупность юридических норм, призванных защитить частное лицо от произвола бюрократии. Американский ученый Э. Фройд, определял административное право как право, контролирующее администрацию, а не право, созданное администрацией. В таком понимании, административное право используют для разрешения вопросов, возникших конфликтов между частным лицом и учреждением. С точки зрения американских юристов, административное право США регулирует полномочия и порядок деятельности административных учреждений, а также контроль судов над администрацией. Американцы сосредоточили свое внимание на «внешнем административном праве», то есть на той части отрасли права, которая регулирует взаимоотношения учреждения с частными лицами. Они интересуются «внутренним административным правом», регулирующим внутреннюю структуру администрации и взаимоотношения между отдельными ее составляющими частями лишь в этой мере, в какой это необходимо для оказания юридической помощи частным лицам. То же самое можно сказать и о гражданской службе, и о местном управлении. Американскую юриспруденцию интересует в административном процессе не учреждения, а главным образом частное лицо, прежде всего его право на участие в этом процессе и те же возможности, которые предоставляются этому лицу и его адвокату для защиты его интересов. Поэтому вопросы процедуры в административном праве США являются доминирующими. Такое административное право следует, скорее, именовать «административно-процессуальным». Английские и американские юристы, участвовавшие в процессе становления и развития права, руководствовались почти исключительно интересами юридической практики. Отсюда и большое уважение к обычаям, которыми эта практика закреплялась. Подходя к делу практически, они видели перед собой прежде всего клиента, частное лицо, пострадавшее в результате того или иного действия администрации. Эта коллизия между частным лицом и государственным органом до сих пор заслоняет англосаксонскому юристу все остальное в этой области общественных отношений. Государственное управление США постоянно реформируется с учетом возникновения новейших потребностей общества.

Административное право Франции. Франция — унитарное государство, которое разделено на регионы, департаменты, коммуны. Принцип разделения властей разграничивает компетенцию Президента республики, парламента, Совета министров, судов общей юрисдикции и административных судов. Французская система административного права является одной из самых интересных и высокоразвитых в Европе. Отличительной чертой административного права Франции является то, что оно было создано Государственным Советом, учредителем которого был еще Наполеон Бонапарт.

Путем проверки административных действий Совет выработал ряд правовых принципов, применимых к исполнительной власти. Таким образом, интересен тот факт, что во Франции не существует ни административно-процессуального кодекса, ни законодательно закрепленных общих принципов административного права. Сам Государственный Совет является административным органом, который имеет судебную власть. Эта судебная ветвь выполняет функцию проверки административных действий на предмет соответствия отдельных актов и решений правовым принципам. Государственный Совет является высшей инстанцией системы административных судов, имеет полномочия как судебного, так и административного характера. Наверное, самой значительной чертой французской Конституции, имеющей отношение к административному праву, является строгое разделение между гражданским и административным правом. На самом деле более правильно обратиться к французской концепции разделения властей, согласно которой обычные гражданские суды не имеют полномочий заниматься делами по административному праву. Таким образом, еще одной особенностью правовой системы Франции является существование, помимо общих судов, специальных административных судов трехуровневой системы (региональные административные апелляционные суды; суды административной юстиции; административные суды особой юрисдикции), в компетенцию которых входит разрешение дел в связи с деятельностью государственной администрации. Организация и функционирование этих судов регулируется нормами административного права. Судебный процесс по административным делам состоит из следующих стадий: подача жалобы в административный суд; процедура подготовки дела; судебное заседание; вынесение судебного решения. Данный анализ позволяет сделать вывод, что административному праву Франции свойственна традиционно сильная централизация, тщательная разработанность отдельных правовых норм и целых институтов, высокая правовая культура.

Административное право Германии. Период возникновения формирования административного права в Германии как самостоятельной отрасли права приходится на первую половину 19-го века. В настоящее время значение этой отрасли права в ФРГ возросло настолько, что практически все социально-экономические «управленческие» отношения в этой стране регулируются административным правом. Сущность федеративного устройства германского государства выражается в осуществлении административных полномочий как на уровне Федерации в целом, так и на уровне земель. Устройство и организация управления в Германии регламентированы Конституцией ФРГ и большим количеством источников: нормативных правовых актов ФРГ различного уровня, Европейского сообщества; международных договоров; решений Федерального конституционного суда

Германии. Для того чтобы понять значение административного права современной Германии, необходимо рассмотреть его особенности: В ФРГ понятие «административное право» связывается с понятием публичного управления, которое рассматривается как деятельность и функция организованной государством социальной системы органов. Так, словарь административного права ФРГ выводит понятие административного права из задач управления и характеризует его как «публичное право, которое не является государственным, конституционным или процессуальным». Германское государство конца 19-го начала 20-го века основывается на принципе социального государства, провозглашаемого Конституцией ФРГ. Этот принцип налагает определенные задачи на законодательную и исполнительную власть, которые реализуются в способности к проявлению творческой инициативы в решении социально-экономических вопросов, к целеустремленному и целесообразному толкованию законов и подзаконных актов. В развитии принципов социального государства, составляющих краеугольный камень современного публичного управления ФРГ и административного права, большую роль играет Социальный кодекс. Социальное законодательство ФРГ, отрасли которого представляют собой отпочковавшиеся от административного права правовые системы, предусматривает, в частности, право граждан на получение юридической помощи консультаций по вопросам, относящимся к социальным услугам. Любой административный акт в Германии имеет законную силу, пока он не будет отозван, отменен или прекращен по истечении срока. Исполнительная власть и государственное управление в ФРГ зиждется на принципах разделения властей, федеративного устройства и гарантии коммунального самоуправления. В качестве носителя административной власти в ФРГ рассматриваются все учреждения и организации, в деятельности которых участвует государство. Интересен тот факт, что в настоящее время государство ФРГ представляет собой «законченное» правовое государство, устанавливающее совершенную защиту прав личности от возможных нарушений со стороны публичного управления. Таким образом, в Германии законодательно урегулирована возможность любого гражданина добиваться в судебном порядке тех или иных действий в свою пользу со стороны органов администрации. Поэтому изучение административного права зарубежных стран в юридических вузах ДНР должно быть направлено на сравнительное исследование управленческого механизма в рамках исполнения текущего законодательства исполнительной властью конкретной страны, реализации правительственных программ, регулирования основных отраслей деятельности государственных органов и государственных служащих.

Список литературы

1. Административное право зарубежных стран: учебник / под ред. д.ю.н. Н. В. Румянцева. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. — 431 с.
2. Административное право зарубежных стран: учебник / под ред. А. Н. Козырина и М. А. Штатиной. — М.: Спарк, 2003. — 464 с.
3. Административное право зарубежных стран: учебник / под ред. А. Н. Козырина. — М.: Спарк, 1996. — 229 с.
4. Женетль С. З. История возникновения административного права в Европе / С. З. Женетль // История государства и права. - 2008. — № 2. — С. 35–36.

The article discusses the role and importance of administrative law in ensuring that state-legal regulation of some leading countries of the world.

Keywords: *public service, Executive authorities, administrative law, the structure of the state apparatus.*

УДК 341.1

Броварь А. В.

доктор исторических наук,
профессор

Сидяк В. А.

преподаватель

Маринец Р. А.

магистрант

Государственное образовательное

учреждение высшего профессионального
образования «Донбасская юридическая
академия», г. Донецк

e-mail: aleksandrbrovar@ramler.ru

e-mail: vadim.sidyak@yandex.ru

e-mail: robingud80@bk.ru

РОЛЬ ООН В УРЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

Получена 27 мая 2016; принята 10 июня 2016.

Brovar A. V.

Sidyak V. A.

Marinets R. A.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk

e-mail: aleksandrbrovar@ramler.ru

e-mail: vadim.sidyak@yandex.ru

e-mail: robingud80@bk.ru

THE ROLE OF THE UN IN RESOLVING INTERNATIONAL CONFLICTS

Received 27 May 2016; accepted 10 June 2016.

В статье анализируется роль Организации Объединенных Наций в урегулировании международных отношений. Прежде всего, в урегулировании военных конфликтов, о перспективах существования этой организации с использованием опыта существования Лиги Наций.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, Лига Наций, вооруженный конфликт, международные отношения

Семидесятилетие одной из крупнейших и самой легитимной в мире из международных организаций — Организации Объединенных Наций — хороший повод вспомнить о ее роли и значении в урегулировании международных отношений, эффективности этой организации и перспективах ее существования.

В последнее время, особенно после крушения лагеря социалистических государств и установления «однополярного» мира, все чаще высказываются

мнения о том, что опыт ООН как и Лиги Наций в свое время, является неудачным, целей, определенных Уставом организации, ООН не достигает, поставленных задач не выполняет.

В связи с этим, для уточнения подходов к роли и значению ООН как механизму обеспечения долгосрочного всеобщего мира, хотим обратить внимание на проблему, на наш взгляд, мало изученную, а именно — возможности Лиги Наций в предотвращении Первой мировой войны с точки зрения порядка ее создания, целей, которые перед ней ставились и механизма ее функционирования.

Изучение материалов, которые касаются этой проблематики, позволяет выделить здесь два основных подхода.

Первый из них утверждает, что Лига Наций явилась воплощением идеи Канта о договоре о всеобщем мире и тогда ее деятельность и деятельность любой другой подобной организации будет вписываться в логику, определенную этой теорией [1].

Второй определяет Лигу Наций как попытку создания мирового правительства, как результат деструктивной деятельности партий левого революционного толка в мире и, учитывая наличие подобных политических партий в настоящее время, можно прогнозировать развитие ООН с учетом развития этой политической силы [2].

Для того чтобы установить справедливость первого подхода следует выделить основные положения договора о вечном мире Канта и их воплощение в уставных документах Лиги Наций.

Однако прежде чем определить эти положения, хочется обратить внимание на следующий тезис философа — «Состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние (*status naturalis*); последнее, наоборот, есть состояние войны, т. е. если и не непрерывные, враждебные действия, то постоянная их угроза» [3].

Это утверждение само по себе делает невозможным установление вечного мира, а следовательно, нет смысла требовать достижения подобных целей от любой международной организации.

В работе И. Канта «К вечному миру» не все положения можно реализовать в нормах международного права, поскольку они носят характер исключительно философских теорий, а ряд их невозможен в существующих исторических условиях.

Например, к таковым можно отнести утверждения о том, что ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основание для будущей войны; гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским; международное право должно быть основано на федерализме свободных государств [3].

Из других положений теории Канта нашли свое выражение в Уставе Лиги Наций следующие положения, которые мы разместили для удобства в виде таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1.

Некоторые Положения Устава Лиги Наций

И. Кант К вечному миру	Устав Лиги Наций
1. «Ни одно самостоятельное государство (большое или малое — это безразлично) не должно быть приобретено другим государством ни по наследству, ни в обмен, ни куплей, ни в виде дара».	Статья 22. Следующие принципы применяются к колониям и территориям, которые в итоге войны перестали быть под суверенитетом государств, управлявших ими перед тем, и которые населены народами, еще не способными самостоятельно руководить собой в особо трудных условиях современного мира. Благосостояние и развитие этих народов составляет священную миссию цивилизации, и подобает включить гарантии осуществления этой миссии в настоящий Статут. Лучший метод практически провести этот принцип — это доверить опеку над этими народами передовым нациям, которые в силу своих ресурсов, своего опыта или своего географического положения, лучше всего в состоянии взять на себя эту ответственность и которые согласны ее принять: они осуществляли бы эту опеку в качестве Мандатария и от имени Лиги.
2. «Постоянные армии (miles perpetuus) должны со временем полностью исчезнуть».	Статья 8. Члены Лиги признают, что сохранение мира требует ограничения национальных вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью и с выполнением международных обязательств, налагаемых общим выступлением.
3. «Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и	Ст. 8, Статья 10. Члены Лиги обязуются уважать и сохранять против всякого внешнего вторжения территориальную целостность и существующую политическую независимость всех Членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения Совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства.

правление других государств». 4. «Государства, вооружившиеся для войны, должны принять во внимание максимы философов об условиях возможности общего мира».	Статья 11. Определенно объявляется, что всякая война или угроза войны, затрагивает ли она прямо или косвенно кого-либо из Членов Лиги, интересуется Лигу в целом и что последняя должна принять меры, способные действительным образом оградить мир Наций. Статья 12. Все Члены Лиги соглашаются, что если между ними возникнет спор, могущий, повлечь за собой разрыв, то они подвергнут его либо третейскому разбирательству, либо рассмотрению Совета. Они соглашаются, что они ни в каком случае не должны прибегать к войне до истечения трехмесячного срока после решения третейских судей или доклада Совета [4].
--	--

Не нашли своего выражения в Уставе, хотя могли бы, такие положения работы И. Канта как «Государственные долги не должны использоваться для внешнеполитических дел»; «Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем состоянии мира, как, например, засылка *убийц из-за угла* (*percussores*), *отравителей* (*venefici*), *нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене* (*perduellio*) в государстве неприятеля и т. д.»; «Право всемирного гражданства должно быть ограничено условиями всеобщего *гостеприимства* [3].

Из приведенного анализа можно сделать вывод о том, что Лига Наций не создавалась для реализации положений теории И. Канта о вечном мире в силу того, что ряд этих положений был и остается нереализуемым на практике в силу уровня развития общества.

Другой подход к роли и целям Лиги Наций, а следом за нею и ООН заключается в том, что они замышлялись как инструменты мирового господства, посредством которых обеспечивался бы мир с одновременным доминированием одного или группы государств (как правило — победителей в мировых войнах).

В последнее время идет много споров по поводу глобального правительства. В начале 20 века таким «Мировым правительством» было Соединенное Королевство, объединяющее четвертую часть мира. Поворотной точкой истории стала Мировая война. Великобританию война не только обескровила, но и разорила.

Она была вынуждена пуститься на поиски «единомышленников», которые бы поддерживали «скипетр и державу». Удобный случай не замедлил

представиться, начался «дележ военной добычи», а именно — подписание Версальского договора.

Подписание договора стало процессом длительным, крайне секретным и противоречивым. Цели и задачи участников были разными и никто не хотел идти на компромисс. За стол переговоров уселись представители 27 стран. После нескольких месяцев чрезвычайно сложных переговоров за столом остался «Совет Десяти», затем только «Пять главных победителей».

В марте осталась «Большая четверка». После того, как территориальные требования Италии были отклонены, осталась «Большая тройка» — Британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж, французский премьер-министр Жоржес Клемансо и американский президент Вудроу Вилсон. Как и французы, англичане хотели сохранить свою собственную империю.

Политические цели США Вудроу Вилсон сформулировал в «Четырнадцати пунктах» речи на Парижской мирной конференции 8 января 1918. Вилсон вознамерился перенести «идеалистические эквиваленты» на глобальный уровень: самоопределение стран, открытые соглашения, взаимные гарантии, никаких частных договоров, демократия, свободная торговля, удаление всех экономических барьеров, равенство торговых условий, абсолютная свобода навигации в морях, уменьшение вооружения, регулирование всех колониальных требований на основании равноправия. По сути это была программа нового мирового порядка [2].

Рассматривая роль международных организаций в обеспечении мира на планете и участвуя в дискуссии о том, могла ли Лига Наций предотвратить вторую мировую войну и может ли ООН быть универсальным гарантом невозможности мировых войн в будущем мы в целом согласны с точкой зрения Л. Рендулича, который в определенной степени подтверждает тезис И. Канта о неизбежности войн.

Мысль о предотвращении войны содержит в себе значительный элемент бесперспективности из-за того, что все ранее предпринимавшиеся попытки запретить войну ни к чему не привели, хотя условия для проведения этой идеи в жизнь раньше были несравненно проще.

Основная причина неудач этих попыток состояла в том, что люди, не устраняя причин, которые постоянно приводят к войне, создавали, прежде всего, международную организацию, призванную исключить войну из жизни государств. То обстоятельство, что предотвращение войны невозможно без ликвидации порождающих ее причин, не учитывалось.

Без устранения причин, которые, как показал опыт, ведут к войне, вопрос ее предотвращения решить невозможно. А устранение всех этих причин — задача бесперспективная. Главными причинами войны до сего времени были: стремление к обеспечению безопасности, защита жизненно важных интересов, достижение или сохранение свободы, стремление к

государственному единству, религиозные и идеологические мотивы, политические доктрины, конкурентная борьба в области экономики и внешней торговли, династические соображения, стремление изменить положение, которое невыгодно той или иной стороне и представляется ей невыносимым, и не в последнюю очередь — попытки государств утвердить свое могущество [5].

Исходя из описанного, определяя роль и возможности ООН в предотвращении мировой войны поддерживаем точку зрения, высказанную Президентом Российской Федерации в выступлении на пленарном заседании 70 сессии Генеральной Ассамблеи ООН. «Организация Объединенных Наций — структура, которой нет равных по легитимности, представительности и универсальности. При основании ООН и не предполагалось, что здесь будет царить единомыслие. Суть организации, собственно, и заключается в поиске и выработке компромиссов, а ее сила — в учете разных мнений и точек зрения» [6].

Список литературы

1. Лига Наций первая попытка создания Мирового правительства [Электронный ресурс] // Историоскоп. 2012. 3 июня. URL: <http://историоскоп.livejournal.com/2528450.html>.
2. Клячу истории загоним! Левой, левой, левой... [Электронный ресурс] // Валентина Бакмастер. 2010. 28 сентября. URL: <http://www.apn.ru/publications/print23204.htm>.
3. Кант И. К вечному миру / И. Кант // Избранные сочинения. Калининград, 2005. — Т. 1. — С. 263-319.
4. Статут Лиги Наций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernEuUS/INTREL/SOURCES/Legnatus.htm>.
5. Лотар Рендулич. Управление войсками [Электронный ресурс]. URL: http://www.xliby.ru/voennaja_istorija/upravlenie_voiskami/index.php.
6. Полный текст и видео выступления Владимира Путина на Генеральной Ассамблее ООН 2015. 28 сентября. 20:40. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/article/119712>.

The article analyzes the role of the United Nations in settling international relations, primarily in the settlement of military conflicts in connection with the controversy about the prospects of its existence in the light of the experience of the existence of the League of Nations.

Keywords: *United Nations, the League of Nations, armed conflict, international relations*

УДК 341.1

Броварь А. В.

доктор исторических наук,
профессор

Варивода Т. А.

аспирант

Легенький В. Р.

студент

Государственное образовательное

учреждение высшего профессионального
образования «Донбасская юридическая
академия», г. Донецк

e-mail: aleksandrbrovar@ramler.ru

e-mail: tanya varivoda@mail.ru

e-mail: legvalentinlvr@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ УГРОЗЫ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ КОМПАНИИ «MONSANTO»

Получена 27 мая 2016; принята 10 июня 2016.

Brovar A. V.

Varivoda T. A.

Legenky V. R.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk

e-mail: aleksandrbrovar@ramler.ru

e-mail: vadim.sidyak@yandex.ru

e-mail: robingud80@bk.ru

NATIONAL LAW AS AN INSTRUMENT OF PREVENTION OF GLOBAL THREATS TRANSNATIONAL COMPANY «MONSANTO»

Received 27 May 2016; accepted 10 June 2016.

В статье анализируется роль транснациональной компании «Monsanto» как глобальной угрозы для человечества. Основной целью данной работы является выработка путей решения, данной проблемы, на уровне национального законодательства.

Ключевые слова: «Monsanto», генно-модифицированная продукция, международные отношения, вооруженный конфликт, глобальная угроза.

Как известно, современный мир наполнен множеством глобальных проблем, среди которых выделяют следующие: проблема поддержания мира, демографическая проблема, проблема преодоления отсталости, экологическая проблема, а также проблема истощения ресурсов и сокращения продовольствия.

Ни для кого не секрет, что на данный момент население нашей планеты

стремительно увеличивается. Организация Объединенных Наций опубликовала прогноз населения нашей планеты к 2050 году, согласно которому население Земли увеличится на 2,5 миллиарда человек и составит 9,1 миллиардов человек.

Эксперты ООН вычислили, что в будущем прирост населения Земли будет происходить исключительно за счет беднейших государств. А количество жителей США, стран Европы и других развитых регионов должно неуклонно сокращаться. Так, например, при продолжении нынешней демографической тенденции население Германии к 2050 году уменьшится с 82 миллионов до 71 миллиона человек, а население России уменьшится с 141 миллиона до 116 миллионов человек [1].

На этом фоне возникает одна из острейших глобальных проблем: — проблема продовольствия. Сейчас на планете практически каждое государство и каждая межгосударственная организация пытаются найти пути решения данной проблемы. Однако не каждая организация в решении данной проблемы преследует благие цели.

Актуальность выбранной темы обусловлена, прежде всего, тем, что «Monsanto» как самая крупная в мире транснациональная компания по производству и продажам семян трансгенных культур, благодаря своим действиям, не борется с проблемой сокращения продовольствия, а создает еще более опасную глобальную угрозу человечеству в виде распространения генно-модифицированной продукции, что приводит к катастрофическим последствиям.

Целью работы является определение негативных последствий деятельности компании «Monsanto», а также выявление основных путей решения данной проблемы.

Корпорация входит в состав многих торговых объединений и стратегических альянсов, созданных с целью влияния на основные сферы коммерческой деятельности. Состав Совета директоров «Monsanto» демонстрирует насколько хорошо компания манипулирует политическими силами в США и за рубежом, чтобы обеспечить поддержку своей деятельности. Компания проводит исследования своих разработок генно-модифицированных растений во многих странах: Украина, Болгария, Россия, Чехия, Румыния — в этих странах находятся их экспериментальные полигоны. Для создания и внедрения образа компании, заботящейся об окружающей среде и людях, «Monsanto» пользуется услугами крупных пиар-агентств: «Burson-Marsteller» — транснациональное агентство по связям с общественностью и стратегическим коммуникациям исполняла заказы по урегулированию и смягчению конфликтов в период экологических катастроф и разрешению политических кризисов или с «Global Access Limited».

Компания «Monsanto» завоевала рынок семян в 1996 году, благодаря созданию генетически модифицированной сои, устойчивой к гербициду Raun-

Ур, который уничтожает всю растительность кроме ГМО-сои. В 1998 году в США всего 2 % семян сои содержали запатентованный корпорацией ген, а уже к 2008 году более 90 % всех семян сои в США принадлежали «Monsanto» [2].

В Канаде в 2000 году — на заседании Конвенции о биологическом разнообразии, одобрен 130 странами Международный протокол по биобезопасности. Этот протокол предусматривает маркировку продуктов, содержащих ГМО, но он должен быть ратифицирован 50 странами перед вступлением в силу. Он все еще содержит много слабых мест и лазеек. 50 стран ратифицировали протокол лишь в 2003 году, хотя при подписании присутствовало 194 страны.

С 2002 года влияние компании «Monsanto» на продукты питания стало еще мрачнее. Во-первых, они начали просто скупать все зерновые компании, какие только могли. Как только была создана основа, они решили работать непосредственно с фермерами. «Monsanto» впервые создала биотехнологическую бизнес-модель, которая позволяет использовать патенты как своего рода биопиратство. Только это пиратство является совершенно законным.

Вот как это работает: фермеры могут покупать и использовать только семена от «Monsanto». Им запрещено под страхом закона выращивать любые растения и собирать урожай, выращенный из не-ГМО семян.

«Monsanto» использует одну тактику против тех фермеров, которые играют не по ее правилам. Почти все их поля окружены полями других фермеров, которые «дружат» с «Monsanto» и представители компании вместе с полицией заходят на земли правонарушителей, а затем волшебным образом представляют доказательства, что фермер использует продукцию «Monsanto», нарушая их патентные права [3].

Далее будет уместно привести цитату одного из самых влиятельных людей в Соединенных Штатах Америки, а именно Генри Киссинджера, который говорит: «Контролируя нефть, вы контролируете государства. Контролируя продовольствие, вы контролируете население». Следует также обратить внимание и на слова Билла Гейтса, основателя компании «Майкрософт», который говорит: «В мире сегодня 6,8 миллиарда человек. Численность населения стремительно приближается к 9 миллиардам. Если мы сейчас действительно хорошо поработаем над новыми вакцинами, медико-санитарной помощью, помощью в области репродуктивного здоровья, возможно, мы сможем понизить его процентов на 10–15». Данные личности в значительной степени относятся не только лишь к тем политическим и социальным процессам, которые происходят в США, но в том и числе и на более глобальном уровне, и из их слов видна основная цель теневого мирового правительства, которое действует посредством компании «Monsanto», это прежде всего установление глобального контроля над людьми.

Существуют определенные риски при употреблении генно-модифицированной продукции, среди которых ученые выделяют следующие:

1. Угнетение иммунитета, возможность острых нарушений функционирования организма, таких как аллергические реакции и метаболические расстройства в результате непосредственного действия трансгенных белков. Влияние новых белков, которые продуцируют встроенные в ГМО-гены, неизвестно. Человек их ранее никогда не употреблял, и поэтому неясно, являются ли они аллергенами. Около 25 % всех так называемых патогенез-зависимых белков, активно используемых для получения ГМ-растений, также обладают выраженными аллергическими свойствами.

2. Различные нарушения здоровья в результате появления в ГМО новых, незапланированных белков или токсичных для человека продуктов метаболизма. Эти нарушения могут возникнуть в связи с множественным эффектом белков ГМО: при получении ГМО в лаборатории невозможно заранее предвидеть, в какой именно участок генома встроится новый ген и сколько его копий окажется в организме-получателе.

3. Появление устойчивости патогенной микрофлоры человека к антибиотикам. При получении ГМО до сих пор используются маркерные гены устойчивости к антибиотикам, которые могут перейти в микрофлору кишечника, что было показано в соответствующих экспериментах.

4. Нарушения здоровья, связанные с накоплением в организме человека гербицидов. Большинство известных трансгенных растений не погибают при массовом использовании сельскохозяйственных химикатов и могут их аккумулировать. Есть данные о том, что сахарная свекла устойчива к гербициду глифосат и накапливает его токсичные метаболиты.

5. Отдаленные канцерогенный и мутагенный эффекты. Каждая вставка чужеродного гена в организм — это мутация, она может вызывать в геноме нежелательные последствия, и к чему это приведет — никто не знает, и знать на сегодняшний день не может. При изменениях, вносимых чуждым геном в эволюционно отлаженный геном, не предполагать вероятность возникновения токсичных, аллергенных, канцерогенных и мутагенных продуктов (веществ) невозможно, поэтому независимые специалисты не исключают проявления негативных эффектов, связанных с такими веществами, у потреблявшего ГМО человека в будущем.

По данным исследований британских ученых в рамках государственного проекта «Оценка риска, связанного с использованием ГМО в продуктах питания для человека» (Evaluating the risks associated with using GMOs in human foods), обнародованных в 2002 г., трансгены имеют свойство задерживаться в организме человека и в результате, так называемого, «горизонтального переноса» встраиваться в генетический аппарат микроорганизмов кишечника человека. Ранее подобная возможность отрицалась. Согласно данным отчета

Института питания РАМН 1998 г. у крыс, получавших трансгенный картофель компании «Monsanto», как через месяц, так и через шесть месяцев эксперимента наблюдались: статистически достоверное снижение массы тела, анемия и дистрофические изменения печеночных клеток. Согласно внутреннему докладу «Monsanto», обнародованному со скандалом в июне 2005 г., у подопытных крыс, которых кормили ГМ-кукурузой нового сорта MON 863, возникли изменения в кровеносной и иммунной системах (Toxicology Report Summary. Monsanto, USA, 2002) [4].

Более серьезным примером деятельности компании «Monsanto» является пример использования химиката «Agent Orange», США во время войны во Вьетнаме. Agent Orange (смесь 1:1 2,4-дихлорфеноксиуксусной кислоты) 2,4-D и 2,4,5-трихлорфеноксиуксусной кислоты (2,4,5-T), так же как и другие вещества (Агент Пурпур, Агент Пинк, Агент Блю, Агент Уайт и Агент Грин) из-за упрощенной технологии синтеза содержал значительные концентрации диоксинов, которые вызывают рак и генетические мутации у людей, соприкасавшихся с ними. В общей сложности около 14 % территории Вьетнама было подвергнуто воздействию этого яда.

Еще в ходе войны применение дефолиантов подвергалось критике. Впоследствии выяснилось, что Оранжевый агент привел к тяжелым заболеваниям у большого числа американских и южнокорейских солдат, а также местного вьетнамского населения. В настоящее время жители многих районов на юге Вьетнама продолжают испытывать на себе последствия операции «Ranch Hand».

Химикаты продолжают негативно влиять на состояние здоровья даже тех вьетнамцев, которые родились на пораженных землях годы спустя после окончания войны. Дети рождаются с врожденными дефектами, физическими и умственными. Многие из них входят в группу повышенного риска онкологических заболеваний. Вьетнамские врачи считают, что всему виной Agent Orange.

В конце 1990-х канадские исследователи взяли пробы почвы, воды, и обитающих в ней рыб и уток, а также образцы человеческих тканей. Они обнаружили, что в зараженных областях концентрация диоксинов в почве превышала норму в 13 раз, а в жировых тканях человеческого организма — в 20 раз. Японские ученые, которые занимались сравнением зараженных и незараженных территорий, обнаружили, что в зараженных областях в три раза выше риск рождения детей с расщелиной неба, так называемой волчьей пастью или с лишними пальцами на руках и ногах. Кроме того, у детей, рожденных в этих местах, в восемь раз чаще встречается пупочная грыжа и в три раза чаще врожденные умственные отклонения [5].

Таким образом, на примере использования «Agent Orange» во Вьетнаме, следует заметить, что вся та продукция, которая разрабатывается компанией

«Monsanto», наносит непоправимый вред человечеству. Вследствие того, что было выпущено огромное количество такого вещества, последствия сразу стали видны, в отличие от обычного употребления генно-модифицированных продуктов в ежедневном рационе человека, но результат, вне зависимости от времени наступления последствий, один и тот же: у человека происходят определенные мутации в организме, новорожденные дети рождаются с различными отклонениями или патологическими заболеваниями.

Помимо деятельности самой компании в этой сфере, существенную роль играет и государство США, поддерживая «Monsanto», прежде всего в политическом и экономическом плане.

В национальном праве, для того чтобы противостоять стремительно надвигающейся угрозе, необходимо внести законопроекты, которые будут рассматривать пути решения данной проблемы, прежде всего:

1. Необходим полный отказ от генно-модифицированной продукции.
2. Государствам следует более ответственно и серьезно подойти к вопросу развития собственного агропромышленного комплекса.
3. Необходимо минимизировать содержание химикатов в удобрениях сельскохозяйственной продукции.
4. Необходимо государственное субсидирование фермерских и иных сельскохозяйственных угодий.
5. Необходимо усилить контроль за импортом продукции, прежде всего в вопросе безопасности ее употребления.
6. Необходимо ввести ответственность за распространение и выращивание трансгенных культур.

Список литературы

1. ООН — Прогноз населения Земли к 2050 году [Электронный ресурс] // Мир прогнозов. URL: <http://www.mirprognozov.ru/prognosis/society/oon---prognoz-naseleniya-zemli-k-2050-godu/tr>.
2. Монсанто — захват планетарного рынка продуктов питания [Электронный ресурс] // Фальсификат. URL: <http://falsifikat.net/vse-o-gmo/monsanto-zaxvat.html>.
3. Мрачное влияние компании Монсанто на продукты питания [Электронный ресурс] // Эконет. URL: <http://econet.ru/articles/62413-mrachnoe-vliyanie-kompanii-monsanto-na-produkty-pitaniya>.
4. Monsanto самая ненавидимая компания в мире [Электронный ресурс] // Катехон. URL: <http://katehon.com/ru/article/monsanto-samaya-nenavidimaya-kompaniya-v-mire> (дата обращения:).
5. Что такое Agent Orange или экологическая война против Вьетнама [Электронный ресурс] // Мертвая земля. URL: <http://deadland.ru/node/6903> (дата обращения: 03.06.2016 г.).

The article analyzes the role of transnational company «Monsanto», as a global threat to humanity. The main purpose of this work is to develop a solution paths of the problem at the level of national law.

Keywords: *«Monsanto», genetically modified products, international relations, military conflict, a global threat.*

УДК 343.9

Ганзера Р. А.
аспирант

Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донбасская юридическая
академия», г. Донецк
e-mail: dua.ug.pravo@gmail.com

**ИДЕЙНО-ПРАВСТВЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В
КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ ДОРОЖНО-
ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Получена 30 мая 2016; принята 15 июня 2016.

Ganzera R. A.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: dua.ug.pravo@gmail.com

**IDEOLOGICAL AND MORAL COMPONENT IN CRIMINOLOGICAL
PREVENTION OF ROAD TRAFFIC OFFENCES**

Received 30 May 2016; accepted 15 June 2016.

Статья посвящена проблемам разработки современных эффективных мер по противодействию и профилактике дорожно-транспортным преступлениям, обоснованию необходимости создания теоретической базы, отвечающей вызовам меняющихся реалий.

Ключевые слова: *профилактика преступлений, неосторожные преступления, личность преступника, дорожно-транспортные происшествия, теоретическая база.*

Профилактика преступлений является наиболее эффективным и наименее репрессивным элементом противодействия преступности. Данная

деятельность базируется на совокупности важных последовательных действий специально уполномоченных государственных органов, основывающаяся на принципах и имеющая цель решение конкретных задач в борьбе с преступностью.

Предупреждение преступлений направлено на выявление, устранение причин и условий, влияющих на совершение преступления или его облегчения. В таком контексте также выступают криминологические исследования, являясь теоретической базой для формирования конкретных предложений для правоприменителя.

Система профилактики является многоуровневой и представляет собой совокупность мероприятий по предупреждению преступности субъектами, направленных на:

- 1) установление причин и условий совершения преступлений, нейтрализации факторов, их порождающих;
- 2) установление криминообразующих факторов, оказывающих провокационное воздействие на преступность на определенной территории или в определенной среде;
- 3) установление и выявление групп риска среди граждан, потенциально склонных к совершению преступлений, а также разработка комплекса мероприятий, направленных на снижение такого риска;
- 4) проведение работы корректирующего характера с лицами, склонными к совершению преступлений, а также установление окружения таких лиц для более полной информационной картины [2].

Профилактика преступлений является сложным и многоаспектным комплексом процессов, для реализации и осуществления которых соответствующие государственные органы должны объединить свои усилия и, используя методы пропаганды и агитации, оказывать влияние на массовое сознательное отношение в противодействии различным видам преступлений.

Профилактика в целом представляет собой важную сферу социального управления, которая оказывает воздействие как на причины и условия, так и на саму преступность в целом для предотвращения ее самовоспроизведения.

Указанные меры профилактики осуществляются как разными государственными, так и общественными институтами, что в совокупности представляет систему по предупреждению преступлений.

Считаем, что системный подход к предупреждению, в частности, дорожно-транспортных преступлений, должен представлять собой комплекс мероприятий, основанных на взаимодействии субъектов профилактики, который базируется на всестороннем понимании его механизмов.

Важное значение при профилактике преступлений, связанных с ДТП, играет понимание необходимости профилактики одновременно как уголовных,

так и административных деликтов, а также казусов, то есть невиновного причинения вреда.

Многообразие причин ДТП обуславливает необходимость разработки разносторонних мер по их предупреждению.

Такие меры могут иметь не только социально-экономический, социально-правовой, но и организационно-технический, а также психологический характер.

Огромное профилактическое значение имеет прокладка новых современных автомагистралей и реконструкция существующих дорог, их обеспеченность информационно-указательными знаками, соответствующими ограждениями и тому подобное. Важным направлением профилактики является необходимый уровень подготовки водителей-профессионалов и любителей.

Говоря об организационно-технических мероприятиях, важно отметить необходимость постоянного мониторинга технического состояния транспортных средств, выявление таких конструкций, деталей и механизмов транспортных средств, которые являются потенциально опасными и могут привести к ДТП.

Также важно настоятельно рекомендовать водителям использовать пассивные средства защиты.

В отношении дорожно-транспортных преступлений в качестве их предупреждения, как совокупности сложившихся, с учетом политики государства, в сфере профилактики, мероприятий (временного характера, а также долгосрочные, среднесрочные, краткосрочные), направленные на водителей транспортных средств, на технические средства, обеспечение снижения уровня травматизма при аварии; лиц, способных своими действиями создавать провоцирующие условия для ДТП; работников ГАИ МВД ДНР, служит задачам обеспечения безопасности дорожного движения.

Важнейшим субъектом профилактики автодорожных преступлений являются органы полиции, а именно Государственная автомобильная инспекция. В их функции первоначально относятся как регулирование дорожного движения для всех его участников, так и выявление, и предотвращение нарушения ПДД, а также контроль за содержанием дорожного полотна, надзор за техническим состоянием автомобильного транспорта, регистрация и постановка на учет автотранспортных средств.

Также среди важных функций стоит отметить учет и анализ ДТП, выявление причин и условий. Кроме этого – разработка профилактических мероприятий, приема экзаменов на право управления соответствующими видами транспорта и выдача соответствующих удостоверений водителя.

Говоря о правоприменении, укажем на применение к нарушителям установленных законом мер воздействия. Немаловажным направлением

деятельности ГАИ является постоянная организация и осуществление воспитательной и агитационно-пропагандистской работы среди населения.

Субъектами профилактики дорожно-транспортных преступлений, указанных выше, могут быть должностные лица, осуществляющие полномочия от имени органов государственной власти, а также общественные организации, объединения и граждане. Различия между этими субъектами проявляются в характере реализации полномочий [3].

Говоря о профилактике преступлений, связанных с преступным нарушением ПДД важно отметить, что такие мероприятия необходимо проводить не только среди водителей транспортных средств, но и среди других участников дорожного движения, особенно это касается пешеходов, так называемая виктимологическая профилактика.

Под виктимологической профилактикой в криминологии понимается совокупность мероприятий специальных социальных институтов, деятельность которых направлена на выявление, устранение и нейтрализацию таких факторов, обстоятельств и ситуаций, которые формируют поведение потенциальной жертвы и которые обуславливают совершение в отношении их преступлений, а также выявление «групп риска» и конкретных лиц с повышенной степенью виктимности.

Кроме того, целью виктимологической профилактики является воздействие на криминообразующие факторы для восстановления или активизации имеющихся защитных свойств, а также разработка или совершенствование социальных средств защиты граждан от преступлений [4]. Уровень виктимности отличается в зависимости от возраста. Так, говоря об устранении виктимности среди молодежи, особое внимание стоит обратить на воспитание у них культуры поведения в условиях дорожного движения. Зачастую представители данной возрастной категории становятся жертвами ДТП вследствие небрежного, недостаточно ответственного отношения как к транспортным средствам, так и недопонимание угрозы, исходящей от халатного отношения к объектам повышенной опасности.

Так, нередко можно увидеть грубое нарушение ПДД молодыми мамами, которые пренебрегают не только своей личной безопасностью, но и безопасностью своих детей, выбегая на проезжую часть в неположенных местах, либо на пешеходный переход, при этом не убедившись в том, что приближающееся транспортное средство полностью остановилось. Нередки случаи, когда впереди себя указанная категория молодых родителей выкатывает коляску, часто – из-за стоящих транспортных средств, когда водитель движущегося в их направлении автомобиля из-за высоты коляски ее не может увидеть и происходит столкновение, как правило, сопровождающееся тяжкими последствиями для маленького ребенка.

Дети, во многом копируя поведение родителей, в дальнейшем наследуют их действия при дорожном движении, не зная другого примера, что также может привести к непоправимым последствиям.

Отсюда можно сделать выводы, что важную роль в профилактике ДТП играет воспитание в семье. Если старшее поколение будет себя вести на проезжей части как того требуют ПДД, то и молодому поколению на подсознательном уровне передастся навык соблюдения правил.

В указанном контексте считаем необходимым учёт идейно-нравственной составляющей в криминологической профилактике ДТП. Так, существует необходимость более рационально использовать возможности СМИ, через которые важно проводить пропаганду правомерного поведения граждан, недопущение аморального и противоправного поведения.

СМИ переполнены информацией об ужасах ДТП, однако практически нет информации, как же вести себя участнику ДТП, очевидцу или жертве. По нашему мнению, крайне важной является информация, многократно повторяющаяся, как реклама, о поведении на дороге, о действиях в конфликтных ситуациях, предоставление информации об органах, в которые можно обратиться, контакты.

Также стоит создавать программы для детей в игровой форме, выпускать специализированные мультфильмы для самых маленьких участников дорожного движения с тем, чтобы с самого раннего возраста прививать культуру поведения на дороге; разъяснять требования дорожных знаков и разметки, а также перечень действий для детей, которые также могут пострадать в ДТП, если рядом не окажется взрослый [1].

Позитивный эффект достигается от социальной рекламы о вреде вождения в нетрезвом состоянии и необходимости повышенного внимания на дороге всеми участниками дорожного движения.

Что касается идейно-воспитательного воздействия на водителей, стоит отметить следующее: ввиду того, что автодорожные преступления относятся к категории неосторожных, личность нарушителя обладает многими признаками, свойственными неосторожным преступникам.

Особенно это касается халатности, небрежного отношения к организации своей жизни, постоянным опозданиям и неумения распределять время, обязанности, что, в совокупности, приводит к противоправным деяниям и тяжким последствиям.

Данное положение говорит о необходимости более тщательно изучать личность потенциального водителя с тем, чтобы уже во время прохождения им обучения оказывать воспитательное воздействие, делать акцент на необходимости строгого соблюдения ПДД, концентрации внимания на все указания ПДД, а не только на те, которые сочтет важными обучающийся.

Неоднократно звучат призывы к максимальному ужесточению наказания для лиц, совершивших ДТП и находившимся при этом в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения.

Считаем такую мысль целесообразной, однако без соответствующего понимания самим нарушителем важности соблюдения ПДД такие меры не возымеют желаемого эффекта.

Подводя итог сказанному, отметим, что важнейшим фактором противодействия и профилактики автотранспортных преступлений является как соблюдение ПДД всеми участниками дорожного движения, так и взвешенное и вдумчивое отношение к своей жизни и здоровью, а также уважительное отношение к другим участникам дорожного движения, что в совокупности может снизить уровень таких преступлений.

Меры профилактики должны самым тесным образом перекликаться и взаимодействовать с общесоциальными мерами и мерами специально-криминологической профилактики автотранспортных преступлений.

Ценный вклад могут внести информационные мероприятия ввиду их эффективности, как в отношении виновных, так и различных групп потерпевших. Особое внимание важно уделять выявлению потенциальных потерпевших, снижению уровня их виктимности, для этого необходимо наличие их правовой регламентации.

Важно понимать, что все мероприятия профилактического характера для наибольшей эффективности должны быть реальными, законными, конкретными и обоснованными.

Дорожно-транспортные происшествия могут стать пятой ведущей причиной смертности к 2030 году во всем мире. В соответствии с данными, опубликованными в докладе Всемирной Организацией Здравоохранения о состоянии безопасности дорожного движения в мире, дорожно-транспортный травматизм находится на восьмом месте в списке ведущих причин смертности в мире и является главной причиной смертности среди молодежи в возрасте 15-29 лет. Ежегодные показатели смертности в результате дорожно-транспортных происшествий остаются на недопустимо высоком уровне – в среднем около 1,3 млн. погибших в год [1].

Именно желание доказать самому себе свою значимость зачастую приводит к переоценке собственных возможностей, к максимальному движению в сторону эскалации опасной ситуации, а не избежание ее, в том числе и на дороге. Зачастую это приводит к ДТП и тяжким последствиям.

Стоит отметить, что лица, совершившие ДТП с тяжкими последствиями, представляют интерес исходя из их психологических качеств, так как у них отсутствуют характерные психологические особенности, свойственные гражданам, совершившим умышленные преступления, несмотря на одинаковую общественную опасность действий и тех и других [2].

Существует несколько способов и методик, изучающих личность и ее свойства и характеристики, однако в контексте изучения личности неосторожного преступника, совершившего ДТП наиболее интересным представляется получивший широкое распространение социально-когнитивный подход. Благодаря данному подходу возможным станет получение первичных данных, объясняющих психологический механизм неосторожного преступления.

Не всегда даже сам виновный может себе дать отчет о мотивах своих поступков на дороге, однако механизм неосторожных преступлений подразумевает наличие неосознанных мотивов, которые находятся глубоко в сознании человека, но, тем не менее, оказывают на него влияние.

Несмотря на достаточно глубокое изучение личности преступника в целом и личности неосторожного преступника в частности, проблема остается открытой.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что аспект изучения личности неосторожных преступников актуален и требует дальнейших глубоких не только правовых, но и криминологических и психологических исследований.

Список литературы

1. Александров Ю. В. Кримінологія: курс лекцій / Ю. В. Александров. — К.: МАУП, 2002. — 295 с.
2. Кузьменко Д. О. Криминологическая характеристика особенностей личности преступника, совершившего дорожно-транспортное преступление, связанное с наездом на пешехода / Д. О. Кузьменко // Социально-экономические явления и процессы. — 2009. — № 3. — С. 42–46.
3. Соляной А. В. Предупреждение дорожно-транспортных преступлений: автореф. дис ... к.ю.н.: 12.00.08 / А. В. Соляной. — М., 2011. — 26 с.
4. Совершенствование деятельности по расследованию дорожно-транспортных преступлений: материалы всероссийской научно-практической конференции в режиме видеоконференцсвязи (г. Тюмень, 6 сентября 2012 г.) [Электронный ресурс] // Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2012. — 116 с. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskayaharakteristika-osobennostey-lichnosti-prestupnika-sovershivshego-dorozhno-transportnoe-prestuplenie> (дата обращения: 24.09.2015).

The article is devoted to modern problems of development of effective measures for combating and prevention of traffic offences, the rationale for providing a theoretical framework that meets the challenges of changing realities.

Keywords: prevention of crime, reckless crimes, personality of criminal, road traffic accidents, theoretical base.

УДК 343.13

Гапотченко Г. Н.

кандидат юридических наук, доцент

Государственное образовательное

учреждение высшего

профессионального образования

«Донбасская юридическая академия»,

г. Донецк

e-mail: gapot4enko@yandex.ua

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И УГОЛОВНОГО ПРАВА

Получена 26 мая 2016; принята 10 июня 2016.

Gapotchenko H. N.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law

academy», Donetsk

e-mail: gapot4enko@yandex.ua

ACTUAL QUESTIONS CRIMINAL PROCESS AND CRIMINAL LAW

Received 26 May 2016; accepted 10 June 2016.

В статье исследуются отдельные актуальные вопросы уголовного права и уголовного процесса. Автором указываются отдельные замечания и обосновываются предложения по усовершенствованию правового регулирования указанной деятельности.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовный кодекс, следственные действия.

Уровень правопорядка в государстве определяется многими факторами, в том числе законодательным урегулированием норм поведения и ответственности граждан за их нарушение, а также наличием правовых оснований для выявления и пресечения компетентными органами готовящихся преступлений, и раскрытия уже совершенных.

Особую актуальность вопросы защиты граждан и общества от преступных посягательств приобретают в связи с активизацией преступных вызовов, которые в последнее время дестабилизируют общественный порядок и общественную безопасность, угрожают конституционному строю. Таковыми на сегодняшний день являются: угрозы террористического характера, незаконный оборот наркотических средств, оружия, боеприпасов и др.

Анализ отдельных резонансных преступлений показывает, что им предшествует тщательно спланированная организация и распределение ролей между соучастниками. Примером того, может служить совершение трех террористических актов в декабре 2013 года в г. Волгограде, в результате которых погибли и получили ранения десятки граждан [1].

Раскрытие этих и подобных преступлений диктует необходимость принятия законодателем дополнительных, новых и адекватных преступным вызовам действий познавательного характера в уголовном процессе, поскольку существующих ныне явно недостаточно.

Познавательная деятельность в уголовном процессе осуществляется не иначе, как в форме доказывания. Как справедливо отмечает Ю. М. Грошевой и другие ученые, доказывание начинается там, где начинается процессуальная деятельность, которая урегулирована нормами Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) [2, с.140].

Следует пояснить, что в настоящее время на территории Донецкой Народной Республики применяется УПК Украины 1960 г. [3].

Его нормы содержат исчерпывающий перечень познавательных (следственных) действий: проведение экспертизы; допрос (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого); очная ставка; предъявление для опознания лица и предметов; обыск; выемка; освидетельствование; осмотр (места происшествия, помещений, предметов, документов, трупа; наложение ареста на корреспонденцию и снятие информации с каналов связи [4].

Нормы УПК РФ содержат примерно тот же перечень следственных действий, в который, кроме указанных ранее, включены также: контроль и запись переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами [5].

Анализ уголовно-процессуального законодательства отдельных государств указывает на наличие в нем следственных действий негласного характера.

Познавательные действия негласного характера содержатся в УПК ФРГ и называются «Мероприятия без ведома заинтересованного лица» (§ 100с).

В соответствии с ними для выяснения обстоятельств дела могут быть: а) сделаны фотографии или видеозаписи; б) использованы специальные технические средства, предназначенные для наблюдения (§ 100с); справка о сведениях телекоммуникационных соединений (§ 100g) меры в отношении

мобильных аппаратов (§ 100i); скрытый дознаватель (§ 110a); вход в жилое помещение, согласно которому скрытый дознаватель с использованием легенды должны входить в жилое помещение (§ 110с) контрольные посты на улицах и площадях (§ 111) [6, с.35–45, 48–50].

В таком же направлении меняется уголовно-процессуальное законодательство Латвийской Республики. Действующий закон содержит главу 11 «Специальные следственные действия», которая процессуально регламентирует:

- контроль корреспонденции (ст. 217);
- контроль средств связи (ст. 218);
- контроль данных, находящихся в электронной информационной системе (ст. 219);
- аудио контроль или видео контроль места (ст. 221);
- аудио контроль лица (ст. 221); наблюдения и слежения за лицом (ст. 223);
- наблюдение за предметом или местом (ст. 224);
- специальный следственный эксперимент (ст. 225);
- получение сравнительных образцов специальным средством (ст. 226);
- контроль преступной деятельности [7, с.60–62].

По нашему мнению, с положительной стороны необходимо отметить включение в УПК Украины 2012 г. главы 21 «Негласные следственные (розыскные) действия», согласно которой указанные действия являются разновидностью следственных действий. В соответствии со ст. 246 УПК, сведения о факте и методах их проведения не подлежат разглашению, за исключением случаев, предусмотренных этим же УПК.

Система негласных следственных (розыскных) действий включает:

- аудио-, видеоконтроль лица (ст. 260 УПК),
- наложение ареста на корреспонденцию (ст. 261 УПК),
- осмотр и выемку корреспонденции (ст. 262 УПК),
- снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей (ст. 263 УПК),
- снятие информации с электронных информационных систем (ст. 264 УПК),
- обследование публично недоступных мест, жилища или иного владения лица (ст. 267 УПК),
- установление местонахождения радиоэлектронного средства (ст. 268 УПК),
- наблюдение за лицом, вещью или местом (ст. 269 УПК),
- аудио-, видеоконтроль места (ст. 270 УПК),
- контроль за совершением преступления (ст. 271 УПК),

- выполнение специального задания по раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации (ст. 272 УПК),
- негласное получение образцов, необходимых для сравнительного исследования (ст. 274 УПК) [8, с.153–158].

Считаем, что комплексное сочетание использования гласных и негласных указанных выше следственных действий позволяет получать всю необходимую информацию и сведения о любых, даже самых замаскированных преступлениях.

Гарантом законности проведения указанных выше негласных следственных действий является двойной контроль. Вначале ходатайство следователя об их проведении проверяет прокурор, и только в случае его согласия оно направляется в суд для рассмотрения. Окончательное решение о проведении негласных следственных действий или об отказе в этом принимает следственный судья в форме определения.

Вместе с тем отдельные вопросы их правовой регламентации, процессуального порядка проведения и фиксации, по нашему мнению, требуют более детального законодательного урегулирования.

Поскольку объем данной статьи не позволяет более детально раскрыть и аргументировать указанные выше вопросы, считаем, что с учетом изложенного, необходимо сделать следующие выводы.

1. Возможности имеющихся в действующем УПК познавательных (следственных) действий явно недостаточны для выявления и пресечения компетентными органами отдельных готовящихся преступлений, и раскрытия уже совершенных.

2. Перечень познавательных (следственных) действий в уголовном процессе должен быть дополнен следственными действиями оперативного (негласного) характера, которые должны регламентироваться нормами УПК.

3. Основания, процессуальный порядок проведения, фиксации и использования результатов таких познавательных действий в уголовном процессе требует дополнительного исследования и изучения.

4. С целью своевременного реагирования, выявления и пресечения преступных вызовов, государство должно своевременно и адекватно принимать меры упреждающего характера путем внесения изменений и дополнений в действующее законодательство.

Отдельно хотим обратить внимание на некоторые вопросы содержания и применения норм уголовного закона — Уголовного кодекса.

Изучение Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее — УК ДНР) позволяет выделить отдельные дискуссионные вопросы, которые касаются как его содержания, так и его применения [9].

Первое, что обращает на себя внимание, это сходство уголовного законодательства ДНР с Уголовным кодексом РФ. Однако в некоторых нормах УК ДНР прямо указывается его государственная принадлежность, например «Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление на территории Донецкой Народной Республики».

В то же время вызывает неоднозначное восприятие и понимание применительно к территории действия УК, диспозиция ч. 2 ст. 299 УК ДНР — «незаконная добыча китиков, морских бобров или иных морских млекопитающих в открытом море или в запретных зонах».

Справедливости ради, следует отметить, что подобные вопросы встречаются не только в нормах УК ДНР. Так, в Уголовно-процессуальном кодексе Луганской Народной Республики, к органам дознания отнесены капитаны морских и речных судов [10].

Очевидно, что и уголовное и уголовно-процессуальное законодательство ДНР и ЛНР, как и в целом, правовая система, находятся в состоянии становления и совершенствования.

Именно поэтому мы считаем важным и необходимым принятие Постановления Совета Министров ДНР № 9–1 от 02.06.2014 г. «О применении Законов на территории ДНР в переходный период», согласно которому до принятия Законов ДНР «применять на территории ДНР Законы Украины или Законы других государств, не противоречащих Декларации о суверенитете ДНР...» [3].

Такая позиция нами поддерживается, однако, следует отметить, что применение различных норм права и законов других государств, не приведет к единому их пониманию и применению как научными, так и практическими работниками, поскольку для этого необходимо знать, каким именно законом следует руководствоваться.

С положительной стороны следует отметить принятие Постановления Совета Министров ДНР № 13–13 от 22.07.2015 г. «О внесении изменений в Постановление Совета Министров ДНР № 9–1 от 02.06.2014 г. «О применении Законов на территории ДНР в переходный период», где в п. 3 прямо указано:

- «до принятия Уголовного процессуального кодекса ДНР применять на территории ДНР Уголовно-процессуальный Кодекс Украины от 28.12.1960 г.» [11].

Поскольку на сегодняшний день актуальными являются проблемы применения и перспективы УК ДНР, хотелось бы отметить отдельные вопросы, которые, по нашему мнению, нуждаются в усовершенствовании и более детальном правовом урегулировании.

Первое, на что необходимо обратить внимание. Уголовный кодекс ДНР, как впрочем, и другие законодательные акты, должен быть юридически сбалансирован. Его нормы и положения должны быть прозрачны и понятны как

для изучения, так и для единообразного применения. При этом, понимая необходимость развития и усовершенствования уголовного законодательства, не следует отказываться от норм, которые содержались в предыдущих УК Украины, были понятны всем участникам уголовного судопроизводства и десятилетиями успешно применялись на практике. В связи с этим, выделим несколько тезисов.

Тезис первый. В нормах предыдущих УК Украины содержалось такое понятие как кража индивидуального имущества и кража государственного (общественного) имущества. В зависимости от этого, указанные нормы различались по способам их совершения, умыслу, квалифицирующим признакам и санкциям.

Диспозиция ст. 164 УК ДНР «Кража» указывает, что кража есть тайное похищение чужого имущества. При этом, она содержит такие признаки, которые характерны и для кражи индивидуального, и для кражи государственного (общественного) имущества или другой формы собственности, например:

- кража с причинением значительного ущерба гражданину (п. В ч. 2) прямо указывает о том, что это кража индивидуального имущества.

В то же время п. Б ч. 3 этой же статьи предусматривает уголовную ответственность за кражу из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода, что указывает на государственную (общественную, корпоративную) форму собственности похищенного имущества.

Нормы предыдущих УК Украины (ч. 2 ст. 140; ч. 2 ст. 185 УК) содержали такой квалифицирующий признак, как повторность. Как показывает многолетний личный опыт оперативной и следственной работы, именно этот квалифицирующий признак имел определяющее значение при квалификации действий и назначении уголовного наказания так называемым «карманным ворами-рецидивистам».

Трудно понять и объяснить по каким причинам указанный квалифицирующий признак не был включен в диспозицию указанной статьи. По нашему мнению, это существенно сужает действие УК по кругу субъектов.

Вместе с тем в диспозиции указанной статьи (п. Г ч. 2) появился такой квалифицирующий признак как «кража из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем». Понятно, что под этим подразумевается именно совершение краж так называемыми «карманными ворами». Но если мы говорим об усовершенствовании уголовного законодательства и о его развитии, то необходимо учитывать и новые способы совершения преступлений в современных условиях. Почему тогда законодатель не включил в диспозицию указанной статьи такой квалифицирующий признак, как совершение кражи с использованием компьютерных технологий (кражи со счетов банков, юридических и физических лиц), которые совершаются

довольно часто, и что, главное, ущерб от них исчисляется многими миллионами?

В то же время п. А ч. 3 указанной статьи содержит такой квалифицирующий признак, как «кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище». Он традиционно был в предыдущих УК, и сохранен в нынешнем. Вместе с тем следует отметить, что ст. 30 Конституции Украины и ст. 18 Конституции ДНР гарантируют неприкосновенность жилища.

К тому же ст. 142 УК ДНР предусматривает отдельно уголовную ответственность за нарушение неприкосновенности жилища.

Аналогичная норма содержится в УК ФРГ. Параграф 123 «нарушение неприкосновенности жилища» указывает: «кто противоправно проникает в квартиру, помещения предприятия или владение другого лица или в закрытые помещения, предназначенные для общественных служб или транспорта, или, не имея на то полномочий, находится в подобном помещении и не покидает его по настоятельной просьбе уполномоченного лица, — наказывается лишением свободы на срок до одного года или денежным штрафом» [12].

В связи с изложенным следует вспомнить, что ч. 3 ст. 81 одного из предыдущих УК Украины предусматривала уголовную ответственность за кражу государственного имущества с проникновением на охраняемую территорию.

Как видим, на примере анализа нормы только одной статьи УК, следует сделать вывод о необходимости усовершенствования ее правовой регламентации.

Тезис второй. Часть 2 ст. 42 УК ДНР «Понятие и цели наказания» указывает, что «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». По нашему мнению, если речь идет о лишении свободы за умышленные преступления, то говорить о перевоспитании осужденных возможно, но вряд ли стоит, поскольку такие случаи являются единичными. Мы считаем, что в современных условиях, с учетом уровня правосознания граждан, одной из целей наказания в виде лишения свободы должна быть изоляция осужденных от добропорядочных граждан общества и пресечение возможности совершать ими новые преступления. Этим следует дополнить указанную норму УК.

Тезис третий. Исходя из общих задач уголовного судопроизводства о том, чтобы каждый, кто совершил преступление, был привлечен к ответственности, и о неотвратимости наказания, мы считаем, что, с учетом современных реалий, при назначении подсудимому уголовного наказания за совершение двух и более преступлений, необходимо, чтобы в приговоре суда мера наказания мотивировалась и определялась за каждое совершенное преступление. При этом общее наказание в виде лишения свободы должно

исчисляться не путем поглощения менее тяжкого преступления более тяжким, а суммарно, путем сложения всех сроков наказания за каждое преступление. Нельзя признать справедливым наказание, когда осужденному за совершение нескольких эпизодов, например, краж назначается наказание в виде 4 лет лишения свободы.

Тезис четвертый. Вид наказания за совершение каждого конкретного преступления должен быть установлен законодательно. Судья (суд) при рассмотрении уголовного дела должен установить, виновен или невиновен подсудимый в совершении указанных преступлений. Это предложение может быть дискуссионным и требует дополнительных исследований, но такая мера необходима, потому что:

- санкции одной статьи предусматривают слишком широкий диапазон наказаний (от штрафа до нескольких лет лишения свободы);
- общие правила назначения наказания (ст. 59 УК) слишком расплывчаты и не содержат конкретики, что открывает широкое пространство для коррупционной составляющей при определении вида и срока наказания;
- виды и меры наказания, которые назначают разные суды за одинаковые составы преступлений, в некоторых случаях существенно отличаются: от штрафа до лишения свободы сроком не несколько лет.

Для примера следует отметить, что отдельные нормы УК ФРГ прямо указывают безальтернативное наказание. Так, согласно § 211 «Тяжкое убийство» — «злостный убийца (Morder) наказывается пожизненным лишением свободы» [12].

Нормы УК США вообще не содержат санкции в статьях уголовных преступлений. Так, например ст. 213.3 «Неправомерное лишение свободы» указывает — «лицо совершает мисдиминор (в уголовном праве США и Великобритании категория наименее опасных преступлений, граничащих с административными правонарушениями — прим. автора), если оно неправомерно ограничивает свободу другого лица таким способом, что оно в значительной степени оказывается стесненным». При этом формы и виды наказания регламентированы другими нормами, которые судья, в зависимости от оснований, применяет к конкретному преступлению [13].

Тезис пятый. Норма ст. 4 УК ДНР декларирует равенство граждан перед законом, независимо от пола, расы и т. д. Ст. 43 УК ДНР указывает, что видами наказаний являются пожизненное лишение свободы (п. Н) и смертная казнь (п. Р). В то же время согласно ст. 56 и ст. 58 пожизненное лишение свободы и смертная казнь не назначаются женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет. С этим трудно согласиться, поскольку отдельные преступления, которые совершают женщины и несовершеннолетние, по своей тяжести и жестокости просто несопоставимы с запретом на применение к ним указанных мер наказания. Считаем, что

пожизненное лишение свободы в отдельных, исключительных случаях, могут назначаться женщинам, а в военное время — и смертная казнь. Данный тезис является дискуссионным и требует дополнительного изучения.

Тезис шестой. По нашему мнению, отдельные обстоятельства, которые смягчают наказание (ст. 60 УК ДНР) уже давно морально устарели либо утратили свое значение и актуальность, а посему не могут быть таковыми. Разве можно в качестве смягчающих обстоятельств признать убийство беременной женщиной, которая также является матерью других малолетних детей, одного из своих детей? Никакие тяжелые жизненные обстоятельства не могут толкнуть человека на совершение преступления и не могут быть истолкованы, как смягчающие обстоятельства (п. Д). Сложно представить, что преступник, который умышленно причинил тяжкие телесные повреждения другому лицу, сразу же после совершения преступления станет оказывать потерпевшему медицинскую помощь (п. К).

Считаем, что реальными обстоятельствами, которые смягчают наказание, должны быть: полное возмещение причиненного преступлением ущерба; активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления.

Изложенное позволяет сделать общий вывод. Необходимость принятия нового Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов не вызывает сомнений. Однако при их разработке и совершенствовании не стоит отказываться от норм предыдущих Уголовных и Уголовно-процессуальных кодексов Украины, которые были понятны для изучения на протяжении десятилетий, доказали свое значение и с успехом применялись на практике.

Список литературы

1. Теракт на вокзале в Волгограде: десятки погибших и раненых [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/incidents/20131229/987096748.html>.
2. Кримінальний процес України: підруч. для студ. юрид. спец. вищ. закладів освіти / Ю.М. Грошевий, Т.М. Мірошніченко, Ю.В. Хоматов та ін.; за ред. Ю.М. Грошевого та В.М. Хотенця. – Х.: Право, 2000. – 296 с.
3. Постановление Совета Министров ДНР № 13–13 от 22.07.2015 г. «О внесении изменений в Постановление Совета Министров ДНР № 9–1 от 02.06.2014 г. «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Министров и Народного Совета ДНР. 2016. URL: http://old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/PostanovN13_13_22072015.pdf.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Украины: научно-практический комментарий / под общей редакцией В. Т. Маляренко, Ю. П. Аленина. — Х.: ООО «Одиссей», 2005. — 968 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30.03.2016) [Электронный ресурс] // Консультант. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

6. Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ / Рабочий перевод Германского Фонда международного правового сотрудничества и Организации безопасности и сотрудничества в Европе. — Stand: Dezember. 2003. — 219 с.

7. Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики: Закон, принятый Сеймом 21 апреля 2005 года и обнародованный Президентом государства 11 мая 2005 года: с изменениями и дополнениями по состоянию на 22 ноября 2007 года / перевод «Biznesa informācijas birojs», ул. Гертрудес, 20. — С. 60–62.

8. Уголовный процессуальный кодекс Украины / пер. Л. И. Фокина. Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України у зв'язку з прийняттям Кримінального процесуального кодексу України». — Х.: Одиссей, 2012. — 384 с.

9. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://dnr-online.ru/ugolovnyj-kodeks-dnr/>.

10. Проект Уголовно-процессуального кодекса Луганской народной Республики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Народного Совета ЛНР. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/zakonoproekty/1186/>.

11. Постановление Совета Министров ДНР № 9–1 от 02.06.2014 г. «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Министров и Народного Совета ДНР. URL: <http://old.dnr-online.ru/doc/dokumenty-soveta-ministrov/postanovlenie-9-1-ot-02-06-2014g-o-primenenii-zakonov-na-territorii-dnr-v-perexodnyj-period/>.

12. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс]. — URL: <http://constitutions.ru/?p=5854>.

13. Примерный уголовный кодекс США [Электронный ресурс]. URL: <http://constitutions.ru/?p=5849>.

The article examines some current issues of criminal law and criminal procedure. The author points out the individual notes and justified proposals on improvement of legal regulation of this activity.

Keywords: *criminal procedure, criminal code, investigative activities.*

УДК 341.4

Жигулин А. М.
аспирант

Государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»,
г. Донецк
e-mail: moiseev.alex@i.ua

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИЗНАНИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Получена 26 мая 2016; принята 10 июня 2016.

Zhygulin A. M.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: moiseev.alex@i.ua

TOPICAL ISSUES OF INTERNATIONAL RECOGNITION OF DONETSK PEOPLES REPUBLIC

Received 26 May 2016; accepted 10 June 2016.

Рассмотрена проблема международно-правового признания Донецкой Народной Республики, образовавшейся в результате реализации права на самоопределение. Показано базовое значение норм международного права в построении концепции международного признания самоопределившихся государств. Обозначены актуальные направления законотворческой деятельности. Даны концептуальные основы деятельности государства, направленной на достижение международного признания.

Ключевые слова: непризнанное государство, концепция, законотворческий процесс, международно-правовое признание, международное право, право на самоопределение.

Введение. Общетеоретическая часть. В современном мире нарушения норм международного гуманитарного права приобретает системный характер. На почве политики «двойных стандартов» происходят государственные перевороты, реализуются технологии «цветных революций». На угрозы от применения «двойных стандартов» в международной политике обращает внимание Президент Российской Федерации В. В. Путин [3]. На этом

социально-политическом фоне население Донбасса заявило о стремлении к политической самостоятельности. Тем самым в Донецкой Народной Республике реализовано провозглашенное и зафиксированное в Уставе ООН право на самоопределение. Поэтому выбор народом самостоятельного пути развития должен быть признан мировыми сообществом. Однако политика «двойных стандартов» препятствует мирному разрешению межгосударственного конфликта на нашей территории.

Цель статьи: обосновать необходимость международного признания самоопределившегося государства, сформулировать концептуальные основы достижения международного признания.

Результаты и их обсуждения. К факторам, вынуждающие мировое сообщество прибегать к политике «двойных стандартов» относим проблемы взаимодействия и противоречия различных культур [5, с. 152], ускорение изменений социально-политического характера, разобщенность мирового сообщества. В таких условиях не все самопровозглашенные государства ставят своей целью достижение абсолютной политической самостоятельности. Во многих случаях народы стремятся к воссоединению с другими, часто с соседними суверенными государствами. Например, в 2014 году Республика Крым провозгласила независимость исключительно ради присоединения к Российской Федерации, и для этого ей потребовалось лишь признание последней. Другой пример — вследствие возникшего противостояния гражданского населения юго-восточных регионов Украины, несогласного с государственным переворотом, произошедшим в г. Киеве 20–23 февраля 2014 года, на нашей территории 11 мая 2014 г. был проведен референдум о самоопределении. Результатом явилось поддержание Акта о провозглашении государственной самостоятельности от 07.04.2014 г. [1]. Таким образом, самоопределившиеся государственные образования ставят перед собой различные цели: 1) вхождение в иное государство, обладающее международной субъектностью; 2) достижение политической самостоятельности и международное признание.

Однако во многих случаях реализация права на самоопределение приводит к конфликту, и часто он имеет вооруженный характер. Если цель при реализации права на самоопределение не достигнута, то такое состояние, в котором продолжает существовать эта самоопределившаяся территория, определяют термином «состояние замороженного конфликта». Примером может служить Приднестровская Молдавская Республика, где с момента реализации права на самоопределение (с 1990 года), цель не достигнута и до настоящего времени.

Понятие «непризнанные государства» используем для обозначения самоопределившихся государственных образований. Они, как правило, обладают такими признаками государственности, как наличие официального

наименования, государственных символов, контроля над территорией, системы управления (включая органы власти, судебную систему, вооруженные силы) и правовую систему (закрепленную конституцией и другими нормативными документами). Но такие государства еще не приобрели официального дипломатического признания со стороны стран-членов ООН.

В современной мировой политике признанные государства рассматриваются как полноценные участники таких отношений. Но возникновение новых государств и межгосударственных союзов способствуют разрушению прежнего миропорядка. Заложенный в Уставе ООН принцип права на самоопределение открывает доступ к международно-правовому признанию новых государств. Основной причиной конфликта, возникающего между самоопределившимися государствами и государствами, признанными ранее, называем противоречие между принципом самоопределения и принципом неприкосновенности границ и территориальной целостности, закрепленными в ст. 1 и ст. 2 Устава ООН [13]. Обращаем внимание, что подобная ситуация имела место на территории Донбасса. После проведенных в мае 2014 г. референдумов о самоопределении территорий, претендующих на свою политическую независимость и самостоятельность, государство Украина не согласилось с их результатами и не признало легитимность волеизъявления народа. В этом проявилась неспособность существующей социально-политической конструкции приспосабливаться к реалиям современности [9, с. 71]. В результате возникло противостояние, сопровождающееся значительными, порой трагическими потерями с обеих сторон. Однако считаем, что только на основании международного гуманитарного права возможно в современных условиях мирное разрешение подобных конфликтов, ввиду отсутствия иных оснований для согласования интересов конфликтующих нового и давно установившихся государств. Поэтому для самоопределившейся стороны вооруженного конфликта ключевым становится вопрос международно-правового признания.

Противоречия позиций конфликтующих сторон находятся в плоскости квалификации данного конфликта. Международное гуманитарное право выделяет: 1) международные вооруженные конфликты; 2) вооруженные конфликты немеждународного характера; 3) конфликты смешанного характера, т. е. с вмешательством другого государства. Подчеркиваем, что конфликты по своему содержанию изменчивы по времени. Соответственно и квалификация конкретного конфликта характеризуется динамикой и изменчивостью. В качестве основания для квалификации конфликта выбираем субъектный состав сторон — его участников. Так, при столкновении интересов признанных международным сообществом государств, такой конфликт квалифицируют как международный. В этом случае международное гуманитарное право дает правовые основания на совершение определенных действий. Например, оно

довольно подробно определяет порядок обращения воюющих сторон с военнопленными, распределяет участвующих в конфликте лиц на группы (комбатанты, некомбатанты, шпионы, наемники и т. п.). Сложнее выглядит ситуация, связанная с квалификацией вооруженного конфликта немеждународного характера, где участвуют с одной стороны правительственные силы, а с другой — повстанцы. Отношение последних к целям своей борьбы, как правило, опосредованно национально-освободительным мотивом.

Квалификация типа вооруженного конфликта устанавливается Международным Комитетом Красного Креста (далее — МККК) как профильной международной организацией, призванной осуществлять поддержку в реализации международного гуманитарного права. Применительно к событиям 2014–2016 гг. на юго-востоке Украины, Глава МККК определил данные события как вооруженный конфликт немеждународного характера [7]. Однако акцентируем внимание на том, что рассматриваемые события обладают признаками вооруженного конфликта между правительственными силами и неправительственными группами, т. е. народом (населением соответствующей территории). Отмечаем, что социум юго-востока имеет отличные от иного населения Украины признаки в культурном, языковом, религиозном, национальном, историческом аспекте. Таким образом, считаем обоснованным положение, что население указанных территорий сражается за осуществление своего права на самоопределение. В литературе обосновано мнение, что реализация права на самоопределение в Донецкой области выразилось в стремлении к воссоединению с Российской Федерацией [6]. Следовательно, противоречие позиций международных участников конфликта обусловлено различным их отношением к мотивам воюющей повстанческой стороны. С учетом различных аспектов — исторического, культурного, языкового, религиозного, национального, — позиция этой воюющей стороны может свидетельствовать об обоснованности международно-правового признания территории, претендующей на политическую самостоятельность. Именно в этом мы видим путь прекращения вооруженного конфликта на нашей территории.

Международно-правовое признание, в юридическом смысле — это односторонний акт государства, посредством которого легализуется новый субъект международного права, и с ним устанавливаются дипломатические и иные отношения. Только признанное государство может в полной мере нести права и выполнять обязанности, основанные на нормах международного права, эффективно участвовать в международном общении и сотрудничестве [12, с. 358]. Миропорядок, сложившийся после Второй мировой войны, утвердил право признания новых государств как суверенное право уже существующих государств. Акт признания может быть совершен только от имени государства

или его правительства. Международное признание обычно осуществляется посредством односторонних актов, в которых: а) признается факт существования государства; б) устанавливаются дипломатические отношения между государствами (примером может служить Указ Президента Российской Федерации от 26 августа 2008 г. № 1260 «О признании Республики Абхазия» [10].

В научной литературе широкое отображение находит обоснование применения норм международного права к различным ситуациям относительно признания вновь возникающих государств, например, ситуации со странами бывшей Югославии, бывшего СССР и других. Исследователи-международники отмечают, что «международным институтам следовало бы разработать универсальные критерии, которые должны применяться для предоставления признания. Ведь так практика признания стала бы более единообразной и, зачастую, менее спорной. Однако это неединственная трудность. Современная политическая обстановка в мире свидетельствует о том, что за последние десятилетия стало появляться все большее число небольших территорий, которые провозглашают себя самоуправляемыми образованиями» [14, с. 219].

Процедура мирного решения вопроса признания новых государств имеет правовые прецеденты. В мире уже существует практика, на которую можно опираться в рассматриваемой ситуации. Так, в 1991 году на встрече министров иностранных дел стран ЕС были сформированы критерии, которым должно соответствовать государство для его официального признания: 1) соблюдение положений Устава ООН; 2) уважение принципа нерушимости границ; 3) уважение прав и свобод человека, построение демократического режима, гарантирование прав этнических и национальных меньшинств; 4) принятие обязательств, касающихся разоружения и нераспространения ядерного оружия; 5) мирное разрешение региональных споров, в том числе связанных с вопросами правопреемства [4]. Подчеркиваем, что хотя перечисленные критерии и носят рекомендательный характер, но они имели определяющее значение при признании новых государств на территории Восточной Европы и бывшего СССР.

Исследователи выделяют такие формы международно-правового признания новых государств — де-юре, де-факто, ad hoc [14, с. 219]. Учитывая описанную выше разобщенность мнений и неунифицированность норм международного права, а также практику применения «двойных стандартов», выделяем общепризнанные и необходимые критерии для обеспечения международного признания новых государств. Можно согласиться с мнением ученых, которые конкретизируют их в таком виде: 1) реальная организация легитимной политической власти, способной к урегулированию внутренней ситуации в стране; 2) уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а также отсутствие дискриминации народов; 3) соблюдение

принципа мирного разрешения споров, неприменения силы или угрозы силой, то есть становление нового государства не должно нарушать права других государств на территориальную целостность, независимость и т. д.; 4) экономическая самостоятельность; 5) способность вступать во взаимоотношения с другими государствами и выполнять принятые международные обязательства [14, с. 219]. Представляется, что эти критерии могут быть реализованы в государственных образованиях с непризнанным статусом. Отметим, что они могут быть реализованы в исключительно демократическо-провозглашенном и реализуемом режиме государственного устройства. Обращаем внимание на принцип верховенства права как необходимого атрибута демократического государства. Он предполагает наличие правовой доктрины, обеспечивающей интересы самоопределившегося общества. Содержание таких интересов разделяем на гуманитарные и специальные (экономические, политические, культурные, образовательные, научные и др.). Гуманитарные интересы связываем с понятием фундаментальных общественных ценностей. Они закреплены во многих источниках международного права [2]. Если гуманитарные интересы самоопределившегося социума, наряду со специальными, закреплены в содержании правовой доктрины нового государства, то можем утверждать, что фундаментальные ценности должны стать основой концепции его международного признания. Отметим, что международное публичное право включает разнообразные отрасли и институты, такие как, например, права человека; дипломатическое и консульское право; гуманитарное, уголовное, право охраны окружающей среды, право международных организаций и т.п. Фундаментальные нормы и международные стандарты составляют определенный эталон для законотворческого процесса самоопределившихся государств. В нем интересы социума является базовыми, поскольку были выражены в процессе реализации права на самоопределение. Поэтому международно-правовое признание для нового государства является приоритетом именно в обеспечении интересов гуманитарного характера. Примером стратегии, направленной на обеспечение международного признания является Концепция внешней политики Приднестровской Молдавской Республики [11]. В ней фундаментальный блок нацелен на соблюдение принципов и норм международного гуманитарного права, с учетом международно-правовых прецедентов, связанных с признанием ряда новых государств.

Таким образом, чтобы соответствовать указанным выше критериям в плане достижения международно-правового признания вновь возникшего государства, реализовавшего право на самоопределение, первостепенной задачей для него считаем организацию законотворческого процесса, позволяющего достичь такого уровня общественных отношений, который бы

свидетельствовал о построении демократического общества, соблюдающего фундаментальные постулаты международного публичного права.

Таким образом, концепция признания самоопределившегося государства содержит комплекс мер, направленных на его международное признание. Построение системного законодательства является базовой из них. Базовым принципом законотворческого процесса считаем имплементацию норм международного права. Нормативно-правовое закрепление фундаментальных гуманитарных принципов в законодательстве самоопределившегося государства будет способствовать реализации концепции его международного признания.

Выводы. Реализация населением, проживающим на определенной территории, права на самоопределение направлена на международное признание самопровозглашенного государства.

Ключевым элементом концепции международного признания самоопределившегося государства является законодательный блок. В нем выделяем базовую и специальную составляющие. Базовая содержит фундаментальные нормы международного права и признаваемых международным сообществом стандартов, а специальная часть законодательного блока отражает интересы населения, реализовавшего свое право на самоопределение, в сферах экономики, политики, культуры, образования, науки и др. Эти интересы определяют содержание той или иной отрасли права и, в значительной степени, зависят от международно-правовой ситуации, а также социальных запросов и экономических реалий.

Международное признание Донецкой Народной Республики является необходимым условием достижения общепризнанных социальных стандартов на нашей территории.

Список литературы

1. Акт о провозглашении государственной самостоятельности Донецкой Народной Республики г. Донецк 07.04.2014 г. [Электронный ресурс] // Славянская Громада. — 19 мая 2014 г.
2. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.
3. Главные послания Владимира Путина аудитории Bild [Электронный ресурс] // Перегрузка. Политическая Россия — общественно-политический интернет-журнал. URL: <http://politrussia.com/world/glavnye-poslaniya-vladimira-624/>.
4. Заявление «двенадцати» о будущем статусе России и других бывших республик (Брюссель, Гаага, 23 декабря 1991 г.) // «Дипломатический вестник». 1992. — № 1.

5. Идеология: поиски и находки: монография / науч. ред. проф. И. И. Кальной. — М.: Международный издательский центр «Энциклопедия», 2015. — 420 с.
6. Ищенко Р. Для Донбасса крымский вариант присоединения возможен [Электронный ресурс] / Р. Ищенко // Накануне.ru. 2015. 27 августа. URL: <http://www.nakanune.ru/articles/110834/>.
7. Красный Крест не нашел в Украине признаков войны с другим государством [Электронный ресурс] // Корреспондент.net. 2014. 10 октября. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/3430085-krasnyi-krest-ne-nashel-v-ukrayne-pryznakov-voiny-s-druhym-hosudarstvom>.
8. Международное публичное право: учебник / Л. П. Ануфриева, Д. К. Бекашев, К. А. Бекашев, В. В. Устинов и др.; отв. ред. К. А. Бекашев. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. — 784 с.
9. Муза Д. В. преддверии новой российской империи: некоторые интуиции, наблюдения и оценки / Д. В. Муза // Идеология Отечества. — Сборник статей. — М.: Международный издательский центр «Энциклопедия», 2015. — С. 64–76.
10. О признании Республики Абхазия: Указ Президента Российской Федерации от 26.08.2008 № 1260 // Собрание законодательства Российской Федерации от 2008 г. — № 35. — Ст. 4011.
11. Об утверждении Концепции внешней политики Приднестровской Молдавской Республики: указ Президента Приднестровской Молдавской Республики от 20.11.2012 № 766 [Электронный ресурс]. URL: <http://president.gospmr.ru/ru/news/ukaz-prezidenta-pmr-no766-ob-utverzhdanii-koncepcii-vneshney-politiki-pridnestrovskoy>.
12. Толстых В. Л. Курс международного права: учебник / В. Л. Толстых. — М.: Волтерс Клувер, 2009. — 1056 с.
13. Устав Организации Объединенных Наций от 26.06.1945 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>
14. Холина Е. А. Формы и критерии признания государств / Е. А. Холина // Пробелы в российском законодательстве. — № 3/2012. — С. 218–222.

The problem of international legal recognition of Donetsk Peoples Republic founded due to realization of the right to self-determination was observed in this work. Basic value of international law in the construction of the concept of international recognition of self-determined states was shown. Current directions of lawmaking process were indicated. There were given the conceptual basis of activities of the State for achieving of international recognition.

Keywords: *unrecognized State, concept, legislative process, international legal recognition, international law, right to self-determination.*

УДК 343.13

Козачёк Е. С.
преподаватель

Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донбасская юридическая
академия», г. Донецк
e-mail: kozachok0303@gmail.com

ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Получена 16 мая 2016; принята 03 июня 2016.

Kozachok Y. S.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: kozachok0303@gmail.com

SIGNIFICANCE OF THE INSTITUTE OF COMPLICITY IN THE CRIME

Received 16 May 2016; accepted 03 June 2016.

В данной статье анализируется один из наиболее важных в теоретическом и практическом понимании институтов уголовного права — соучастия в преступлении. Рассматриваются концепции юридической природы соучастия. Поднимается дискуссионный вопрос формы вины при соучастии: возможность соучастия в неосторожных преступлениях.

Ключевые слова: соучастие, группа лиц, форма вины, косвенный умысел.

Институт соучастия в преступлении признается одним из самых сложных в уголовном праве. Уголовно-правовые предписания об ответственности за групповые преступные посягательства известны давно: их можно выделить уже в таких памятниках права, как законы Ману (Индия), законы Хаммурапи (Вавилон), законы Авесты (Иран). В отечественном праве они существуют с периода зарождения государственности на территории современной Украины (например, ст. 7 договора князя Игоря с Византией 944 г. Определяла ответственность за соучастие в грабеже, ст. 31 Краткой редакции и ст. 41 Широкой редакции Русской правды содержат нормы о соучастии в некоторых преступлениях против собственности) [2, с. 5–7]. Но с развитием юридической доктрины некоторые упоминания в правовых актах о множественности участников преступления постепенно приобрели

универсальный характер и впоследствии оформились в самостоятельный уголовно-правовой институт соучастия в преступлении. Еще столетие назад известный российский криминалист М.С. Таганцев отмечал, что вопрос о соучастии относится чуть ли к не наиболее сложным и запутанным в теории уголовного права. Несмотря на то, что с тех пор прошло много лет, некоторые вопросы так и остались недостаточно ясными и четкими. В разные годы вопрос соучастия исследовались многими учеными, среди которых: М. И. Бажанов, И. М. Борисов, М. П. Берестовой, Ф. Г. Бурчак, М. К. Гнетнев, А. Ф. Долженков, Г. Г. Галиакбаров, Н. А. Гуторова, В. П. Емельянов, А. Ф. Зелинский, Н. С. Карпов, Г. А. Кригер, С. А. Кузьмин, И. П. Малахов, М. И. Мельник, Ю. В. Москвин, В. А. Навроцкий, Г. С. Орловский, А. В. Савченко, И. В. Сервецкий, В. Д. Сущенко, А. И. Писецкий, В. С. Прохоров, П. Ф. Тельнов, М. И. Хавронюк, В. П. Шеломенцев и др. Труды этих и других ученых являются существенным вкладом в изучение теоретических и решения практических уголовно-правовых проблем соучастия в преступлении. Но многие ее аспекты остаются дискуссионными и до сих пор неоднозначно толкуются и требуют законодательного закрепления.

Сложным является вопрос о природе соучастия. В науке уголовного права сформировались 2 концепции юридической природы соучастия:

1) концепция акцессорной природы соучастия (от лат. *Accessorium* — несамостоятельный). Сущность этой теории (некоторые ученые называют ее «классической теорией соучастия») заключается в том, что главной, центральной фигурой в совершении преступления является исполнитель, деятельность же других соучастников является факультативной, вспомогательной и не имеет самостоятельного значения. Сторонником такого положения был М. И. Ковалев. По его мнению, непосредственным исполнителем преступления является сам исполнитель преступления, его соучастники преступления не выполняют [3, с.111]. В своих трудах М. И. Ковалев выделяет две концепции определения роли исполнителя преступления: экстенсивную и рестриктивную. Согласно экстенсивной концепции исполнитель преступления определяется наличием у него желания осуществления преступного деяния собственными силами. В таком случае лицо, независимо от объективных форм участия, должно определяться как исполнитель. Согласно рестриктивному понятию исполнителя к этой категории относятся лица, которые совершают деяние, предусмотренное уголовным законом, и которое содержит все признаки состава преступления. [4, с.13]. Таким образом, рестриктивная концепция более точно соответствует пониманию исполнителя преступления, поскольку именно непосредственное выполнение субъектом объективной стороны преступления соответствует положениям ч. 2 ст. 32 УК ДНР. Придерживался концепции акцессорной природы соучастия и А. В. Наумов. При этом ученый считал, что

ответственность соучастников, хотя и зависит от ответственности исполнителя, все же в определенной мере является самостоятельной. Таким образом, исходя из основных положений теории акцессорной природы соучастия, нужно определить два основных момента: 1) соучастник должен привлекаться к ответственности только при наличии признаков преступления в действиях исполнителя (из этого следует, что ответственность соучастника может иметь место только в случае привлечения к ответственности исполнителя); 2) соучастник привлекается к ответственности по той норме уголовного закона, по которой привлекается исполнитель [5];

2) вторая теория рассматривает соучастие как самостоятельную форму преступной деятельности. Ее сторонниками традиционно считают Ф. Г. Бурчака, А. Ф. Зелинского, В. В. Сергеева, В. А. Григорьева и других. По мнению В. А. Григорьева, «хотя преступный умысел всех соучастников воплощается исполнителем, все они должны нести самостоятельную ответственность, так как деятельность каждого соучастника имеет самостоятельное значение» [6, с.48]. Эта мысль согласуется с позицией А. Ф. Зелинского, который считал, что каждый соучастник отвечает за совершенные им деяния, содержащие состав преступления. Их ответственность не производная, а самостоятельная. В этом смысле соучастие не является акцессорным [7, с.31]. С данной позицией нельзя не согласиться. Свою актуальность она не потеряла и до сих пор, поскольку основанием уголовной ответственности, согласно ст. 8 УК ДНР, является совершение лицом деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного действующим Кодексом. В таком случае соблюдается принцип индивидуализации наказания, на чем и настаивал А. Ф. Зелинский.

Отечественное законодательство при установлении ответственности за соучастие объединяет эти две теории, поскольку ответственность соучастников определяется характером действий исполнителя, но вместе с тем соучастники могут нести ответственность по другим статьям УК Особенной части, чем исполнитель (например, при эксцессе исполнителя). Положения, основанные на определении соучастия как самостоятельной формы преступной деятельности считается более логичным и обоснованным. Но категорически отделять действия исполнителя преступления от действий других соучастников нельзя, потому что теряется связь, которая опосредованно и определяет участие нескольких лиц в совершении преступления как соучастие.

Аксиомой является то, что группой лиц гораздо легче совершать преступления, ведь объединение усилий двух или более лиц дает возможность с большим успехом нейтрализовать сопротивление жертвы, убежать с места происшествия, сбыть добытое преступным путем имущество. Кроме того, совершение преступления несколькими субъектами преступления повышает опасность самого преступления, облегчает его сокрытие. Вот почему в

некоторых случаях соучастие рассматривается как квалифицирующее обстоятельство, что влечет за собой более суровую квалификацию преступления (например, совершение кражи по предварительному сговору лиц — п. а ч. 2 ст. 164 УК), или считается отягчающим обстоятельством при назначении наказания (п. в ч. 1 ст. 62 УК) [8, с.218].

Группа как субъект преступления имеет много «преимуществ» и «бонусов», облегчающих совершение преступлений, среди которых можно выделить такие как: развитие у соучастников чувства уверенности и защищенности; предоставление материальной, психологической поддержки (причем как членам группы, так и их семьям на случай отбывания наказания в местах лишения свободы); облегчение выбора индивидуального решения на соучастие в преступлении и укрепление такого решения, поскольку групповая преступность «размывает» персональную ответственность.

Институт соучастия является неотъемлемой частью системы норм и институтов уголовного права. Следовательно, его цели и задачи определяются в соответствии с целями и задачами уголовного законодательства. В то же время этот институт имеет свое специфическое назначение, которое выражается в следующем. Во-первых, его регламентация в законе позволяет обосновать ответственность лиц, которые сами непосредственно не совершали преступление, но определенным образом способствовали его совершению. Этим и определяется круг деяний, непосредственно не предусмотренных в нормах Особенной части УК ДНР, но являются общественно опасными и соответственно требуют уголовно-правового регулирования. Во-вторых, институт соучастия определяет правила квалификации действий соучастников. В-третьих, наработанные критерии дают возможность индивидуализировать ответственность и наказание лиц, принимавших участие в совместном совершении умышленного преступления в соответствии с принципами законности, и справедливости [9].

Институт соучастия по сравнению с Уголовным кодексом 1960 получил более объемное закрепление на законодательном уровне, ведь в Уголовном кодексе ДНР институту соучастия посвящена самостоятельная 7 глава Общей части, в которой нормы более детально регламентируют понятие и признаки соучастия, виды и ответственность соучастников. Но эта глава действующего УК ДНР содержит немалое количество коллизий и неурегулированных деталей. Глобальной причиной этого является отсутствие единого концептуального подхода, который логически свел бы все формы соучастия в единую закономерную систему, которая обоснованно отражала место каждой из форм в этой системе, их взаимозависимости, индивидуальной обусловленности, различия одной от другой. С этой глобальной причины уже следуют другие, более конкретизированные, главной среди которых является сложность, а иногда и невозможность разграничения отдельных форм соучастия за слишком

расплывчатые критерии их определения, или же из-за использования абсолютно непригодных для этого детерминант. Кроме того, в УК Донецкой Народной Республики отсутствуют определения отдельных понятий и терминов, которые обязательно должны быть представлены именно на законодательном уровне.

Хотя институту соучастия было уделено достаточно внимания со стороны ученых, существует ряд вопросов, которые остаются дискуссионными, среди которых форма вины при соучастии. Из закона следует однозначный вывод — соучастие в преступлениях, совершенных по неосторожности, невозможно. Вопрос о соучастии в неосторожных преступлениях поднималась в науке довольно давно. Так, еще в XIX веке некоторые криминалисты отстаивали возможность соучастия в неосторожных преступлениях. Уже в советский период ученый А. Н. Трайнин доказывал наличие соучастия в неосторожных преступлениях. Такую точку зрения высказывают и другие ученые. Оживление дискуссии по этому вопросу вызвано значительным ростом неосторожной преступности, особенно в сфере «человек-машина», например, на автотранспорте. Все чаще приходится сталкиваться со случаями общего причинения несколькими лицами по неосторожности преступного последствия. Это так называемое неосторожное сопричинение. Например, два плотника, работающие на строительстве жилого дома, сбрасывают с высоты бревно, не убедившись в том, что внизу никого нет, вследствие чего смертельно травмирован человек, который там проходил. Или водители автомашин, едущих по шоссе, с нарушением правил дорожного движения, обгоняя друг друга, в результате чего на одном из обгонов происходит столкновение машин и травмы получают пассажиры, ехавшие в них. И в первом, и во втором случае виновные действуют по неосторожности, совместно причиняя общественно опасные последствия. Однако такие общие действия нельзя признать соучастием из-за того, что здесь отсутствует объединение преступной воли действующих лиц. В таких случаях каждый несет ответственность за свои действия самостоятельно [8, с. 221–222]. Характеризуя умысел при соучастии, следует иметь в виду, что все специалисты признают возможность прямого умысла при соучастии, но не все согласны, что здесь возможен и умысел косвенный. Этот последний взгляд вызывает сомнение, поскольку необоснованно сужает понятие соучастия. Прежде всего, следует отметить, что сам закон (ст. 31 УК), говоря об умысле при соучастии, не указывает на его виды, допуская тем самым, что умысел может быть как прямым, так и косвенным [8, с. 223–224].

Много внимания также уделяется вопросу значения института соучастия. Так, специальное значение института соучастия в общей системе уголовного права заключается в том, что он: определяет объективные и субъективные признаки, характеризующие совершение умышленного

преступления несколькими субъектами; устанавливает круг этих лиц, принципы и условия их ответственности за совершение преступных деяний; закрепляет критерии назначения наказания лицам, совместно участвуют в совершении преступлений, то есть ориентирует суд на справедливое, законное и обоснованное избрание конкретного уголовно-правового средства воздействия на соучастника преступления; позволяет обосновать ответственность лиц, которые сами непосредственно не совершали преступления, но определенным образом способствовали его совершению. Этим и определяется круг деяний, непосредственно не предусмотренных в нормах Особенной части УК ДНР, но являются общественно опасными и, соответственно, требуют уголовно-правового регулирования; способствует правильной квалификации преступления: 1) в некоторых случаях соучастие предусмотрено УК как обязательный признак основного состава преступления, то есть такое преступление не может быть совершено единолично; 2) в некоторых случаях соучастие предусмотрено УК как обязательный признак квалифицированного или особо квалифицированного состава преступления; является основой для определения форм организованной преступной деятельности [11, с. 24].

Изложенный материал дает основания констатировать актуальность проблемы, необходимость ее дальнейшей теоретической разработки. Среди факторов, которые определили развитие данного института отечественного уголовного права, отдельно можно выделить и международный (международно-правовой), ведь отраженные в нормах международного права и некоторых международных документах ненормативного характера положения об уголовной ответственности за групповые посягательства учтены отечественным законодателем. Взаимодействие международного и отечественного права в современных условиях является одним из важнейших факторов, влияющих на содержание и развитие уголовно-правовых норм национального законодательства. Поэтому исследование вопросов развития положений о соучастии в преступлении в уголовном праве под влиянием норм международного права является актуальной задачей отечественной юридической науки [12, с. 156]. Анализ показывает, что недостаточная четкость законодательства, неоднозначные решения, которые принимаются на практике, споры в теории по вопросам квалификации действий соучастников, в значительной степени является порождением недостаточного внимания к решению ряда общих вопросов теории уголовно-правовой квалификации. По мнению В. И. Ткаченко: «В науке уголовного права нет, наверное, такого большого количества научных работ, чем те, что посвящены институту соучастия. Вместе с тем можно сказать с уверенностью, что именно в нем сосредоточено множество проблем, еще не решенных до конца: касаясь содержания понятия соучастия, критериев классификации ее форм, оснований

ответственности соучастников и т. д.»[13, с. 144].

С помощью института соучастия уголовное право устанавливает основания ответственности за совместную преступную деятельность и определяет условия, порядок и пределы ответственности соучастников в зависимости от характера участия, роли каждого из них в совместно совершенном преступлении. Определение соучастия, которое в полном объеме отражает характерные признаки совместной преступной деятельности, позволяет правильно ориентировать деятельность правоохранительных органов в их борьбе с преступлениями, совершенными в соучастии, способствует четкому разграничению таких преступлений от индивидуальной преступной деятельности и, тем самым, укреплению законности в борьбе с преступностью. В отличие от многих зарубежных стран, где в структуре зарегистрированной организованной преступности преобладает экономическая, в странах СНГ значительная часть преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами, носит насильственный характер (бандитизм, убийства по найму, причинение вреда здоровью, похищение людей, разбойные нападения, вымогательство с применением насилия или угрозой его применения). Организованная преступность уже достигла такой степени, что способна выступать не только в качестве продукта негативных социальных условий экономического, политического, правового, морального характера, но и в качестве одного из наиболее мощных факторов, влияющих на направленность и темпы общественного развития. Борьба с организованной преступностью может быть эффективной только в том случае, если она осуществляется на прочной законодательной основе, соответствующей реальным характеристикам этого наиболее опасного вида преступности, а также целям и задачам современной уголовной политики. Развитие законодательства должно быть связано с реформами в экономике, политической и социальной сферах, международными обязательствами, потребностями общества в ограничении негативных явлений, нарушающих его нормальную жизнедеятельность. Оно должно предусматривать повышение эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию организованной преступности, восполнению пробелов в правовом регулировании, созданию системы правовых институтов и норм, устраняющих разрыв между уголовным и уголовно-процессуальным законодательством.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики: утверждено Постановлением Президиума Совета Министров Донецкой Народной Республики 17.08.2014 г. — Д.: ООО «Компания «Мегаинвест». — 179 с.
2. Иванов Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном

праве. Онтологический аспект/ Н. Г. Иванов; под ред. О. Ф. Шишова. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. — 129 с.

3. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. / М. И. Ковалев — В 2-х ч. / Свердловск: СЮИ, 1960. — Ч. 1 Понятие соучастия. — Ч. 1 — С. 111, 166–169.

4. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении / М. И. Ковалев. — В 2-х ч. — Свердловск: СЮИ, 1960. — Ч. 2. Виды соучастников и формы соучастия в преступлении. — Ч. 2 — С. 13.

5. Флетчер Дж. Основные концепции современного уголовного права / Дж. Флетчер, А. В. Наумов. — М.: Юристъ, 1998. — 512 с.

6. Григорьев В. А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации / В. А. Григорьев. — Уфа. 1995. — 75 с.

7. Зелинский А. Ф. Соучастие в преступлении / А. Ф. Зелинский. — Волгоград. 1971. — 188 с.

8. Кримінальне право України: загальна частина: підручник / М. І. Бажанов, Ю. В. Баулін, В. І. Борисов та ін.; за ред. проф. М. І. Бажанова, В. В. Сташиса, В. Я. Тація. — 2-е вид., перероб. і допов. — К.: Юрінком Інтер, 2005. — 480 с.

9. Жаровська Г. П. Співучасть у злочині за кримінальним правом України: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Жаровська Галина Петрівна. — К., 2004.

10. Іваненко І. В. Інститут співучасті у кримінальному праві України: новації та пропозиції / І. В. Іваненко // Часопис Київського університету права. — 2007. — № 1. — С. 142–147.

11. Співучасть у злочині: навч. посіб. / І. І. Митрофанов, А. М. Притула. — О.: Фенікс, 2012. — 205 с.

12. Житний О. О. Генезис інституту співучасті у злочині у кримінальному праві України під впливом норм міжнародного права/ О.О. Житний // Право і Безпека: наук.журн. — 2012. — № 4. — С.155–160.

13. Ткаченко В. І. Форма співучасті як кримінально-правове поняття / В. І. Ткаченко // Вісник Київського національного університету ім. Тараса Шевченка. — 2007. — № 74–76. — С. 144.

This article examines one of the most important in the theoretical and practical understanding criminal law institutions - complicity in the crime. It looks into the concept of the legal nature of complicity and the degree of guilt as to the complicity in the negligent crime.

Keywords: complicity, a group of persons, the form of guilt, indirect intent.

УДК: 347.215

Комаров В. А.

кандидат юридических наук

Государственное образовательное

учреждение высшего профессионального
образования «Донбасская юридическая
академия», г. Донецк

e-mail: gpd.dua@yandex.ru

ЛЕКАРСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Получена 24 мая 2016; принята 15 июня 2016.

Komarov V. A.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk

e-mail: gpd.dua@yandex.ru

MEDICINAL PRODUCTS AS OBJECTS OF CIVIL RIGHTS

Received 24 May 2016; accepted 15 June 2016.

В статье проанализированы подходы к определению объекта гражданских прав, а также особенности лекарственных средств как объектов гражданских прав. Обоснован прагматический подход к регулированию правоотношений — влияние на участников, а точнее на поведение участников правоотношений путем предоставления им по отношению к объекту определенных прав и наделения юридическими обязанностями. Автор считает, что содержание понятий «объект гражданских прав» и «объект гражданского правоотношения» если не тождественно, то не противоречит друг другу. Сделан вывод о том, что относительно лекарственных средств возникают гражданско-правовые отношения, которые имеют разноотраслевую принадлежность и относятся к различным институтам гражданского права.

Ключевые слова: *лекарственные средства, объект гражданских прав, объект гражданского правоотношения, правоотношение.*

В механизме урегулирования гражданских правоотношений по лекарственным средствам проявляются общие тенденции регулирования этих правоотношений в рамках механизма гражданско-правового регулирования. Ключевым долгое время и до сих пор служит понимание последней категории в

классической работе С. С. Алексеева. Следует заметить, что в последнее время появились и другие работы, например, Н. С. Кузнецовой, С. А. Погребного, Р. Б. Шишки и других.

По отношению к механизму гражданско-правового регулирования существуют разные, даже противоположные подходы. Так, С. А. Погребной относит к механизму гражданско-правового регулирования и его составляющих: нормы гражданского права; юридические факты; субъективные юридические права и обязанности, которые имеют участники правоотношений, возникших на основании юридических фактов; осуществление субъективных юридических прав и исполнение субъективных юридических обязанностей; защита нарушенных гражданских прав и интересов [1, с. 49]. Однако, в отличие от него, видим регулирование отношений в позитивном праве, где требуется идеальная модель, и на практике где на это регулирование влияют сами участники правоотношений и в определенных пределах могут отходить от диспозитивных норм гражданского права. В позитивном праве определяется правовой режим отдельных его объектов, в том числе, детализируется в отношении лекарственных средств. Речь идет о требованиях к ним, порядке введения в оборот, способе и целях использования, контроле за их использованием и тому подобное.

Это обеспечивается через правоотношения, которые, как считает Н. С. Кузнецова, являются матрицей поведения, через которую обеспечивается соответствие надлежащего и сущего. Стандартом надлежащего является норма права, содержащая в диспозиции взвешенное и проверенное практикой правило поведения, которое в гражданском праве служит обеспечению интересов участников правоотношений, прежде всего людей, а также безопасности гражданского оборота, обеспечивает им упорядоченность.

Р. Б. Шишка недавно обнаружил достаточно интересный подход к пониманию механизма регулирования гражданских правоотношений. Он отнес к нему предмет и метод правового регулирования как его «генетический код», который определяет содержание других его элементов, обеспечивает их существование. Дальше он включил в механизм правового регулирования то, через что способно влиять право:

- 1) основы гражданского законодательства (ст. 3 ГК), которые уточняют «генетический код» гражданско-правового регулирования;
- 2) основания их возникновения и ее внутреннее содержание (ст. 11 ГК), как разновидность юридических фактов ;
- 3) ... правовое положение участников правоотношений, и случаи и последствия отклонения от него (Раздел II ГК);
- 4) правовой режим объекта гражданских правоотношений;

5) параметры существования правоотношений во времени (сроки, термины) [2, с. 238–239]. Такой подход, на наш взгляд, является достаточно взвешенным и может быть использован для нашего исследования.

Целью данного исследования является рассмотрение различных подходов к определению объектов гражданских прав и выявление особенностей лекарственных средств как объектов гражданских прав.

Для того чтобы выяснить особенность лекарств как объектов гражданских прав, следует определить подходы к объектам гражданских прав в цивилистической доктрине вообще и к вещам, к которым они относятся, в частности. Достаточно подробный обзор основных подходов был проведен А. С. Иоффе, А. Б. Бабаевым [3, с. 166–180], а в украинской цивилистической литературе — Р. Б. Шишкой [4, с. 475–477] и другими авторами. В принципе каждый исследователь правоотношений так или иначе касается проблемы объектов гражданских прав и их доктрин.

Прежде всего, следует отдать должное предшественникам. Римские юристы вообще все сводили к вещам (*res*) или же, как указывает проф. Е. А. Харитонов «... не выделяли такую категорию и не оперировали понятием «имущество», используя другой термин — «*universitas*» — совокупность» и подвергает сомнению существование оснований и классификации вещей и имущества [5, с. 83]. Так или иначе, большинство отечественных романистов указывают разновидности вещей, но нигде не указано на такие вещи как лекарственные средства.

В дальнейшем при установлении специфики лекарственных средств из вещей мы будем исходить из более поздних определений категории «вещи» и их разновидностей. Так, В. Кукольник считал «Под именем вещи здесь надлежит разуметь все то, что не есть лицо и что может составлять имущество частных граждан, государственной казны или особенных обществ» [6, с. 135].

Достаточно интересными в этом плане есть наработки А. С. Иоффе, который отошел от ложного толкования терминов «вещь», «имущество» как противопоставлений понятиям «личность» и «субъект». Преимущественно под объектом понимается или то, относительно чего возникают правоотношения, или то, на что ориентировано, как это понимал А. С. Иоффе — определенное явление, которое может влиять или оказывать влияние [7, с. 89]. В дальнейшем в доктрине права сложилось монистическое и плюралистическое понимание объекта прав, которое допускает существование различных объектов в зависимости от видов правоотношений. Наиболее ранней из плюралистических теорий является разделение объектов на вещи и действия: первые из них — объекты вещных прав, вторые — обязательствных. Это было шагом вперед.

Сейчас плюралистические теории объединены в две группы: по одной объектами гражданских прав являются различные блага, соответствующие объектам гражданских прав (вещи, действия, нематериальные блага, работы и

услуги, другие), по второй — сохраняется разделение на вещи и действия. Однако этим теориям присущ недостаток — понятие субъективного права единое, а объектов у него несколько. Категория «вещь» занимает главное место в этих теориях, и эта вещь является объектом воздействия со стороны лица и тем самым является объектом действия, а не объектом права.

Монистические теории предусматривают единый объект всякого субъективного права — а именно действия обязанного субъекта, что приписывалось Я. М. Магазенеру [8, с. 174] и, по большей части, А. С. Иоффе. Такой подход был раскритикован за то, что: тем субъективные права и обязанности лишены реального содержания и не удалось разграничить содержание субъективной обязанности и его объект; нельзя считать объектом господства, а следовательно, и объектом права, поведение человека; влиять можно не только на поведение, но и на вещь: оно игнорирует значение вещей для правоотношений, как практически значимых и первоочередных [9, с. 678]. Категоричность теории объекта была смягчена тем, что было признано одновременное существование юридического объекта — действия и материального объекта — вещи.

В доктрине гражданского права по объекту права существует три основных позиции: вещно-правовая теория, теория действия, теория множественности объекта. Также обсуждается проблема единства или разграничения понятий «объект права» и «объект правоотношений»: как разноплановых явлений или даже их проявлений, в том числе (в хронологическом развитии): действия участников правоотношений и блага; общественные отношения, подлежащие урегулированию; поведение субъектов правоотношений; предметы материального и духовного мира; поведение обязанной стороны; или вообще допускалось существование безобъектных правоотношений, что, по нашему убеждению, является достаточно сомнительным.

Речь идет о возможности идеального подхода к правоотношениям связи прав и обязанностей, закрепленных в правовых нормах или фактических правоотношениях, которые в дальнейшем реально складываются между их участниками на основании определенного юридического факта и относительно определенного объекта прав. Признаются также общим объектом правоотношений сами общественные правоотношения, а специальным объектом или предметом — вещи, продукты творчества. Этот подход справедливо подвергся критике на том основании, что в таком случае правоотношения как форма общественного отношения, которые законодательно признаны предметом правового регулирования вообще и на отраслевом уровне, по сути, имеет объектом самого себя, что является неестественным [10, с. 13]. С таким подходом солидарны и мы.

Мы исходим из того, на что и как может влиять право — безусловно на самих участников или точнее на поведение участников правоотношений и тем предоставлять им в отношении объекта определенные права и наделять юридическими обязанностями. Это проявляется в праве воздействия на вещь при использовании ее потребительских свойств, взаимодействия с вещью, спецификации вещи, принадлежности или причастности к вещи. Этот подход является прагматическим и отражает реальные отношения в обществе. Категория объект права раскрывается через его правовой режим и конкретизируется путем детализации этих объектов в общем, а больше в специальных актах законодательства. В данном случае таким законом является Закон «О лекарственных средствах», даже если у него преобладает медико-технический подход к лекарственным средствам как объектам гражданских прав.

В. А. Белов считает, что попытки обосновать существование безобъектных правоотношений начинается на отождествлении фактических отношений и правоотношений. Он указал, что достаточно сложно представить осуществление фактических правоотношений в договоре купли-продажи без имущества и денег, которые здесь являются предметами исполнения [11, с. 87].

Со времен римского частного права в доктрине гражданского права наибольшего распространения получила теория объекта-вещи, по которой им признавались вещи, а равно и права на вещи. Вещи определялись объектом абсолютных прав или относительных, в том числе, обязательственных прав. Права участников правоотношений были развиты относительно вещей, а в отношении других объектов регулировались как права на вещь.

В начале XX в. появилась теория множественности правовых объектов, авторами которой считают Э. Беккера, Дж. Барона. По их мнению, объектами гражданских прав являются различные правовые явления не только внешнего, но и внутреннего мира человека, а также и сам человека [7, с. 75]. Множественность объектов характерна для обязательств, в частности для договора подряда, где им есть сама вещь и действия подрядчика, а также для смешанных договоров, где одновременно существует несколько предметов. Эта теория может пригодиться для обоснования отношений при изготовлении лекарственных средств по рецепту аптекой, а также при амбулаторном введении лекарственных средств.

Одно, когда речь идет о регулировании отношений в отношении готовых лекарственных средств и здесь может быть применена теория объекта-вещи, иное — когда речь идет об изготовлении лекарственных средств по рецепту и при их введении врачами пациентам. Однако эта теория не может раскрыть полностью особенности или условия такой деятельности (лицензионные условия для аптек). В частности, только наличие провизора

позволяет заниматься такой деятельностью и изготавливать лекарственные средства.

В теории единого правового объекта их объектом признается не все многообразие покоренных человеку внешних проявлений, а только определенная и единая группа, на которую распространяется действие субъективных прав. Теория множественности объекта гражданских прав сводится к вещам и действиям, потому может еще называться комплексной. Она была разработана Я. М. Магазинером и основана на ряде силлогизмов, в частности потому, что правоотношения возникают только между людьми и не могут возникать между человеком и вещью. Вследствие этого, отношение к объекту, как к своему или чужому, казалось бы, не имеет смысла. Но эти отношения возникают в отношении действия (бездействия) человека к вещи. Таким образом, объектами права являются не материальные объекты, а только действия в отношении вещей [12, с. 65–78], которые проявляются в осуществлении прав и исполнении обязанностей по отношению к ним участниками правоотношений. Последние уточняются в зависимости от особенностей правового режима объекта права и оснований возникновения правоотношений. В частности, большинство задержанных с наркотиками ссылаются на то, что им не известно происхождение этих веществ, они подверглись провокации и относятся как к таким, в отношении которых они не имеют прав.

То, что объектом права является действие или бездействие участника гражданских правоотношений имело бы право на существование, если бы законодатель не устанавливал или не формализовал требования к объекту права на общем уровне в гл. 13 ГК Украины, на специальном уровне отдельными законами или даже подзаконными нормативными актами. Кроме того, устанавливается через стандарты, технические условия, а по лекарственным средствам рецепты, условия гражданского оборота (ст. 178 ГК Украины) свойство или качество этих объектов права, последствия принадлежности объекта. В частности, отпуск наркосодержащих и сильнодействующих лекарственных средств и их употребление — предмет специального правового регулирования, основанного на императивах, что, в принципе, не свойственно гражданскому праву. Речь идет о специальном порядке приобретения права собственности гражданами на отдельные виды имущества.

Установление общей разрешительной оборотоспособности вещей (ч. 1 ст. 178 ГК), здесь же ограничивается оговоркой о том, что они не должны быть изъяты из гражданского оборота или не ограничены в обороте. Это является конструктивным для лекарственных средств, хотя ограничения их оборотоспособности неоднозначно воспринимается товаровладельцами. Безобъектных правоотношений не бывает, и каждое правоотношение имеет свой один, два или даже больше объектов. Последнее характерно при

смешанных договорах. С усложнением объектов прав и лекарственных средств речь идет не только о предоставлении лекарственных средств, но и информации о них, содержащейся во вкладыше, предоставляемой врачом при назначении, работником аптеки при отпуске.

Я. М. Магазинер предложил различать материальный и юридический объекты гражданского правоотношения: первый — как материальные объекты так и нематериальные [12, с. 65]; второй — действия обязанного лица в относительном правоотношении или действия всех обязанных лиц в абсолютном правоотношении. То есть объект оказался в центре возможных или реальных субъективных прав, или охраняемых законом интересов участников правоотношений, что позволило в нормах права моделировать требования к нему, или через свойства, как это указано в ст. 5 Закона Украины «Об информации» [13], или через общие и специальные признаки охраноспособности, как это определено для объектов права интеллектуальной собственности, или формализацию по легальным и функциональным признакам, как это проводится в отношении ценных бумаг. Субъективные права и юридические обязанности участников правоотношений возникают, изменяются и прекращаются по их объекту или объектам в зависимости от их вида и правового режима. Последнее включает и назначения, что важно для лекарственных средств.

В юридической литературе отождествлены термины «объект права» и «объект правоотношений». В частности, проф. Р. Й. Халфина указывала, что при применении терминов «объект права» и «объект правоотношения» наблюдается обратное положение: одно и то же понятие обозначается двумя терминами. Она считала, что поскольку субъективное право — всегда элемент правоотношения, понятие «объект права» и понятие «объект правоотношения» фактически совпадают [14, с. 212]. Такого ж мнения придерживаются и современные цивилисты [15, с. 78]. Поэтому разграничение объекта права, как общее, и объекта правоотношений, как специальное, лишено практического смысла. Вне правоотношений объект права не имеет правового значения, не может быть применен в практике, и является некоторой абстракцией.

В.В. Ровный высказался за то, что субъективное право нельзя считать объектом гражданского правоотношения, поскольку в дальнейшем это приводит к усложнению определения содержания этого правоотношения. Он указывает, что объект гражданского права совпадает с объектом субъективного гражданского права, что характерно для абсолютных и относительных правоотношений [16, с. 421-423]. Тем из права выводится и юридическая обязанность, которая это право обеспечивает, а необеспеченное ничем право превращается в право декларативное.

Мы согласны, что содержание понятий «объект гражданских прав» и «объект гражданского правоотношения» если не тождественно, то, по крайней

мере, не противоречат друг другу по анализу конкретного гражданского правоотношения, поскольку «что-то», что не является объектом гражданских прав, пожалуй, не может быть объектом гражданского правоотношения, и наоборот [17, с. 111-112]. Такого подхода придерживается и С. В. Ромовская [18, с. 179], и другие юристы.

В РФ его отстаивает Е. А. Суханов [19, с. 110], по убеждению которого объектом правового регулирования может быть только поведение людей (их деятельность), а не сами по себе явления окружающей действительности, например, вещи. Именно поведение и составляет объект гражданских правоотношений, тогда как вещи, другие материальные и нематериальные блага, в свою очередь, составляют объект (или предмет) соответствующего поведения участников (субъектов) правоотношений. На этом основываются традиционные попытки разграничения понятий «объект гражданского правоотношения» и «объект гражданских прав» (под которым понимают материальные или нематериальные блага).

Однако, как считает Е. А. Суханов, такие блага становятся объектами не только прав, но и обязанностей, которые в совокупности как раз и составляют содержание правоотношений. Поэтому категория «объект гражданских прав» совпадает с понятием «объект гражданских правоотношений». Можно согласиться с тем, что юридически значимое поведение участников правоотношений невозможно рассматривать изолированно от тех объектов, по поводу которых они осуществляются, потому что такое поведение никогда не является беспредметным и бесцельным [19, с. 294-295].

В то же время отмечается, что указанные категории не могут быть отождествлены, поскольку имеют разную сферу терминологического применения.

Довольно своеобразна позиция российского исследователя В. И. Сенцева о том, что необходимо признавать тождество понятий «объекты гражданских прав», «объекты субъективных прав», «объекты правового регулирования» и объекты «гражданского правоотношения» в части их «вне правовой» составляющей и различие этих объектов в части правовой составляющей [17, с. 111].

Как мы считаем, такой подход основан на правовой эквилибристике поскольку: 1) нет смысла в праве говорить о не правовых составляющих относительно объектов, которые находятся вне правового регулирования, — даже если такие объекты прямо не указаны в актах действующего законодательства, они становятся таковыми, если в отношении них возникают субъективные права или охраняемые законом интересы; 2) объект гражданских прав — элемент гражданского правоотношения и вне этого утверждать о другом недальновидно; 3) даже при определенном абстрагировании от правоотношений и при соблюдении концепции Г. Кельзена о чистом праве или

нормативизм [20, с. 88] следует учитывать подходы к правовому регулированию общественных отношений; 4) если нет объекта прав, то и нет гражданских правоотношений; 5) попытки провести искусственное разграничение указанных категорий приводит к осложнениям и приводит к засорению четких и понятных правовых конструкций.

Объекты гражданского права характеризуются определенными чертами:

- определены гражданским законодательством либо не отрицаются ним. Это, использовано в гл. 13-15 ГК Украины и в специальных актах законодательства, в частности в законе Украины «О лекарственных средствах»;

- определяются их конститутивные признаки, что проявляется в определении в гражданском праве отдельных видов объектов гражданских прав, в частности тех же лекарственных средств;

- определяются правовые последствия владения такими объектами. В ст. 182 ГК Украины установлена обязанность государственной регистрации на отдельные объекты гражданских прав. При применении сильнодействующих и наркосодержащих лекарственных средств составляется протокол, а ампулы после них сдаются, списываются и утилизируются в специальном порядке;

- установлены гарантии для субъектов, в частности предоставлением информации;

- определены требования к таким объектам при введении их в гражданский оборот. Так, Законом Украины «О стандартах, технических регламентах и процедурах оценки соответствия» [21] от 1 декабря 2005 определены организационные, правовые основы разработки и применения национальных стандартов, технических регламентов и процедур их соответствия, которые распространяются на субъектов предпринимательской деятельности независимо от формы собственности и видов деятельности, органы государственной власти. Стандартом является разработанный и утвержденный уполномоченным органом документ, который устанавливает предназначенные для общего пользования правила, инструкции или характеристики, касающиеся деятельности или ее результатов, включая продукцию, процессы или услуги, соблюдение которых является обязательным. Кроме стандартов используются технические условия, образцы;

- определены формы и способы защиты субъективных прав. Согласно ч. 3 ст. 182 ГК Украины отказ в государственной регистрации прав на недвижимость или сделок по недвижимости, уклонение от регистрации, отказ от предоставления информации о регистрации могут быть обжалованы в суде;

- установлены определенные ограничения на отдельные объекты гражданских прав (ч. 3 ст. 180 ГК Украины предусматривает, что животные, занесенные в Красную книгу Украины, могут быть предметом гражданского оборота лишь в случаях и порядке, установленных законом).

Кроме того, для некоторых объектов гражданских прав установлен правовой режим. Преимущественно речь идет о тех объектах, на которые устанавливаются исключительные права, в частности право собственности. Если решать вопрос о документах как объектах гражданских прав исключительно на собственнической идеологии, то следует исходить из Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [22]. В ст. 1 установлено, что каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности.

А. В. Дзера указывает, что положение этой конвенции «... во-первых, провозглашают абсолютную незыблемость права собственности физических и юридических лиц, свободное осуществление их правомочий собственника; во-вторых, предполагается возможность лишения собственника права собственности на имущество, но только в общественных интересах и только по основаниям, предусмотренным законом или международными документами; в-третьих, признают право государства вмешиваться в использование собственниками принадлежащего им имущества, но с целью контроля правомерности действий собственника и исполнение ими своих обязанностей перед государством, обществом» [23, с. 106]. С подобной позицией нельзя не согласиться. В частности, наличие на праве собственности у человека лекарственных средств не означает право их принимать без назначения врача. В том случае, когда человек совершает это безосновательно и это угрожает его жизни и здоровью, то право можно ограничить. Такие действия разрешаются и в принудительном порядке. Лиц, которые для суицида приняли опасное для жизни лекарство, может быть подвергнуто принудительной резекции желудка и другим принудительным мерам для спасения его жизни и здоровья.

Не менее важным является установление вида гражданских правоотношений относительно лекарственных средств. В становлении регулирования отношений по лекарственным средствам можно выделить отношения:

1) возникающие на этапе разработки лекарственных средств, которые охватываются Законом Украины «О научной и научно-технической деятельности», а результаты такой деятельности — Законом Украины «Об охране прав на изобретения и полезные модели»;

2) отношения, возникающие при клинических испытаниях лекарственных средств, которые охватываются Законом Украины «О лекарственных средствах» и специальными актами законодательства;

3) отношения, возникающие при производстве лекарственных средств и которые подпадают под регулирование ГК Украины и, в частности, как предпринимательские отношения;

4) отношения, возникающие при торговле лекарственными средствами, в частности, оптовой торговли по договору поставки и закупок для государственных нужд;

5) розничной купли-продажи при продаже лекарственных средств;

6) иные правоотношения.

В частности, в отдельных случаях лекарственные средства передаются в дар, или даже является объектом спонсорской помощи.

Кроме того, такие отношения также регулируются как вещные:

- право собственности на произведенную предприятием продукцию;
- право собственности на приобретенные лекарства оптовыми аптечными складами и посредниками на закупленные лекарственные средства;
- право собственности потребителей (учреждений системы здравоохранения, физических и юридических лиц, которые их приобрели);
- права на чужие вещи, которые возникают у врачей в силу выполнения их функциональных обязанностей, когда они берут их у пациентов, проводят соответствующие подготовительные операции и вводят лекарственные средства по назначению. Кстати, правовая природа таких отношений недостаточно однозначно выписана актами действующего законодательства, особенно, если пациенты приобретают их за свои средства и оставляют в процедурных на хранение, или когда лекарственные средства одних, используют для лечения других;
- другие отношения, в частности бесплатного использования лекарственных средств из аптек, предоставление лекарственных средств людьми в случае крайней необходимости;
- правоотношения при утилизации лекарственных средств, которые приводят к прекращению прав.

Таким образом, в отношении лекарственных средств возникают гражданско-правовые отношения, которые имеют разноотраслевую принадлежность и относятся к различным институтам гражданского права. Их объединяет то, что: 1) они предусмотрены в актах гражданского и специального законодательства; 2) большинство из них имеют общие и специальные проявления и виды; 3) по отношению к ним есть легальные и доктринальные определения; 4) лекарственные средства как объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке правопреемства или наследования или иным образом; 5) в отношении них установлены особые правила их обращения (не изъяты из гражданского оборота или не ограничены в обороте); 6) они связываются с носителем прав на эти объекты и являются неотъемлемыми от физического или юридического лица.

Список литературы

1. Погрібний С. О. Механізм та принципи регулювання договірних відносин у цивільному праві України: монографія / С. О. Погрібний. — К.: Правова єдність, 2009. — 304 с.
2. Шишка Р. Б. Елементи механізму правового регулювання цивільних правовідносин / Р. Б. Шишка // Трудове право, право соціального забезпечення та сучасні проблеми проходження служби в органах внутрішніх справ: матеріали всеукраїнської наук.-практ. конф. (м. Харків, 25 листопада 2011 р.). — Харків, 2011. — С. 236-239.
3. Бабаев А. Б. Система вещных прав. Монография / А. Б. Бабаев. — М.: Волтерс Клувер, 2006. — 408 с.
4. Цивільне право України: курс лекцій: у 6-ти томах. — Т.1. Вид. 2-ге виправ. та доп./ за ред. Р. Б. Шишки та В. А. Кройтора. — Х.: Еспада. — 2008. — 680 с.
5. Харитонов Є. О. Основи римського приватного права: конспект лекцій / Є. О. Харитонов. — Вид. 4-те перероб. і допов. — Х.: ТОВ «Одісей», 2008. — 312 с.
6. Кукольник В. Г. Российское частное гражданское право / В. Г. Кукольник. — СПб., 1815. — 368 с.
7. Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / О. С. Иоффе. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. — 143 с.
8. Магазинер Я. М. Советское хозяйственное право / Я. М. Магазинер. — Л., 1928. — С.174.
9. Иоффе О. С. Спорные вопросы учений о правоотношении. Гражданское право. Избранные труды / О. С. Иоффе. — М.: 2000. — С. 678-679.
10. Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика / А. С. Яковлев. — М.: «Ось-89». — 2005. — 238 с.
11. Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий / В. А. Белов // Объекты гражданского оборота: Сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. — М.: Статут, 2007. — 542 с.
12. Магазинер Я. М. Объект права / Я. М. Магазинер // Очерки по гражданскому праву. — Л., 1957, — 78 с.
13. Про інформацію: Закон України від 02.10.1992 р. , № 2657-XII // Відомості Верховної Ради України. — 1992. — № 48. — Ст. 650.
14. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. — М.: Юрид. лит., 1974. — 212 с.
15. Томаров И. Е. К вопросу о природе и системе объектов гражданских правоотношений и объектов интеллектуального правоотношения /

И. Е. Томаров // Альманах цивилистики: сборник статей / под ред. Р. А. Майданика. — К.: Алерта: КНТ; Центр учебной литературы, 2009. — С.78-95.

16. Ровний В. В. Объект гражданского правоотношения: уровень разработки проблемы и вариант его решения / В. В. Ровний // Цивилистические исследования. Ежегодник гражданского права. Вып. 2. / под ред. Б. Л. Хальсберга, Д. О. Тузова. — М.: Статут, 2006. — С. 421-427.

17. Сенчищев В. И. Объект гражданского правоотношения. Общее понятие / В. И. Сенчищев // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. М. И. Брагинского; Исследовательский центр частного права. Российская школа частного права. — М.: Изд-во «Статут», 1998. — С.111-112.

18. Ромовська З. Українське цивільне право. Загальна частина. Академічний курс. Підручник / З. Ромовська. — К.: Атіка, 2005. — 560 с.

19. Гражданское право: в 2 т. Т.1: учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство БЕК, 2000. — 704 с.

20. Кельзен Ганс. Чистое учение о праве / Ганс Кельзен / пер. С. В. Лёзоба, Ю. С. Пивоварова; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, Н. Н. Разумович. — М.: АН СССР. ИНИОН, 1987.

21. Про стандарти, технічні регламенти та процедури оцінки відповідності: Закон України від 19 грудня 2005 р., № 3164-ІУ // Відомості Верховної Ради України. — 2006. — № 12. — Ст.101.

22. Европейская конвенция о защите прав человека и основополагающих свобод [Электронный ресурс]. 1950. 11 апреля. URL: <http://www.hri.org/docs/ECHR50.html>.

23. Дзера О. Інститут права власності за новим Цивільним законодавством і Європейські стандарти з охорони права власності / О. Дзера // Сучасні проблеми адаптації цивільного законодавства до стандартів Європейського Союзу: Матеріали І Міжнародної науково-методичної конференції. — Львів, 2006, Вип. 1. — С.106-112.

The article analyzes the approaches to the definition of the object of civil rights, and especially medicines as objects of civil rights. Substantiated pragmatic approach to legal regulation — the impact on the participants, but rather the behavior of the participants of legal relations by providing them with respect to the subject of rights and confer legal responsibilities. The author believes that the concept of "object of civil rights" and "the object of civil legal relationship" if not identical, it does not contradict each other. It is concluded that there are civil-legal relations, which have different-ownership and belong to different institutions of civil law regarding drugs.

Keywords: drugs, an object of civil rights and civil legal entity, a legal relationship.

УДК 342.28(497.11) «17/18] (045)

Лысов А. А.

кандидат исторических наук

Государственное образовательное

учреждение высшего профессионального образования «Донбасская юридическая академия», г. Донецк

e-mail: aalysov@yandex.ru

**ЭТАПЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СЕРБИИ
(КОНЕЦ XVIII — 70-Е ГОДЫ XIX В.).**

Получена 19 мая 2016; принята 07 июня 2016.

Lysov A. A.

State educational establishment of higher professional education «Donbass law academy», Donetsk

e-mail: aalysov@yandex.ru

**STAGES STATE-OWNED CONSTRUCTION IN SERBIA
(END XVIII — 70TH YEARS OF XIX CENTURY).**

Received 19 May 2016; accepted 07 June 2016.

В статье рассматриваются этапы государственного строительства в Сербии в период национального возрождения. Авторы выделяют основные особенности каждого из этапов государственного строительства в Сербии. Анализируется проблема невыполнения международных договоров со стороны Османской империи относительно Сербии. Освещается конституционный процесс в Сербии, отношения с великими державами и окончательное обретение статуса независимого государства.

Ключевые слова: Сербия, государственное строительство, конституционный процесс, автономное княжество, независимое государство.

Сербская государственность берет свое начало в период раннего средневековья, когда в IX в. было создано раннефеодальное государство.

Образование единого сербского государства произошло в XII в., а наибольшего расцвета и могущества Сербия достигает в XIV в. В это время происходит усиление королевской власти, централизация государства и расширение его территории. Однако Сербия оказалась неспособна отразить натиск Османской империи и в конце XIV в. попала в вассальную зависимость,

а в середине XV в. стала частью Турции. Дальнейшее строительство сербского государства было прекращено.

В свете этих событий интерес для нас представляет период национального возрождения Сербского государства в конце XVIII — 70-е годы XIX в., когда сербам удалось пройти трудный путь от бесправной Белградской провинции в составе Турции до независимого государства.

Вопросы, связанные с развитием Сербии отражены в работах А. Л. Погодина [1], И. С. Достян [2], В. П. Грачева [3], В. Г. Карасева [4], К. В. Никифорова [5] и др. Исследователи в основном сосредоточили свой научный интерес на вопросах борьбы сербского народа за независимость и помощи со стороны России в этом процессе.

Отметим, что авторы выполнили определенный объем работы в исследовании этой темы, но, на наш взгляд, она требует дальнейшего, более комплексного изучения.

Целью нашей работы является исследование этапов государственного строительства в Сербии в конце XVIII — 70-е годы XIX в.

Для достижения цели мы ставим следующие задачи:

1. Проанализировать процесс становления и развития сербского вопроса до юридического признания статуса автономии Сербии в рамках Османской империи турецкими властями в 1812 г.
2. Исследовать развитие Сербии до фактического предоставления статуса автономного княжества в 1829-1830 гг.
3. Осветить становление сербской государственности после получения статуса автономии до получения и подтверждения независимости в 1878 г.

На основании изученной литературы и источников, мы пришли к выводу, что данную проблему можно разделить на следующие качественные этапы государственного строительства в Сербии в обозначенный выше период:

- 1) 1788-1791 гг. (первые требования сербов Белградской провинции об автономных правах в условиях австро-турецкой войны) — 1812 г. (юридическое признание Турцией автономии Сербии по русско-турецкому Бухарестскому мирному договору);
- 2) 1812 г. (Бухарестский мир, де-юре закрепивший автономный статус Сербии) — 1829-1830 гг. (Адрианопольский русско-турецкий мирный договор и султанские указы де-юре, а главное, де-факто закрепившие предоставление Сербии официального статуса автономного княжества в рамках Османской империи).
- 3) 1829-1830 гг. (предоставление Сербии де-юре и де-факто автономии) — 1878 г. (получение и подтверждение де-юре и де-факто независимости Сербии).

Таким образом, мы проанализируем каждый из данных этапов процесса государственного строительства в Сербии в конце XVIII — 70-е годы XIX в.

Первый этап был ознаменован появлением первых требований о необходимости предоставления автономии Белградской провинции Османской империи, которые были выдвинуты сербами во время австро-турецкой войны 1788-1791 гг., в которой на стороне Австрии воевали сербы. Однако в итоговом Систовском мире 1791 г. говорилось только о прощении сербов турецкой стороной и об освобождении от налогов на 3 года [7, с. 143]. При этом в документе вообще не были рассмотрены вопросы об автономии для сербов. В сложившихся условиях примечательно, что изменения в Белградской провинции произошли по инициативе самой Турции.

Султан Османской империи Селим III боролся с янычарской вольницей и за активную поддержку сербов в этом деле в 1793 г. был издан специальный указ о предоставлении Белградской провинции некоторых автономных прав: сербские представители общинного самоуправления признавались непосредственной властью, туркам запрещалось проживать среди сербов, османским чиновникам было запрещено незаконно взимать налоги [8, с. 95]. В 1796 г. новый султанский указ еще более расширил автономные права сербской провинции [9, с. 57].

Таким образом, первый шаг на пути государственного строительства в Сербии был сделан — Белградская провинция получила некоторые автономные права.

Однако неблагоприятная международная обстановка, а именно вторжение Наполеона в египетские владения Турции в 1798 г. заставило Селима III согласиться на возвращение янычар в Белградскую провинцию и восстановить их привилегии. В итоге сербо-янычарский конфликт привел к Первому сербскому восстанию 1804-1813 гг., которое было уже направлено против турецкой власти. Во время восстания сербские лидеры активно искали поддержку со стороны великих держав в борьбе за полноценную автономию. В итоге Российская империя, которая желала ослабить Турцию, выступила союзником сербов в их борьбе.

В этой ситуации сербы предложили России идею создания славяно-сербского государства в рамках Османской империи, но под покровительством Петербурга [10, с. 10-11]. Однако Россия считала этот проект таким, который не отвечает ее национальным интересам и отказалась его поддерживать.

Русско-турецкая война 1806-1812 гг. закончилась победой России. В 1812 г. в Бухаресте был подписан мирный договор, который стал важнейшей вехой в судьбе Сербии и открывал перед ней новые перспективы в деле государственного строительства. Статья VIII договора свидетельствовала о готовности Турции, под нажимом России, предоставить автономные права сербам [11, т. VI, с. 414]. Таким образом, по условиям данного договора сербы

получали автономию в составе Османской империи благодаря позиции России. Однако условия договора были пока только юридической стороной в этом деле. На практике турецкая сторона упорно не желала реализовывать положения Бухарестского договора о Сербии.

На втором этапе государственного строительства в Сербии на первый план выходит вопрос о практической реализации условий о сербской автономии. Однако в условиях вторжения Наполеона в Россию в 1812 г. Османская империя ставила своей первоочередной задачей добиться полной ревизии условий Бухарестского мира, опираясь на поддержку Австрии и Англии [3, с. 89-90]. В итоге в 1813 г. турки захватили Белград и силой восстановили свою власть [12, с. 46]. После поражения Наполеона, сербы старались привлечь внимание великих держав к своим проблемам автономии на Венском конгрессе великих держав 1814-1815 гг., но Австрия, Англия и Пруссия отказали им в поддержке [3, с. 115].

В условиях неразрешенного вопроса об автономии сербы в 1815 г. начинают Второе сербское восстание. Российская дипломатия, в свою очередь, начала активно настаивать на выполнении Турцией условий статьи VIII Бухарестского мира о статусе Сербии [13, с. 19]. В итоге турки заключили с лидером сербов Милошем Обреновичем только устное соглашение о предоставлении прав самоуправления, которое имело лишь формальное значение [3, с. 126]. Изданные султаном указы 1815 г. гарантировали сербам амнистию и снова не обеспечивали прав политической самостоятельности [8, с. 112-113].

Существенную помощь сербам в их борьбе за автономию оказывала Россия. В 1826 г. после очередного ультиматума Турции Россия снова начала требовать выполнения условий Бухарестского мира относительно автономии Сербии [8, с. 118]. В результате русско-турецких переговоров в Аккермане была подписана конвенция. Статья V снова была посвящена вопросу о сербской автономии. Турция была обязана выполнить все свои обязанности по статье VIII Бухарестского мира относительно Сербии [14, с. 84]. Кроме того к статье V была дополнена «Отдельным актом», в котором речь шла о праве сербов на внутреннее самоуправление [15, с. 34]. Однако Турция снова затягивала практическую реализацию вопроса о статусе Сербии.

В начале 1828 г. Россия была поставлена перед неизбежностью войны с Османской империей. Одной из целей войны было признание Турцией автономных прав Сербии [16, с. 175]. Русско-турецкая война 1828-1829 гг. закончилась победой России. В 1829 г. был заключен русско-турецкий Адрианопольский мир. Статья VI соглашения повторяла и подтверждала положения Аккерманской конвенции 1826 г. относительно Сербии. Подтверждалось также исключительное право заступничества России сербскому народу [11, т. XVI, с. 267-268]. Учитывая сложную политическую

ситуацию в 1829-1830 гг. султан Махмуд II был вынужден издать указы, по которым Сербия де-юре и де-факто добилась статуса автономного княжества в составе Османской империи [17, с. 25].

Третий этап процесса государственного строительства начинается с предоставления Сербии статуса автономного княжества в составе Османской империи. Мы можем утверждать, что для сербов начинается качественно новый этап строительства государства. Сербия, получив автономный статус, могла самостоятельно определять вопросы, связанные с внутренним устройством. Кроме того особое внимание на Сербское княжество стали обращать великие державы, которые желали закрепить свои позиции в регионе путем установления дипломатических отношений с Белградом.

Важное значение для державного строительства в Сербии имеет вопрос о конституции княжества. Сербская оппозиция заставила князя Милоша Обреновича в феврале 1835 г. принять Сретенский «Устав» (конституция). Согласно документу гарантировались права граждан, право частной собственности, неприкосновенность личности. Верховная законодательная и исполнительная власть принадлежала князю и Государственному совету [18, с. 134]. Примечательно, что ни Россия, ни Турция, не поддержали «Устав». В этой ситуации князь Милош отменил конституцию, которая мало отвечала и интересам самого князя. Однако напряженная ситуация в княжестве не позволяла князю совсем отказаться от подготовки конституции. При этом великие державы (в первую очередь Англия и Россия) оказывали влияние на конституционный процесс в Сербии [2, ч. 1, с. 374-375].

В итоге новый сербский «Устав» был принят в конце 1838 — в начале 1839 гг. Эта конституция для Сербии была разработана в Стамбуле при поддержке России. В новом «Уставе» провозглашалось равенство всех сербов перед законом, право частной собственности, неприкосновенность личности. Законодательная власть была сосредоточена в Совете, а исполнительная у князя [19, с. 423].

В начале 40-х годов XIX в. внутриполитическая жизнь автономного Сербского княжества была отмечена политическим противостоянием между сторонниками и противниками сербской конституции. В итоге в 1842 г. к власти в княжестве пришли сторонники сербского «Устава» [18 с.141].

О полноценном государственном развитии Сербского княжества, которое де-факто было практически полностью независимо от турецких властей, свидетельствует создание четко сформулированной внешнеполитической программы в 1844 г. В программе четко был обозначен главный противник создания независимого южнославянского государства под эгидой Сербии — Османская империя [5 с. 47-51]. Однако практической реализации идей документа в данное время не последовало.

Существенное влияние на международно-правовой статус Сербского княжества оказал Парижский мир 1856 г., который завершил неудачную для России Крымскую войну. Так, согласно статье XXVIII договора Сербия по-прежнему оставалась под верховной властью Турции, но не при российском только, а «...общем ручательстве договаривающихся держав», т. е. Англии, Франции, Австрии, Пруссии, Сардинии и России [20, с. 31]. Эти коллективные гарантии держав по расчетам западных дипломатов должны были положить конец преобладающему политическому влиянию России в Сербском княжестве. В этих условиях лидирующее положение в стране оказалось у Австрии.

В 60-е годы XIX в. после смены власти Сербия, невзирая на статус автономного княжества в составе Турции, идет по пути практической реализации идей программы 1844 г. В результате были заключены договоры о союзе и сотрудничестве с Черногорией, Грецией, Румынией и другими балканскими народами, которые не имели своей государственности. Россия поддержала данный антиосманский проект. Однако вооруженного выступления не произошло из-за смерти сербского князя Михаила и острых противоречий между союзниками [21 с. 195-209].

В 1869 г. в Сербии была принята новая конституция, по которой практически все вопросы решал князь [22, с. 87]. Регенты несовершеннолетнего сербского князя также провозгласили курс на борьбу с Турцией и создание независимого Сербского королевства [23, с. 237-238]. В конце 1871 г. регенты сформулировали свою внешнеполитическую программу и довели ее до сведения российского генерального консула в Белграде. В донесении послу России в Стамбуле он писал, что в документе, представленном регентами, речь идет о возрождении Сербского княжества в рамках средневекового царства Стефана Душана [24, с. 198-200]. Однако данная программа снова не была практически реализована.

Руководство Сербского княжества снова активизировалось после начала Восточного кризиса в 1875 г. В 1876 г. Сербия объявила войну Османской империи. Однако война для Сербии была неудачна. Только в результате помощи России Сербия подписала мир с Турцией на условиях довоенного статус-кво [25, с. 47].

Окончательное решение вопроса о сербской независимости произошло в результате поражения Османской империи в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. В 1878 г. был подписан Сан-Стефанский мирный договор, который подводил итоги войны. По договору Турция признавала независимость Сербии, Черногории и Румынии [26, с. 49]. Сербия де-юре и де-факто становилась независимым государством.

Независимость Сербского княжества была подтверждена и на Берлинском конгрессе великих держав в 1878 г. [27, с. 38]. Кроме того,

Берлинский договор расширил территорию княжества путем присоединения четырех новых округов [28, с. 492].

Таким образом, мы можем утверждать, что на третьем этапе в Сербии де-факто уже сложилось практически независимое государство, которое проводило вполне самостоятельную политику. В конце данного периода эта данность была закреплена в международных соглашениях уже де-юре, когда Сербия обрела статус независимого государства.

В целом отметим, что процесс государственного строительства в Сербии проходил очень трудно. Желание сербов возродить собственную государственность постоянно наталкивалось на сопротивление со стороны Турции и великих европейских держав. Кроме того, можно отметить и внутреннюю неготовность Сербии стать независимым государством. Поэтому процесс национального возрождения в Сербии проходил постепенно: от бесправной турецкой провинции к независимому государству, признанному ведущими державами Европы.

Список литературы

1. Погодин А. Л. История Сербии / А. Л. Погодин. — СПб.: издание Брокгауз-Эфрон, 1909. — 166 с.
2. Попов Н. А. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г.: [в 2 ч.] / Н. А. Попов. — М.: издание К. Солдатенкова, 1869. — Ч.1. — 522 с.; Ч. 2. — 657 с.
3. Достян И. С. Россия и балканский вопрос. (Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в.) / И. С. Достян. — М.: Наука, 1972. — 368 с.
4. Грачёв В. П. Россия и славяне балканских владений Османской империи на рубеже XVIII — XIX вв. / В. П. Грачёв // Балканские исследования. — М.: Институт славяновед. и балканистики РАН, 1992. — Вып.15. — С. 48-58.
5. Никифоров К. В. Сербия в середине XIX в. (Начало деятельности по объединению сербских земель) / К. В. Никифоров. — М.: Институт славяновед. и балканистики РАН, 1995. — 188 с.
6. Кудрявцева Е. П. Русско-сербские политические связи в 1816 — 1821 гг. / Е. П. Кудрявцева // Социальная структура и общественные движения в странах Европы и Америки. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. — С. 165-179.
7. Зеленина Л. В. Первое сербское восстание: начальный этап / Л. В. Зеленина // Балканские исследования. — М.: Наука, 1997. — Вып.18. — С. 143-158.
8. Формирование национальных независимых государств на Балканах: конец XVIII — 70-е годы XIX в. / Ю. П. Аншаков, Г. Л. Арш, Е. К. Вяземская и др. — М.: Наука, 1986. — 430 с.

9. Грачёв В. П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII — XIX вв. (Внутреннее положение, предпосылки национально-освободительных движений) / В. П. Грачёв. — М.: Наука, 1990. — 194 с.
10. Грачёв В. П. Планы создания славяно-сербского государства на Балканах в начале XIX в. и отношение к ним правительства России / В. П. Грачёв // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. — 1878 г.). — М.: Институт славяновед. и балканистики РАН, 1995. — С. 4-40.
11. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. — М.: Госполитиздат, 1965. — Т. IV. — 784 с.; М.: Междунар. отнош., 1995. — Т. XVI. — 712 с.
12. Грачёв В. П. Некоторые вопросы политики русского правительства в отношении сербского восстания 1804-1813 годов / В. П. Грачёв // Советское славяноведение. — 1987. — № 2. — С. 32-47.
13. Достян И. С. Основные этапы и особенности политики России на Балканах с последней трети XVIII в. до 1830 г. / И. С. Достян // Международные отношения на Балканах. — М.: Наука, 1974. — С. 5-38.
14. Бухаров Д. Россия и Турция. От возникновения политических между ними отношений до Лондонского трактата 13 марта 1871 года / Д. Бухаров. — СПб.: типография Ф. С. Сущинского, 1878. — 238 с.
15. Виноградов В. Н. Британский лев на Босфоре / В. Н. Виноградов. — М.: Наука, 1991. — 160 с.
16. Лысов А. А. Сербский вопрос в политике великих европейских держав в начале XIX в. / А. А. Лысов // Вісник Донецького університету. Серія Б. Гуманітарні науки. — 2000. — № 1. — С. 172-177.
17. Дулина Н. А. Османская империя в международных отношениях (30 – 40-е годы XIX в.) / Н. А. Дулина. — М.: Наука, 1980. — 190 с.
18. Международные отношения на Балканах 1830-1856 гг. / Г. Л. Арш, И. С. Варта, В. Н. Виноградов и др. — М.: Наука, 1990. — 350 с.
19. Жигарев С. Русская политика в Восточном вопросе. (Ее история в XVI — XIX веках, критическая оценка и будущие задачи) / С. Жигарев // Ученые записки императорского Московского университета. — М.: Университетская типография, 1896. — Вып. 11. — 466 с.
20. Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917 гг. — М.: Госполитиздат, 1952. — 463 с.
21. Лысов А. А. Великие державы и Сербия. (Из истории международного положения Сербии в конце XVIII — 70-е годы XIX в.) / А. А. Лысов. — Донецк: Донецкий юридический институт МВД при ДонНУ, 2005. — 256 с.
22. Хрестоматия по истории южных и западных славян. — Минск: Университетское, 1989. — Т. II. — 296 с.

23. Международные отношения на Балканах 1856-1878 гг. / Г.Л. Арш, В. Н. Виноградов Е. К. Вяземская и др. — М.: Наука, 1986. — 416 с.
24. Архив внешней империи Российской империи. — Ф. Санкт-Петербургский Главный архив. — V-A2. — 1871 г. — Оп. 12. — Д. 258.
25. Бочкарева С. И. Русско-сербские отношения в начале Восточного кризиса 70-х годов XIX века / С. И. Бочкарева // Советское славяноведение. — 1977. — № 4. — С. 37-47.
26. Золотарев В. А. Россия и Турция. Война 1877-1878 гг. / В. А. Золотарев. — М.: Наука, 1983. — 232 с.
27. Практикум по новой истории 1871-1917 гг. — М.: Просвещение, 1989. — 191 с.
28. История Югославии / Ю. В. Бромлей (рук. авт. коллектива). — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — Т. I. — 736 с.

The article examines the stages of state-building in Serbia in the period of national revival. The authors identify the main features of each of the stages of state-building in Serbia. The problem of non-compliance of international treaties on the part of the Ottoman Empire with respect to Serbia. It illuminates the constitutional process in Serbia's relations with the great powers and the final acquisition of the status of an independent state.

Keywords: *Serbia, state-building, constitutional process, independent principality, independent state.*

УДК 343.01

Мироненко С. Ю.

кандидат юридических наук

Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донбасская юридическая
академия», г. Донецк
e-mail: mironenko-2009@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ТОЛКОВАНИЮ ЗАКОНА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Получена 15 мая 2016; принята 01 июня 2016.

Mironenko S. Yu.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk,
e-mail: mironenko-2009@mail.ru

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF THE CRIMINAL ACT

Received 15 May 2016; accepted 01 June 2016.

В статье анализируются вопросы методологического подхода к толкованию закона об уголовной ответственности. Рассматривается позитивистский и естественный тип понятия уголовного права.

Ключевые слова: уголовное право, методологический подход.

Вопросы методологического характера не часто поднимаются при исследовании конкретных проблем правоведения, особенно в отраслевых науках.

Относительно теории толкования законов чуть ли не единственным исследователем, который озвучил конкретные методологические проблемы закона об уголовной ответственности, является А.Ф. Черданцев, который в своих работах поднял вопрос гносеологической природы толкования закона, в частности «привязал» толкование к теории отображения и взял последнюю за философско-методологическую основу своей теории толкования, конкретизировал основные постулаты теории отображения относительно проблемы толкования [1; 2]. В историческом разрезе детально проанализировал зависимость теории толкования уголовного закона от изменения взглядов на право П. И. Люблинский [3].

Однако, на сегодняшний день в связи с увеличившимся количеством утверждений разных подходов к пониманию сущности права, признанием методологического плюрализма и активной разработкой новых теорий познания в общественно-гуманитарных науках, устойчивый методологический инструментарий нуждается в критическом осмыслении и пересмотре. В частности, задачами данного исследования являются: определение зависимости теории толкования от взглядов исследователя на право, раскрытие общих механизмов позитивистского и природно-правового толкования законов, выяснение закономерности существования разнобоя в толковании одних и тех же положений закона об уголовной ответственности и предложение оптимальных критериев оценивания закона об уголовной ответственности при его толковании.

Как известно, решение конкретных проблем любой науки зависит от философских, общемировоззренческих подходов, которые соблюдаются исследователем и которые играют при этом методологическую роль.

В философии права уже давно очертился более или менее устойчивый подход к систематизации всех подходов в понимании понятия «права» двух типов: позитивистский и естественный. В их границах мы возьмем во внимание только те виды правопонимания, которые не противопоставляют право нормативно-правовым актам, не отбрасывают объективное юридическое право, поскольку толкование, как образ познания права, мы обязательно связываем с его знаковой, текстуальной формой. Хотя у нас нет специального объяснения такого своего понятия «толкование». Даже те авторы, которые пишут о толковании права, понимают под ним исключительно нормативно-правовые акты (а иногда и договора). Поэтому и воспринимаем это утверждение как одну из аксиом в исходных положениях нашей теории.

Одним из таких направлений в пределах позитивистского типа правопонимания есть юридический позитивизм или аналитическая юриспруденция [4, с. 14]. Право трактуется юридическим позитивизмом как совокупность общеобязательных норм или правил поведения, которые обеспечиваются принудительной силой государства и адресованные членам определенного общества. В свою очередь, норма права при этом сводится к приказу, повелению государственной власти, к нормативному суждению законодателя [4, с. 60-61]. Философско-методологической основой юридического позитивизма является постоянная позитивистская теория познания, в рамках которой все исследуемые явления воспринимаются догматически и сводятся к текстам закона, к текстам источников права, к нормативным суждениям законодателя в отрыве от их реального содержания, социальной обусловленности, социального контекста, социальной структуры, социального функционирования [4, с. 17].

Это направление правопонимания преобладало в обществе и разрабатывалось учеными во времена, когда устанавливался новый порядок в государстве, после переворотов, революций для упрочения статус-кво.

Юридический позитивизм и теория толкования нормативно-правовых актов в пределах этого правопонимания получили и получают значительную долю критики от приверженцев естественного типа правопонимания, особенно во времена свержения тоталитарных государств, где под прикрытием права (закона) делались и получали свое оправдание абсолютно «неправовые» вещи. Хотя юридический позитивизм, особенно в деятельности государственных органов, имеет и свои преимущества. Он более всего отвечает принципам обеспечения законности и стабильности в обществе, старается гарантировать предсказуемость и однообразие в понимании положений нормативно-правовых актов, а соответственно, и в правоприменительной деятельности.

В противоположность позитивистам активно разрабатывается и сейчас получает все большее распространение естественный тип правопонимания, который нуждается в изменении методологических подходов к исследованию права. Рассмотрим их.

Каждый, наверное, сталкивался с тем, что во время анализа текста закона об уголовной ответственности тяжело достичь однозначного его понимания, а в некоторых случаях это почти невозможно, даже применив все виды толкования (например, при толковании оценочных понятий). Впрочем, стоит вопрос выбора одного «истинного» варианта понимания закона и, соответственно, определение критериев такого выбора. Представители юридического позитивизма эти критерии искали исключительно в пределах самих нормативно-правовых актов, ссылаясь на «волю законодателя».

Приверженцы естественного правопонимания не сводят право исключительно к нормативно-правовым актам государства, а понимают под ним такие явления, как свобода, справедливость, равенство, мораль, интересы, некоторое общественное отношение, некоторые идеи, внутреннее психическое состояние, переживание, индивидуальный опыт человека [5, с. 11]. Какое конкретное явление каждое такое лицо считает правом — это зависит от ее индивидуальных или групповых нужд и интересов [5, с. 12]. Что именно лицо считает первичным источником такого естественного права — или Бога, или идеальный мир, или природу человека, или общество — зависит от его мировоззренческого концептуального подхода — материалистического или идеалистического.

Естественное право представляет собой исходные принципы, на основании которых действующие нормы принимаются и на основе которых происходит их оценка [6, с. 11]. Возникают вопросы: когда возникает потребность оценивать закон об уголовной ответственности на предмет его

соответствия к естественному праву, и какие причины возникновения такой необходимости, если, как уже было указано, естественное право есть его базой?

Относительно ответа на первый вопрос, то мы оцениваем закон об уголовной ответственности во время правовых исследований и прежде всего при его толковании для получения истинного знания о праве. Это происходит, например, когда толкователь, применив все виды толкования, выявляет несколько возможных логических вариантов понимания законодательного предписания. Соответственно он должен избрать один из них и изберет именно тот, который более всего будет отвечать его представлениям об уголовном праве, то есть его критерию оценки.

Относительно второго — причин для необходимости оценивания закона об уголовной ответственности при его познании есть много и обусловлены они многими факторами, которые сейчас активно исследуют представители разных общественно-гуманитарных наук (например, семиотику, семантику, лингвистику и т. п.) и «суммируются» философами.

Первая из них связана со знаковой природой закона об уголовной ответственности, потому что именно с помощью знаков во все времена право чаще всего выражалось, а сейчас это основная форма его объективации. Такими знаками являются знаки естественного языка, то есть слова, которые являются носителями значений и смыслов. Слово может иметь несколько значений, обозначая несколько понятий, а также быть носителем смысла, который связывает его с более широким контекстом, чем просто обозначаемое им (например, «ответственность», «эксплуатация», «опасное для жизни состояние», «порнографические предметы» и т. п.). Этот контекст, по мнению И. Н. Грязина, может быть двусторонним. Во-первых, знаковым (смысл предоставляется другими элементами знаковой системы, другой знаковой системой), во-вторых, контекст может быть и незнаковым (природа, общество; смысл здесь семантический) [7, с. 35]. Соответственно, какое из значений слова толкователь изберет, будет зависеть от его ценностных предпосылок познания, от его критерия оценивания.

Еще одна причина обусловлена тем, что даже если мы однозначно истолкуем значение каждого из слов, которые образуют текст закона об уголовной ответственности, это еще не означает, что мы правильно и однозначно поймем текст вообще или отдельные его части, поскольку текст наделен металингвистической природой. К признакам такой относят среди других и структурность, которая является надстройкой над естественным языком (например, соответствующее расположение разделов в Уголовном кодексе или его статей в пределах раздела, порядок расположения видов наказаний и т. п.) и тематическое единство (все элементы текста получают смысл лишь в соотношении со смыслом целого) [8, с. 285]. А текст может быть

носителем нескольких смыслов. Это утверждение, доказанное в пределах герменевтики, сейчас активно используют и в правоведении [9; 10 и др.].

Среди указанных причин — нарушение правил законодательной техники, законов формальной логики, принципа системности законодательства (например, число существительных (единственное число или множество), предусмотренное одновременно и уголовной, и административной ответственностью за одно и то же, нарушение правил деления понятий и т. п.).

Еще одной из причин, которые являются особенностью закона об уголовной ответственности, и основывается на нем, есть признание материального признака преступления – общественной опасности. Она самим законодателем признается определяющей относительно уголовной противоправности, может меняться вследствие изменения обстановки и т. п.

Еще ряд причин вытекает из социальной, нормативной и ценностной природы права. Право имеет нормативный характер, поскольку является регулятором человеческого поведения. Таким способом оно удовлетворяет соответствующие нужды людей и становится для них ценностью. Право всегда будет содержать ценностную характеристику, поскольку является созданием людей, частью культуры. Право содержит не только сущее, но и надлежащее (ценности). Ценностной характеристикой наделено не только право, но и любой объект, созданный человеком и способный удовлетворять его нужды.

Соответственно, из всего этого вытекает вопрос об особом подходе («непозитивистским») к познанию таких объектов, сравнительно с познанием природы, ведь они не подчиняются и не обуславливаются исключительно законами природы, среди них нет таких однозначных причинно-следственных связей, как в природе. Крайним вариантом решения этого вопроса стало абсолютное противопоставление «наук о природе» (естественных наук) «наукам о духе» (гуманитарным наукам), вплоть до полного отказа последним в научности [11]. Среди исследователей права тоже есть приверженцы такого противопоставления [12]. Мы же склоняемся к мысли, в которой гносеологическая часть общественно-гуманитарных наук должна содержать ряд особенностей, обусловленных природой исследуемых ими объектов, сравнительно с естественными науками, а не противопоставлять им.

Опираясь на современные достижения в гносеологической проблематике общественно-гуманитарных наук и в философии, можно утверждать, что процесс толкования закона об уголовной ответственности состоит в выяснении его истинного смысла. Истинным смыслом закона об уголовной ответственности есть такие знания о праве, которые согласовываются с критерием научности, с одной стороны, и социальными нормами или ценностями — с другой [8, с. 76], и которые в дальнейшем получают свое подтверждение на практике.

Во-первых, критерием научности будет служить ряд научных методов (в теории толкования их принято называть способами толкования) работы с текстом закона об уголовной ответственности. Применение таких методов, нужно согласиться с И. Н. Грязиным, хотя и не дает однозначно правильных интерпретаций нормативного текста, но исключает, по крайней мере, отдельные грубые нарушения в практике применения законодательных положений. Эти правила достаточно формальны и потому не могут привести к однозначному решению задачи толкования. Учитывая это можно говорить об их относительной идеологически-философской нейтральности, которая привела к тому, что некоторые из них хранятся в неизменном виде на протяжении довольно большого периода и признаются авторами разнообразнейших мировоззренческих убеждений [7, с. 23]. Использование их является обязательным, поскольку позволит максимально учесть все то, что непосредственно выражено в тексте закона, и обеспечить соблюдение принципа законности в процессе толкования.

Во-вторых, знание о праве будет истинным лишь тогда, когда оно получило свою оценку от идеологически-ценностных установок субъекта познание. Это утверждение полностью дает возможность объяснить наличие разных толкований одних и тех же положений закона, который применяется на практике, и такое оценивание будет неминуемым и объективно обусловленным, что мы уже выше старались довести. Но оно одновременно может вызывать более всего возражений, поскольку возникает принцип законности. Ведь этих идеологически-ценностных установок, в условиях отсутствия единой государственной идеологии, будет столько, сколько и субъектов толкование. Однако еще раз подчеркнем, что мы не отбрасываем применение способов толкования, которые дают возможность обеспечить законность в толковании, и тех однозначных выводов, которые можно достичь с их помощью. Мы говорим о параллельном их использовании.

Вообще ценностные отношения сопровождают весь процесс познания права. Так, ценностно-идеологические предпосылки познания определяют выбор предмета исследования, подход к проблеме, уровень абстракций, интерпретацию результатов анализа. То, как исследователь видит объект, что он в нем постигает и как он его оценивает, вытекает из ценностных предпосылок познания [8, с. 85]. Субъект толкования будет обращаться к ценностям и при выяснении смысла отдельных слов закона об уголовной ответственности и смысла текста закона в целом, и при оценке конечного результата своего толкования, а также на их основе выдвигать предложения по усовершенствованию этого закона в своих дальнейших исследованиях.

Такой ценностью, критерием оценок существующего объективного права будет выступать, как мы уже отмечали, естественное право.

Ценностные предпосылки непременно тянут за собой и идеологическую оценку знания, поскольку то, что лицо считает правом, зависит от его индивидуальных или групповых нужд и интересов.

Результатом такой особенности познания в общественно-гуманитарных науках и в том числе толкование законов есть наличие разнобоя в понимании одного законодательного предписания, перетолкование его спустя некоторое время не только в научной литературе, но и в постановлениях Пленума Верховного Суда. Обусловлено это разными ценностными предпосылками познания и критериями оценивания, которые есть у разных исследователей и даже могут со временем меняться у одного исследователя. Сегодня признается плюрализм ценностей и идеологий. Исследователи оценивают законы, исходя из своих собственных установок и убеждений, при этом аргументируя свою позицию нередко одними и теми же законодательными положениями, понимая их на свой лад, или разными положениями, выискивая в нашей системе права именно такие, которые как можно лучше подтверждали бы их позицию.

Итак, основываясь на философско-антропологическом и потребительском подходах к исследованию и оценки правовых явлений при толковании закона об уголовной ответственности нужно руководствоваться такими положениями.

Наивысшей ценностью является человек. Государство и осуществляемое ею юридическое регулирование являются инструментами обеспечения условий для реализации и защиты прав человека [5, с. 133, 137].

Основные права человека — это определенные возможности человека, которые необходимы для его существования и развития в конкретно-исторических условиях, объективно определяются достигнутым уровнем развития человечества (экономическим, духовным, социальным) и должны быть общими и равными для всех [13, с. 9].

Согласно инструментально-обозначенной ценности права в юридических нормах в виде обязанностей фиксируются поступки, которые имеют ценность для соответствующих субъектов, для государства. В виде же прав подается описание поступков, способных принести пользу носителям этих прав и другим субъектам. В конце концов в форме запретов указываются такие поступки, которые несовместимы с определенными ценностями, то есть такие, которые разрушают ценные для соответствующих субъектов или допустимые государством общественные отношения, а также поступки, которые порождают антиобщественные отношения [5, с. 256].

Итак, мы выяснили, что закон об уголовной ответственности должен обеспечивать интересы лица перед государственными интересами. Но уголовное право затрагивает интересы двух основных категорий лиц, которые являются противоположными — интересы лица, которое совершило общественно опасное действие, и интересы потерпевшего лица.

Когда правоприменителю нужно обратиться к оценочному понятию для решения дела, он должен установить, какие реальные факты в исследуемой ситуации в самом деле имеют (или имели) именно ту социальную значимость, которая зафиксирована в таком понятии, и с которой законодатель связывает соответствующие юридические последствия следствия [5, с. 257].

Толкование уголовных законов других исторических эпох, которые утратили силу, а также нормативно-правовых актов зарубежных государств имеет некоторые особенности, сравнительно с толкованием действующего в пределах нашей республики закона об уголовной ответственности. Кроме вышеупомянутого, нужно учитывать относительно первых конкретно-исторические условия их действия, а относительно вторых — их культурно-исторический контекст. А включение таких текстов в новый историко-культурный контекст через соотношение их с нашей системой ценностей, даст возможность отыскать у них ответы на те вопросы, которые ставит перед нами настоящее.

Итак, на основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

Избрание теории толкования конкретным исследователем зависит от его взглядов на право.

Позитивистский подход к толкованию не дает ответов на все вопросы, которые возникают в процессе толкования, в частности в ситуациях, когда возможно двоякое понимание одного и того же положения закона.

Разное толкование закона об уголовной ответственности имеет объективный характер и обусловлено знаковой и ценностной природой права.

Механизм природно-правового толкования закона состоит в применении методов толкования и оценок.

Однако, безусловно, из-за своей всеобщности и недоработок эта проблема нуждается в дальнейших комплексных и основательных исследованиях.

Список литературы

1. Черданцев А. Ф. Гносеологическая природа толкования права / А. Ф. Черданцев // Советское государство и право. — 1972. — № 11. — С. 105–109.
10. Суслов В. А. Герменевтика права / В. А. Суслов // Правоведение. — 2001. — № 5 (238). — С. 4–12.
11. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание / В. Г. Кузнецов. — М.: Изд-во МГУ, 1991. — 192 с.
12. Овчинников А. И. Антиномия понимания и объяснения в юридической науке / А. И. Овчинников // Философия права. — 2003. — № 1 (7). — С. 41–46.

13. Рабінович П. М. Основи загальної теорії права та держави: навчальний посібник / П. М. Рабінович. — К.: Атіка. — 2001. — 176 с.
2. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора: учеб. пособие для вузов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. — 381 с.
3. Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / П.И. Люблинский / под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. — М.: Зерцало, 2004. — 248 с. — (Серия «Русское юридическое наследие»).
4. Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России / В.В. Зорькин. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. — 270 с.
5. Філософія права: проблеми та підходи. Навчальний посібник для студентів спеціальності «Правознавство» / П. М. Рабінович, С. П. Добрянський, Д. А. Гудима та ін. / За загальною редакцією П.М. Рабіновича. — Львів: юридичний факультет Львівського національного університету імені Івана Франка, 2005. — 290 с.
6. Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления / С. И. Максимов. — Харьков: Право, 2002. — 328 с.
7. Грязин И. Н. Текст права (Опыт методологического анализа конкурирующих теорий) /И. И. Грязин. — Таллин: Издательство «ЭЭСТИ РААМАТ», 1983. — 187 с.
8. Коршунов А. М., Мантатов В. В. Диалектика социального познания / А. М. Коршунов, В. В. Мантатов – М.: Политиздат, 1988. — 383 с.
9. Рабінович П., Савчук Н. Офіційне тлумачення законодавства: герменевтичний аспект / П. Рабінович, Н. Савчук // Право України. — 2001. — № 11. — С. 22–25.

The article analyzes the issues of a methodological approach to the interpretation of the law on criminal liability. We consider the positivist and natural style of the concept of criminal law.

Keywords: *criminal law, methodological approach.*

УДК 341.4

Моисеев А. М.

доктор юридических наук, профессор

Жигулин А. М.

аспирант

Государственное образовательное

учреждение высшего

профессионального образования

«Донбасская юридическая академия»,

г. Донецк

e-mail: moiseev.alex@i.ua

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДОКУМЕНТИРОВАНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА

Получена 26 мая 2016; принята 10 июня 2016.

Moiseev A. M.

Zhygulin A. M.

State educational establishment of higher

professional education «Donbass law

academy», Donetsk

e-mail: moiseev.alex@i.ua

PUBLIC CONTROL OF CRIMES DOCUMENTING ON THE TERRITORY OF MILITARY CONFLICT

Received 26 May 2016; accepted 10 June 2016.

Исследована проблема общественного контроля за документированием военных преступлений общественной комиссией, совершаемых на территории Донецкой Народной Республики. Процедура общественного контроля рассмотрена как система действий представителей общественности по проверке моральных, деловых и профессиональных качеств участников комиссии документирования, установление их личной незаинтересованности, а также обоснованности, аргументированности и полноты результатов работы комиссии. Обоснована результативность применения методов криминалистики к документированию военных преступлений. Справедливость выбрана как обобщенный критерий качества работы комиссии. Оптимизирован круг участников процедуры контроля. К ним отнесены правозащитная организация, от имени которой осуществляется документирование, общественные профессиональные организации, СМИ, отдельные граждане. Разработана операционная карта для управления процессом общественного контроля за документированием военных преступлений.

Ключевые слова: военные преступления, документирование, общественная комиссия, общественность, оперограмма.

Введение. Общетеоретическая часть. На территориях военных конфликтов в различных регионах мира наблюдатели фиксируют многочисленные события с признаками нарушения правил ведения войны, военных преступлений, преступлений против человечности, которые могут стать предметом рассмотрения в международных судебных инстанциях. Однако в современных условиях правоохранные органы не всегда имеют доступ к информационным источникам об обстоятельствах событий такого рода для фиксации доказательственной информации о преступлениях. Например, на территории Донбасса вследствие ряда причин международно-правового характера для представителей общепризнанной юрисдикции затруднен доступ к объектам, пострадавшим от военных и иного вида преступлений. В международной практике документирование следов преступлений в таких случаях берут на себя неправительственные правозащитные организации [12]. Они самостоятельно документируют событие, руководствуясь специальными методиками. К этой работе привлекают специалистов, не зависящих от государственных органов и правительственных структур. Причем участники документирования, как правило, обладают высоким общественным авторитетом [13, с. 152-153]. Подчеркиваем, что они не действуют по поручению правоохранительных или судебных органов, не отчитываются о результатах документирования перед государственными структурами. Вместе с тем продукт их деятельности может быть передан на рассмотрение в Международный уголовный суд [3]. Однако, чтобы послужить поводом для возбуждения официального расследования, собранные общественными организациями сведения должны отвечать критерию объективности. В связи с этим актуализируется вопрос контроля за деятельностью комиссии, которая от имени общественности осуществляет эту работу.

Целью статьи считаем конкретизацию принципов и установление процедуры контроля за деятельностью общественной комиссии, производящей документирование военных и иного вида преступлений.

Результаты и их обсуждения. Вопросы фиксации обстоятельств преступления входят в предмет науки криминалистики. Она разрабатывает подходы к систематизации и анализу документальных массивов разнообразного характера, их использованию в судебном доказывании [9]. В связи с этим перспективным представляется применение криминалистических средств для собирания правозащитными организациями информации о преступлениях, в случае невозможности или ограниченности доступа правоохранительных органов к ее источникам.

Понятием «документирование» обозначаем систему действий представителей общественности по сбору и фиксации сведений о фактах, составляющих событие с признаками преступления, и обстоятельствах, сопутствующих ему.

На основании международного опыта полагаем, что проведение документирования инициирует правозащитная организация, которая собирает для этого комиссию специалистов и организует ее работу. По нашим наблюдениям, в комиссию входят представители профессий, связанных с обнаружением, фиксацией и исследованием следов преступлений. Сложилась практика, что на месте события подобного рода специалисты-криминалисты производят обнаружение и фиксацию источников информации о нем. Они самостоятельно производят осмотр поврежденных объектов, эксгумацию, другие действия, а также проводят опрос граждан, потерпевших от преступления, свидетелей и очевидцев [14]. Во главе комиссии, производящей документирования находится специалист, обладающий навыками обобщения результатов специального исследования и представления их в виде юридического документа. На него возлагается составление итогового заключения по результатам работы. Такая комиссия действует по собственной инициативе, руководствуясь гражданской позицией. Она не является участником судебного процесса, а выполняет свою задачу за рамками процессуальной деятельности как отечественной, так и международной юрисдикции. Этим обосновано предложение именовать ее как «внепроцессуальный субъект» [3, с. 256].

Уточним кадровый состав комиссии, производящей документирование на месте события. В научной литературе криминалистического направления разнообразные источники информации о преступлении называют следами [6, 17, 16 и др.]. Любые разнохарактерные источники информации об обстоятельствах и процессах, сопровождающих преступление, называем следами документируемого события. Отмечаем, что в криминалистике следы распределяют на материальные и идеальные. В нашем случае материальные следы — это, например, осколки и детали снаряда, взрывная воронка и пробоины, обгоревшие элементы конструкций, пятна крови и т. п. [7]. К таким следам относим и материализованные — это фото- и видео- документы, различного рода сводки и справки, предоставляемые общественной комиссией гражданами, а также различными учреждениями, организациями и предприятиями. Идеальные следы — это память, мысленные образы, сформировавшиеся у лиц, непосредственно воспринимавших событие либо получивших информацию о нем из других источников, и в которой содержатся сведения о фактах и обстоятельствах данного события. Исходя из материальной и идеальной природы информационных источников, подлежащих фиксации, рекомендуем включать в состав комиссии по документированию преступлений

данного вида специалистов такого профиля: эксперта по криминалистическому исследованию следов (представитель профессии «эксперт-криминалист») и специалиста по интервьюированию. Последним может быть психолог, журналист, педагог или представитель других направлений деятельности, связанной с профессиональным общением с людьми. Таким образом, документирование военных и иного вида преступлений общественной комиссией включает следующие действия правозащитной организации, инициировавшей эту работу: назначение руководителя комиссии, привлечение в ее состав специалистов, проведение документирования путем фиксации разнообразных источников информации о событии с признаками преступления, составление итогового документа — заключения о результатах документирования, предназначенного для направления в судебные инстанции.

Рассмотрим возможности общественного контроля за всеми указанными элементами процедуры документирования. Считаем, что форма контроля должна соответствовать существу контролируемых процессов. Поскольку документирование по своей сути является общественной инициативой, то и контролировать ее могут общественные институты, представители общественности, а также отдельные граждане. В связи с этим возникает проблема обеспечения возможности для контролирующих субъектов наблюдать весь период работы общественной организации, от имени которой производится документирование: от подбора кадрового состава комиссии — до составления итогового заключения. Полагаем, что эффективный контроль такого рода может быть обеспечен только при условии свободного доступа контролирующих субъектов ко всем промежуточным и окончательному результатам деятельности общественной комиссии. Общественная организация, от имени которой производится документирование, должна регулярно предоставлять о них сведения участникам общественного контроля. Для обнародования данных о ходе и результатах документирования предлагаем использовать ресурсы средств массовой информации (далее — СМИ). Именно СМИ в состоянии обеспечить полноту, объективность и всесторонность контроля, при условии опубликования всех организационных и исследовательских процедур работы общественной комиссии. Таким образом, для реализации такого контроля считаем целесообразным отображение в общедоступных СМИ всего процесса документирования.

При выполнении этого условия, различные общественные организации, в том числе и профессиональной направленности, отдельные граждане приобретают реальную возможность оценивать личностные характеристики членов общественной комиссии, а также их деятельность по документированию преступлений на территории военного конфликта. Сами информационные издания также могут высказывать свое мнение о членах комиссии и о ее работе. Таким образом, в случае задействования СМИ для обнародования состава

комиссии и всех проводимых ею операций по документированию, в качестве субъектов общественного контроля выделяем: 1) правозащитную организацию, от имени которой осуществляется документирование, 2) общественные профессиональные организации, 3) СМИ, 4) отдельных граждан.

Рассмотрим действия участников общественного контроля по проверке полноты, объективности и достоверности документируемой информации. Правозащитная организация осуществляет контроль путем подбора руководителя и членов комиссии по документированию. Их добросовестное отношение к сбору и фиксации данных о событии, другие моральные качества подтверждают и другие участники контроля. Тем самым обеспечивается достоверность результатов работы общественной комиссии. Правозащитная организация также собирает и анализирует все материалы, помещенные в СМИ по поводу работы комиссии. В необходимых случаях правозащитная организация принимает решение относительно состава общественной комиссии, а также корректирует ее работу. В итоге, она же проверяет заключение по результатам деятельности комиссии путем сопоставления его содержания со всеми замечаниями и предложениями, поступившими от других участников общественного контроля. Для принятия окончательного решения о полноте, объективности и достоверности документируемой информации правозащитная организация руководствуется критерием справедливости, который мы трактуем как соответствие между результатом документирования, представленным общественной комиссией, и отношением к нему, высказанным всеми участниками общественного контроля.

Профессиональные организации могут предоставлять рекомендации для правозащитной организации о включении конкретных специалистов в состав общественной комиссии. Также профессиональные организации проверяют специалистов на соответствие предъявляемым моральным требованиям и необходимым деловым качествам, а также наличие у них знаний, умений и навыков в области фиксации и исследования следов преступлений. Такие организации имеют возможность проследить «историю» профессиональной деятельности специалиста. Контролю подлежат результаты документирования, оформленные в виде как промежуточных выводов, так и заключения комиссии. Профессиональные организации в процессе выполнения контрольной функции изучают действия комиссии на предмет научной обоснованности исследовательских процедур и правильности применения специальных знаний. Итоговое заключение комиссии они исследуют по критериям его логичности, точности описания объектов, аргументированности и полноты выводов. Таким способом профессиональные организации производят проверку объективности процедуры документирования, обоснованности, аргументированности, полноты заключения, составленного комиссией по результатам ее работы.

Средства массовой информации имеют возможности для проверки моральных качеств документаторов, изучая публикации об их прошлой деятельности. Этим же образом СМИ проверяет и отсутствие личной заинтересованности членов общественной комиссии в результатах работы. Выводы СМИ служат подтверждением их объективности и достоверности. Отмечаем, что СМИ выполняют организующую роль в процессе документирования: через них доводится до общественности состав комиссии по документированию и результаты ее работы.

Для граждан также открыта возможность проверки моральных и деловых качеств членов комиссии. Используя свой жизненный опыт и опираясь на активную позицию, они могут отравлять в СМИ свои комментарии и замечания по поводу кадрового состава комиссии. Граждане могут сообщать о фактах, имеющих прямое либо косвенное отношение к документируемому событию. Путем сопоставления они осуществляют контроль за его ходом и результатами. Это служит обоснованием объективности и полноты результатов работы комиссии.

Опираясь на рекомендации теории управления [2], процесс общественного контроля за документированием представим оперограммой (операционной картой) [1, с. 535]. К исполнителям процедуры контроля, действия которых представлены оперограммой, относим общественную организацию, от имени которой осуществляется документирование военных и иного вида преступлений, а также профессиональные общественные организации, такие, например, как Всероссийское научное общество судебных медиков и криминалистов [Научное общество судебных медиков и криминалистов], или Донецкое отделение международной общественной организации «Конгресс криминалистов» [9], международные судебно-экспертные организации [13] и др. Общественный контроль могут эффективно осуществлять СМИ и отдельные граждане. Оперограмму как документ, отображающий ход и результаты контроля процедуры документирования составляет представитель правозащитной организации, производящей документирование события данной категории (таблица 1).

Процедуру контроля разбиваем на следующие операции. Первая из них — обеспечение необходимых личностных качеств участников документирования — осуществляется правозащитной организацией путем подбора руководителя и членов общественной комиссии. Их высокий социальный авторитет предусматривает публичность. Поэтому обнародование состава общественной комиссии открывает возможность для осуществления проверки моральных и деловых качеств участников документирования со стороны всех контролирующих субъектов. (Данная операция представлена первой строкой оперограммы).

Второй операцией в процедуре контроля называем проверку профессиональных качеств участников документирования. Поскольку речь идет о фиксировании следов преступления, то такую оценку могут давать профессиональные общественные объединения судебных экспертов, а также союзы судебных медиков и криминалистов. Информацию о персональном составе комиссии по документированию они получают из СМИ, и там же могут публиковать свое мнение относительно профессиональной компетенции того или иного участника комиссии.

Отдельной процедурой выделяем проверку личной незаинтересованности участников комиссии в результатах документирования. Она выражается в том, что члены комиссии не находятся в личной, служебной или какой-либо иной зависимости от потерпевших или иных участников данного события. Правозащитная организация, от имени которой производится документирование, также не имеет никаких связей материального характера с теми, чьи интересы затронуты вследствие произошедшего события, содержащего признаки преступления. Считаем, что достоверными сведениями об отсутствии / наличии такой заинтересованности у членов общественной комиссии обладают граждане и средства массовой информации. Имеемо эти субъекты общественного контроля публикуют сообщения указанного характера. Свое мнение, а также замечания и предложения они могут направлять непосредственно в правозащитную организацию, от имени которой проводится документирование, и одновременно размещать их в СМИ (третья строка оперограммы).

Ход и результаты документирования также подлежат проверке со стороны профессиональных общественных организаций, СМИ и граждан. Причем профессиональные организации проверяют ход и результаты деятельности комиссии на предмет логичности и полноты описания процедур и полученных в процессе документирования выводов (четвертая строка оперограммы). Проверка также осуществляется путем сопоставления результатов с дополнительными фактами, известными гражданам и другим субъектам общественного контроля (отражено пятой строкой оперограммы).

Окончательную проверку хода и результатов документирования осуществляет правозащитная организация, инициировавшая данное мероприятие. Она обобщает все замечания, возражения и дополнения, поступившие на предыдущих этапах контроля, ангажирует их, руководствуясь критерием справедливости, и подготавливает итоговое заключение. Оно также подлежит обнародованию в СМИ. По нашему мнению, такая публикация может составить повод для судебных инстанций к проведению расследования (отмечено шестой строкой оперограммы).

Результат. Установлено, что процедура общественного контроля за ходом и результатами документирования преступлений на территориях

военного конфликта направлена на объективизацию поводов для возбуждения официального расследования судебными инстанциями как международной, так и отечественной юрисдикции.

Выводы.

1. Обоснована необходимость и эффективность общественного контроля за документированием правозащитной организацией событий с признаками преступлений на территории военного конфликта. Содержанием такого контроля является наблюдение со стороны общественных институтов за ходом и результатами работы комиссии, созданной правозащитной организацией с целью документирования преступлений. Эффективность контроля обеспечена соблюдением принципов объективности, полноты и достоверности.

2. Субъектами общественного контроля за документированием событий данного характера являются правозащитная организация, от имени которой осуществляется документирование, профессиональные организации криминалистов и судебных медиков, средства массовой информации, отдельные граждане. Их совместные действия обеспечивают объективность, полноту и достоверность результатов документирования.

3. Процедура общественного контроля содержит операции проверки моральных, деловых и профессиональных качеств участников комиссии документирования, установление их личной незаинтересованности, проверку обоснованности, аргументированности, полноты результатов работы комиссии, а также соответствия его дополнительным фактам и установление справедливости итогового заключения.

Таблица 1

ОПЕРОГРАММА проверки заключения общественной комиссии

№ операции	Правозащитная организация	Профессиональные организации	Средства массовой информации	Граждане	Критерий
1	+	+	+	+	Высокие моральные и деловые качества участников комиссии
2		+			Компетенция участников комиссии
3			+	+	Личная незаинтересованность

4		+			Обоснованность, аргументированность, полнота заключения комиссии
5				+	Соответствие заключения дополнительным фактам
6	+				Справедливость поступивших замечаний

Примечание: «+», «-» — обозначения элемента процедуры проверки, к которому применяется данный критерий.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия (В 30 тт.) / гл. ред. А. М. Прохоров. — Изд. 3-е. — М.: Советская энциклопедия, 1978. — Т. 25. — С. 535.
2. Вил Ван дер Аалет. Управление потоками работ: модели, методы и системы / Вил Ван дер Аалет, Кейс Ван Хей. — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2007. — 316 с.
3. Жигулин А. Общественность в условиях социального конфликта: юридико-международный аспект / А. Жигулин // Вестник Российской нации. — 2015. — № 5. — С. 250-261.
4. Криминалистика: учебное пособие / А. В. Дулов, Г. И. Грамович, А. В. Лапин и др.; под ред. А. В. Дулова. — Мн.: ИП «Экоперспектива», 1998. — 415 с.
5. Криміналістика: навч. посіб. / Р. І. Благута, Р. І. Сибірна, В. М. Бараняк та ін.; за заг. ред. Є. В. Пряхіна. — К.: Атіка, 2012. — 496 с.
6. Майлис Н. П. Судебная трасология: учебник для студентов юридических вузов / Н. П. Майлис. — М.: Издательство «Экзамен», Право и закон, 2003. — 272 с.
7. Моисеев А. М. Криминалистическое исследование следов артиллерийского обрела / А. М. Моисеев // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. трудов. — № 2 (38) / ГУ «Центр судебных экспертиз и криминалистики министерства юстиции Республики Беларусь» / отв. ред. И. А. Силивончик. — Мн.: Право и экономика, 2015. — С. 64-67.
8. Моїсєєв О. М., Седнєв В. В., Бордюгов Л. Г., Скриннікова Н. С. Катастрофи: теоретичні та прикладні аспекти розслідування: монографія / О. М. Моїсєєв, В. В. Седнєв, Л. Г. Бордюгов, Н. С. Скриннікова / за заг. ред. О. М. Моїсєєва. — Донецьк: Вид-во «Ноулідж» (Донецьке відділення), 2014. — 198 с.
9. Моїсєєв О. М. Прагматичні аспекти взаємодії експерта з суб'єктами кримінального провадження // Правничий часопис Донецького університету. — № 2 (28). — Донецьк, 2012. — С. 141-146.
10. Научное общество судебных медиков и криминалистов. [Электронный ресурс]. URL: <http://vrach-profi.ru/o-nas/professionalnyie-meditinskiesassotsi/nauchnoe-obshhestvo-sudebnyih-medikov-i-k/>.

- 11.Справочная книга криминалиста / под ред. Н. А. Селиванова. — М.: Издательство НОРМА, 2000. — 727 с.
- 12.Хазиев Ш. Н. Международное право и судебная экспертиза / Ш. Н. Хазиев. — М.: Спутник+, 2014. — 306 с.
- 13.Хазиев Ш.Н. Новые международные судебно-экспертные организации / Ш.Н. Хазиев // Теория и практика судебной экспертизы. — № 2 (30), 2013. — С. 170-172.
- 14.Хазиев Ш. Н. Судебная экспертиза в деятельности специального суда по Сьерра-Леоне / Ш. Н. Хазиев // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. — М., 2008, — № 1 (9). — С. 248-256.
- 15.Хазиев Ш. Н. Судебные экспертизы при расследовании незаконных, произвольных и массовых казней в применении пыток / Ш. Н. Хазиев // Теория и практика судебной экспертизы. — № 3 (31), 2013. — С. 148-153.
- 16.Шеремет А. П. Криміналістика: навч. пос. для студ. вищ. навч. закл. / А. П. Шеремет. — 2-те вид. — К.: Центр учбової літератури, 2009. — 472 с.

There was researched the problem of public control of war crimes documenting by public Commission which took place on the territory of Donetsk Peoples Republic. The public control procedure was considered as the system of actions of public members for checking of moral, business, professional qualities of members of Documenting Commission, setting of their personal disinterestedness, reasonableness, validity and the completeness of results of Commission work. The impact of the application of criminalistics methods to documenting of war crimes was justified. Justice was selected as a general measure of quality of the work of Commission. Range of participants of control procedure was optimized. These include Human rights organization on behalf of which the documenting takes place, public professional organizations, mass media, individuals. Operation card for regulation of public control process of documenting of war crimes was developed.

Keywords: war crimes, documenting, Public Commission, public, operogramma.

УДК 343.6

Окорокова А. И.
помощник Макеевского
межрайонного прокурора ДНР,
юрист третьего класса

Макеевская межрайонная прокуратура,
г. Макеевка
e-mail: okorokova91@list.ru

СОСТОЯНИЕ АФФЕКТА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Получена 01 июня 2016; принята 13 июня 2016.

Okorokova A. I.

Makeevskaya district prosecutor's office,
Makeyevka
e-mail: okorokova91@list.ru

THE HEAT OF PASSION IN CRIMINAL LAW DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Received 01 June 2016; accepted 13 June 2016.

В статье рассматривается современное понимание понятия «состояние аффекта» в уголовном праве, а также анализируется соотношение его с понятиями «состояние сильного душевного волнения» и «ограниченная вменяемость». Кроме того, указывается уголовная ответственность лица, совершившего преступление в таком состоянии.

Ключевые слова: *состояние аффекта, состояние сильного душевного волнения, вменяемость, уголовная ответственность.*

Согласно статьям 3 и 14 Конституции Донецкой Народной Республики, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Каждый человек имеет неотъемлемое право на жизнь. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность Донецкой Народной Республики, ее государственных органов и должностных лиц. Одной из главных задач уголовного права Донецкой Народной Республики является охрана человека, его жизни и здоровья.

Определенное место среди преступлений против жизни и здоровья человека занимают посягательства, которые совершаются в состоянии аффекта, а именно: убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 108 УК Донецкой Народной Республики) и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 114 УК Донецкой Народной Республики).

Они характеризуются меньшей степенью общественной опасности сравнительно с умышленным убийством, предусмотренным статьей 106 УК Донецкой Народной Республики, умышленным причинением тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, предусмотренных статьями 112, 113 УК Донецкой Народной Республики. Учитывая это, за такие преступления установлены более мягкие санкции.

Однако, указывая на состояние аффекта, законодатель не раскрывает его сути, а без этого не возможно правильно определить юридическую природу состава преступления. Кроме того, отсутствует Пленум Верховного Суда ДНР по данному вопросу, что негативно сказывается на правоприменительной практике. Поэтому данная проблема является актуальной.

Проблемам уголовной ответственности за преступления, совершенные в состоянии аффекта (сильного душевного волнения), посвящены работы Л. А. Андреевой, О. В. Авраменко, М. И. Бажанова, Ю. В. Баулина, С. В. Бородина, В. М. Бурдина, Т. В. Кондрашовой, С. А. Манойловой, Г. В. Назаренко, А. Н. Попова, Л. А. Прохорова, Т. В. Сысоевой, Б. В. Сидорова, В. В. Сташиса, О. Д. Ситковской и других.

В науке уголовного права аффект определяется как внезапный эмоциональный процесс, вызванный поведением потерпевшего, который протекает стремительно и бурно, и влияет в определенной степени на способность лица осознавать и (или) руководить своими действиями. Аффект сопровождается возбуждением всей психоэмоциональной деятельности, проявляется эмоциями гнева и страха, действиями, направленными на уничтожение раздражителя. В результате этого у лица происходит снижение контроля над своим поведением. Данные обстоятельства приводят к тому, что совершение преступления в состоянии аффекта влечет за собой специфические правовые последствия.

Как следует из смысла статей 108, 114 УК Донецкой Народной Республики, для возникновения рассматриваемого состояния необходимо, чтобы ему предшествовали описанные в законе действия потерпевшего. То есть понятие аффекта в психологии и понятие аффекта в уголовном праве не совпадают. В психологии не конкретизируются отрицательные раздражители, которые могут вызвать состояние аффекта. В УК же четко говорится об обстоятельствах, способных вызвать рассматриваемое состояние. К последним относятся: насилие, издевательство или тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего, противоправные или аморальные действия (бездействия) потерпевшего, длительная психотравмирующая ситуация, возникшая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Изучив современные подходы ученых к пониманию понятия «аффект (состояние сильного душевного волнения)», можно выделить три группы взглядов на его содержание, заметив при этом, что законодатель отождествляет

указанные понятия. К первой группе относятся те ученые, которые указывают, что состояние сильного душевного волнения — это состояние физиологического аффекта. Ученые же второй группы утверждают, что состояние сильного душевного волнения — это состояние аффекта как физиологического, так и патологического. К третьей группе относим ученых, которые указывают на то, что поскольку уменьшать способность лица в полной мере осознавать свои действия или руководить ими могут разные эмоциональные состояния, поэтому понятием «состояние сильного душевного волнения» охватывается не только состояние аффекта, но и другие сильные по своему влиянию на психическую деятельность эмоциональные состояния.

Понятие «физиологический аффект» используется для обозначения такого состояния лица, которое не является болезненным и не связано с психическими заболеваниями. То есть во время физиологического аффекта лицо осознает происходящее, хотя и не в полной мере. В то время как, находясь в состоянии патологического аффекта, лицо не осознает значение своих действий и не может ими руководить. Его можно приравнять к невменяемости.

Именно поэтому логичным является отождествление понятий «физиологический аффект» и «состояние сильного душевного волнения», что, вероятнее всего, и имеет в виду законодатель в статьях 108 и 114 УК Донецкой Народной Республики.

Для решения вопроса о наличии или отсутствии в действиях лица физиологического или патологического аффекта назначают судебно-психиатрическую экспертизу.

Определяя аффект как специфическое эмоциональное состояние рассматривают его следующие фазы:

- 1) первая фаза сопровождается ощущениями субъективной безысходности в ответ на противоправные действия потерпевшего;
- 2) вторую определяют как «аффективный взрыв», характеризующийся частичным сужением сознания, нарушениями регуляции деятельности;
- 3) третья фаза характеризуется внезапным и быстрым спадом эмоций, состоянием опустошения, крайней усталости, виновный начинает осознавать содеянное, часто сопровождающееся чувством раскаяния, растерянности, жалости к потерпевшему [1].

Кроме того, неоднозначно решается вопрос о соотношении понятий «аффект» и «ограниченная вменяемость», ведь в соответствии со ст. 21 УК Донецкой Народной Республики ограниченная вменяемость характеризуется тем, что лицо во время совершения преступления не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими.

Одни ученые по этому поводу указывают, что аффект нельзя рассматривать как проявление состояния ограниченной вменяемости с учетом

того, что аффект — это состояние здорового человека, которое сопровождается изменением волевой и интеллектуальной сфер, вследствие чего в значительной мере снижается его способность осознавать свои действия и (или) руководить ими. Ограниченная вменяемость, то есть ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, такое состояние лица при наличии у него психического заболевания. То есть при таком подходе, если причиной возникновения аффекта является провокационное поведение потерпевшего, то причиной ограниченной вменяемости является наличие психических аномалий у лица.

Противоречивой в этом отношении является позиция Г. В. Назаренко, который, поддерживая указанную точку зрения, считает, что особенностью такого психического состояния человека, как состояние аффекта, является то, что он не исключает и не ограничивает вменяемости лица, однако существенно влияет на осознанно-волевое поведение.

Такая позиция разграничения указанных понятий является не убедительной. Прежде всего, не понятно как можно признавать, что определенное психическое состояние лица лишает его в полной мере осознавать свои действия и руководить ими, и одновременно утверждать, что это состояние совершенно не влияет на вменяемость лица. Противоречивость данного утверждения очевидна.

Таким образом, состоянием аффекта может считаться лишь эмоциональное состояние, которое обусловлено определенными в законе условиями и имеет место лишь во время совершения предусмотренного Уголовным кодексом общественно опасного деяния.

Состояние аффекта по своему содержанию и проявлению бывает двух видов:

а) «классический» аффект — возникает неожиданно в ответ на сильный раздражитель психики;

б) «кумулятивный» или «аккумулятивный» — процесс накопления внешних раздражителей, вызывает импульсивные, подсознательные действия.

«Классический» аффект предполагает его возникновение в результате ряда противоправных или аморальных действий со стороны потерпевшего.

Обстоятельствами, которые могут вызвать состояние аффекта, являются: «насилие», «издевательство», «тяжкое оскорбление» либо «иные противоправные или аморальные действия» со стороны потерпевшего, равно как и «длительная психотравмирующая ситуация, возникшая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего».

В юридической литературе нет единой позиции по поводу того, что именно необходимо понимать под указанными терминами. Закон не уточняет, каким по характеру должно быть насилие со стороны потерпевшего, поэтому

оно может быть как физическим (причинение телесных повреждений, побоев), так и психическим (угроза причинения физического, морального или материального вреда). При этом понятие «насилие» охватывает и иные действия насильственного характера (незаконное лишение свободы, изнасилование и другое). Основное требование, которое предъявляется к насилию — способность вызвать состояние аффекта. Что касается угроз, то, очевидно, что они должны быть опасными видами, а именно угроза убийством, изнасилованием, уничтожением ценного имущества, причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Установление реальной возможности возникновения аффекта из-за насилия и угрозы причинения такового является вопросом факта с учетом всех обстоятельств дела (интенсивность действий виновного, особенностей психического состояния виновного, характера отношений потерпевшего с виновным и так далее). По мнению Т. В. Сысоевой, насилие, совершенное умышленно с целью причинения физической боли человеку, любое по своему характеру, не может быть малозначительным, так как речь идет о возможности спровоцировать аффективное состояние лица [1], а применение угроз и психического насилия, по утверждению О. Д. Ситковской, может способствовать возникновению состояния аффекта не в меньшей степени, чем реальные повреждения и побои [2].

Насилие, вызывающее у виновного такое состояние, непременно должно быть противозаконным. Противозаконный характер означает, что потерпевший не имел законного права в конкретном случае применять насилие. Противозаконность действий потерпевшего выступает причиной возникновения у виновного специфического состояния, из-за которого и возникает соответствующая реакция в виде причинения насилия потерпевшему. Кроме того, причиной возникновения аффекта может быть как противозаконное насилие со стороны частного лица, так и служебного (работники полиции, исправительных учреждений).

Содержание понятия «тяжкое оскорбление» также вызывает вопросы, которые не находят своего однозначного решения. В научной литературе спорной остается проблема критериев отнесения оскорбления к тяжкому. Необходимо ли при этом учитывать только объективную тяжесть оскорбления или необходимо, наоборот, решать этот вопрос с учетом только субъективного восприятия виновным оскорбления, либо одновременно учитывать эти два подхода?

Некоторые ученые определяют тяжкое оскорбление как умышленное грубое унижение чести и достоинства лица, которое может быть в любой форме — устно, письменно, действиями. К тяжкому оскорблению необходимо также относить явно непристойное поведение потерпевшего, которое особенно унижает честь и достоинство лица либо его близких.

Позиция тех ученых, которые считают, что при решении вопроса о тяжести оскорбления необходимо учитывать только объективный критерий, также не до конца обоснована, так как это приведет к нивелированию субъективного восприятия оскорбления виновным. Ведь применение только объективного критерия основывается на некотором сомнении в том, что у одного лица поведение потерпевшего вызовет состояние аффекта, то есть оскорбление было тяжким, а у другого может и не вызвать такое состояние, то есть лицо могло отреагировать иначе.

По мнению С. В. Бородина, «...разрыв во времени между тяжким оскорблением или насилием и сильным душевным волнением не возможен». Если допустить такой разрыв, то сильное душевное волнение будет лишено внезапности возникновения, которое характерно для физиологического аффекта» [3].

Еще одним основанием, которое может вызвать состояние аффекта, является «издевательство», содержание которого также неоднозначно в толковании учеными. Под «издевательством» понимают особо циничные обиды действиями или словами. В отличие от тяжкого оскорбления, всегда выражающегося в непристойной форме, издевательство может быть и в допустимом виде, хотя по своему содержанию все же цинично, оскорбительно и глубоко ранит психику виновного (например, насмешки над физическими недостатками лица или другой ущербностью).

Иные противоправные или аморальные действия (бездействие) потерпевшего могут выражаться в виде:

а) совершения преступных посягательств (например, посягательства на собственность, изнасилование, совершение насильственных действий сексуального характера, самоуправство и др.);

б) противоправных, но уголовно ненаказуемых деяний (например, отказ вернуть временно позаимствованное ценное имущество, крупную сумму долга и т. д.);

в) аморальных действий (например, измена на глазах супруга, предательство друга, обман в семье и др.) [4].

В отличие от «классического» аффекта «аккумулятивный» обычно сильно растянут во времени — от нескольких месяцев до нескольких лет. В течение всей продолжительности времени складывается определенная «психотравмирующая ситуация», которая, в свою очередь, приводит к накоплению или кумуляции эмоционального напряжения у обвиняемого. Применительно к данному виду аффекта закон указывает на причину его возникновения: длительная психотравмирующая ситуация, возникшая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Можно ли утверждать, что кумулятивному аффекту, так же, как и классическому, свойственен признак внезапности? Данная разновидность

аффекта есть результат сложившегося между виновным лицом и потерпевшим длительного психотравмирующего конфликта, вызванного систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего; в течение такого негативного периода накапливаются напряжение, обида, появляется желание мести и др. «Кумулятивный» аффект предполагает формирование «накопительной фазы», длящейся в течение нескольких дней, месяцев и даже лет, которая в определенный момент внезапно вырывается наружу. Правоприменители так или иначе неизбежно приходят к выводу, что субъект совершил убийство в результате воздействия длительной психотравмирующей ситуации, то есть в состоянии аффекта [5]. Однако существуют утверждения, согласно которым внезапность присуща «классическому» аффекту. С. В. Манойлова исходит из того, что «... признак внезапности ... мог бы служить как раз разграничительным критерием при установлении определенного вида аффекта» [6]. Однако такое утверждение подводит под сомнение смысл существования аффекта как эмоции, внезапно возникшей.

Кроме того, «длительная психотравмирующая ситуация», которая складывается в результате систематического (не менее трех раз) негативного воздействия на будущего виновного со стороны потерпевшего, выражается в неоднократном совершении противоправных деяний или аморальных поступков. Именно данная ситуация вызывает процесс постепенного накопления у лица отрицательных эмоций напряженности, кульминацией которого может выступить, в конечном счете, эмоциональный взрыв, разрядка в виде совершения убийства потерпевшего, создавшего эту ситуацию, либо нанесения ему тяжких или средней тяжести телесных повреждений [4].

Например, А причинил тяжкие телесные повреждения жене в состоянии аффекта, вызванного противоправным ее поведением. На протяжении четырех лет она употребляла наркотические средства, вела аморальный образ жизни, оскорбляла А, негативно относилась к дочери. В очередной раз жена, придя домой, начала употреблять алкогольные напитки и устроила скандал, оскорбляя мужа, нанесла удары ему в область лица и попыталась нанести удар дочери, А схватил лежащий на столе нож и нанес им потерпевшей ранение в области груди.

Следует отметить, что указанные действия виновного могут быть направлены не только на него, но также на его близких, а в отдельных случаях — на посторонних лиц. Например, состояние физиологического аффекта и соответствующую реакцию может вызвать у лица совершенное на его глазах убийство или жестокое избиение человека.

Таким образом, указанные обстоятельства, которые могут вызвать состояние сильного душевного волнения (аффект), являются оценочными, содержание которых вряд ли может быть четко определено, что вызывает трудности в правоприменительной деятельности.

Действительно, квалифицирующий признак аффекта прямо смягчает уголовную ответственность лица при совершении им ряда насильственных преступлений (привилегированные составы). Как полагает Б. В. Сидоров, «...само по себе аффективное состояние виновного еще не может свидетельствовать о том, что его поведение в конкретной обстановке носило извинительный и в какой-то мере морально-оправданный характер... Объективная оценка нравственной стороны поведения потерпевшего, характера и степени возможного воздействия на психику виновного, других обстоятельств, вызвавших состояние аффекта и пробудивших решимость совершить преступление, помогает дать правильную моральную характеристику содеянного и уяснить его мотив, иными словами, позволяет установить моральную предпосылку возможности признания аффекта смягчающим обстоятельством». Однако ученый также отмечает, что «...не состояние аффекта, а склонность к аффектам, привычка раздражаться по пустякам, ставшая чертой характера, как свидетельство эмоциональной и нравственной распушенности, повышенного себялюбия и бесплодных самомнений в сочетании с другими качествами и особенностями, отрицательно характеризующими личность виновного, могут свидетельствовать о повышенной общественной опасности личности преступника и сказаться на мере его ответственности и наказания» [7].

В заключении можно сделать вывод, что состоянием аффекта (сильного душевного волнения) в уголовном праве может быть только эмоциональное состояние, которое обусловлено определенными законом обстоятельствами. Это состояние может проявиться только при совершении лицом предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса общественно опасного деяния.

Аффект (состояние сильного душевного волнения) влияет на поведение человека, ограничивая существенно способность осознавать и (или) руководить своими действиями. Поэтому при рассмотрении уголовных дел необходимо внимательно анализировать особенности психического состояния человека, противоправные действия которого могут быть совершены в состоянии физиологического аффекта.

Во избежание ошибок на практике, целесообразно нормативно закрепить определение понятия «аффект» и каждой из обстоятельств, которые вызывают его, дополнив Общую часть Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики соответствующей статьей.

Список литературы

1. Сысоева Т. В. Убийство, совершенное в состоянии аффекта (уголовно-правовые и виктимологические аспекты): автореф. дисс. ... к.ю.н. / Т. В. Сысоева — Екатеринбург, 2000. — С. 15.

2. Ситковская О. Д. Аффект. Криминологическо-психологическое исследование / О. Д. Ситковская. — М.: Юрлитинформ, 2001. — С. 58.
3. Бородин С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву / С. В. Бородин. — М.: Юрист, 1994. — С. 114.
4. Хайрутдинова Р. Р. Уголовно-правовое значение аффекта по российскому законодательству» / Р. Р. Хайрутдинова // Юридическая Россия, 2009. — 158 с.
5. Назаренко Г. В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния / Г. В. Назаренко — М.: Изд-во: Ось-89, 2001. — С. 190.
6. Манойлова С. А. Эмоции в уголовном праве: дисс. к.ю.н. / С. А. Манойлова. — Ярославль, 2005. — С. 115.
7. Сидоров Б. В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение (Социально-психологическое и правовое исследование) / Б. В. Сидоров. — Казань: КГУ, 1978. — С. 39.

The article deals with the modern understanding of the concept of "heat of passion" in the criminal law, as well as the ratio of its analyzes to the concepts of "state powerful sincere choppiness" and "diminished responsibility". In addition, the indicated criminal responsibility of the person who committed a crime in this state.

Keywords: *the heat of passion, state powerful sincere choppiness, sanity, criminal responsibility.*

УДК 343.148; 343.98

Панько Н. А.
старший преподаватель

Государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»,
г. Донецк
e-mail: moiseev.alex@i.ua

ВЛИЯНИЕ КАТЕГОРИИ СЛОЖНОСТИ СПЕЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА ОЦЕНКУ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА

Получена 26 мая 2016; принята 10 июня 2016.

Panko N. A.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: moiseev.alex@i.ua

THE INFLUENCE OF THE DIFFICULTY CATEGORY OF THE SPECIAL STUDY ON THE EVALUATION OF EXPERT EVIDENCE

Received 26 May 2016; accepted 10 June 2016.

В научной статье рассмотрены проблемные вопросы определения критериев сложности экспертизы. Автором проанализирована научная литература по данному вопросу, рассмотрены позиции ведущих ученых по проблемным вопросам разграничения категорий «простота-сложность» судебной экспертизы. Автором указано на значимость определения степени сложности экспертизы, так как она является показателем ее достоверности при оценке заключения эксперта участниками уголовного процесса. Отмечена необходимость пересмотра установившегося в законодательстве подхода к определению степени сложности экспертизы. Предлагается категорию сложности проведения специального исследования рассматривать как многокомпонентную задачу, поставленную перед экспертом заказчиком экспертизы. Высказаны предложения о внесении изменений в Инструкцию о назначении и проведении судебных экспертиз и экспертных исследований с целью более подробно раскрыть категории сложности судебных экспертиз.

Ключевые слова: эксперт, специалист, специальные знания, судебная экспертиза, категории сложности экспертизы, достоверность экспертизы.

Одним из наиболее эффективных средств установления истины по делу на сегодняшний день является экспертиза. Заключение эксперта, которое составляется по результатам проведенного специального исследования, в свою очередь, является одним из предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством источников доказательств. Этот документ, как и иные источники доказательств, подлежит оценке всеми субъектами производства. В научной литературе оценке заключения эксперта уделено достаточно много внимания. Так, этот вопрос рассматривался в работах таких ученых-криминалистов, как Л. Е. Ароцкер, Р. С. Белкин, А. И. Винберг, Н. И. Клименко, В. Я. Колдин, В. П. Колмаков, А. М. Моисеев, М. В. Сальевский, М. Я. Сегай, В. П. Шибико, А. Р. Шляхов, А. А. Эйсман и др. Однако в свете становления уголовно-процессуального законодательства Донецкой Народной Республики, этот вопрос не теряет актуальности. Значительную роль в оценке заключения эксперта участниками производства играет степень сложности проведенного экспертом исследования. К сожалению, вопросу сложности заключения эксперта учеными уделено значительно меньше внимания, чем того требует практика.

Целью статьи считаем исследование категории сложности специального исследования и определение его влияния на процедуру оценки заключения эксперта участниками производства.

Согласно п. 1.18. Инструкции о назначении и проведении судебных экспертиз и экспертных исследований срок проведения экспертизы (экспертного исследования) определяется с учетом экспертной нагрузки эксперта, в зависимости от сложности исследования, в пределах: 1) 10 календарных дней — по материалам с небольшим количеством объектов и простых по характеру исследований; 2) 20 календарных дней — по материалам со средним количеством объектов или средней сложности по характеру исследований; 3) 30 календарных дней — по материалам с большим количеством объектов или сложных по характеру исследований; 4) более 30 календарных дней — по материалам с очень большим количеством объектов и / или вопросов, или особо сложных по характеру исследований (исследований с использованием криминалистического оборудования (лазерного, оптического, электронного), проведения экспериментальных исследований, применение нескольких методов), при этом срок выполнения не должен превышать 60 календарных дней. А в случае если экспертиза (экспертное исследование) не может быть выполнена в указанные сроки, продление срока ее производства осуществляется органом (лицом), назначившим экспертизу (экспертное исследование), по мотивированному ходатайству руководителя судебно-экспертного учреждения или эксперта, не являющегося сотрудником судебно-экспертного учреждения (п. 1.19. Инструкции) [1]. Хотя ни в научной, ни в методической литературе не определены критерии, по которым следует определять степень сложности специального исследования.

Категория понятия «простота-сложность» относительно судебной экспертизы путем определения сроков специального исследования означает затраты рабочего времени на производство конечного продукта — заключения судебного эксперта. Эти затраты интегративно содержат и такие показатели как подготовка специалиста, оборудование и объем затрачиваемого материала, им используемого, проведение собственно исследования и формулирование выводов, работа по оформлению заключения и другая делопроизводственная деятельность [2, с. 138].

Согласно законодательству Российской Федерации при определении сложности судебных экспертиз и экспертных исследований рекомендуется учитывать такие признаки: а) многообъектность (более трех объектов или более 200 листов материалов дела, представленных на исследование); б) множественность поставленных вопросов (свыше трех вопросов, требующих проведения исследований); в) потребность в применении трудоемких методов и сложных инструментальных средств, технологический регламент которых превышает 5 дней в проведении модельных экспериментов для решения конкретных экспертных задач; г) необходимость разработки новых расчетных моделей и частных методик 6 исследований для решения поставленных вопросов; д) отнесение экспертизы к комплексной либо повторной, либо межведомственной; е) необходимость выезда на место происшествия либо осмотра объектов, находящихся вне территории судебно-экспертного учреждения, либо проведения исследования на базе других учреждений. По степени сложности судебные экспертизы подразделяются на 3 категории: 1 — экспертизы, имеющие до трех признаков сложности; 2 — имеющие три признака сложности; 3 — имеющие четыре признака сложности [3, 4]. На основании такого подхода к определению сложности специальных исследований для граждан и юридических лиц установлена стоимость экспертного часа в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации при производстве судебных экспертиз по гражданским и арбитражным делам, делам об административных правонарушениях, а также при производстве на договорной основе экспертных исследований [5].

Например, законодательством Республики Казахстан установлено четыре категории сложности судебно-экспертных исследований: простые, средней степени сложности, сложные и особо сложные. Но это не является единственным критерием отграничения категорий сложности специальных исследований. Правилами исчисления сроков производства судебных экспертиз в зависимости от категории их сложности и определения сложности судебных экспертиз каждый вид экспертизы разделен по категориям сложности с подробным пояснением относительно каждой категории сложности конкретного вида экспертизы [6].

Такие подходы к формулировке признаков сложности судебной экспертизы, по нашему мнению, являются обоснованными и рациональными.

Из вышеизложенного следует понимать, что категорию сложности проведения специального исследования можно рассматривать как многокомпонентную задачу, поставленную перед экспертом заказчиком экспертизы. То есть общая задача содержит ряд более детальных задач, что и является признаком сложности специального исследования.

Значимость такой категории как сложность специального исследования можно рассмотреть на примере проведения дактилоскопических экспертиз. В последние годы в связи с существенным ростом уровня преступности обозначилась проблема фальсификации следов рук, иногда даже недобросовестными работниками различных правоохранительных структур. Этому невольно способствует усовершенствование средств фотографической техники, в числе прочего цифровой, активное внедрение программных средств обработки изображений. Это вызывает необходимость тщательного изучения и систематизации признаков фальсификации следов и изображений папиллярного узора. Судебно-следственная практика и немногочисленные наработки в этой сфере свидетельствуют о принципиальной возможности выявления признаков, сопровождающих умышленные искажения изображений папиллярного узора, которые якобы отобразились в следе. Для этого могут использоваться морфологические, ситуалогические, трасологические, материаловедческие и биохимические особенности сфальсифицированных следов рук [7]. Так, эксперт, отвечая на вопрос «Оставлены ли следы рук на представленном на исследование объекте конкретным лицом?», может не рассматривать тот факт, что эти следы оставлены на объекты путем фальсификации. Такой фактор, безусловно, влияет на сложность исследования, так как если эксперт отвечает только на указанный вопрос — такое исследование является простым, а если же эксперту необходимо исследовать наличие признаков фальсификации следов и изображений папиллярного узора — такое исследование приобретает иную категорию сложности, поскольку эксперт должен будет использовать целый ряд достаточно сложного и трудоемкого в использовании оборудования.

Сложность специального исследования является показателем его достоверности при оценке заключения участниками производства. Критериями оценки заключения эксперта являются: научная достоверность и доказательственное значение. Участники производства могут и должны проверить не только логику экспертного доказывания, но и разобраться в выдвинутых экспертом научных положениях, чтобы убедиться в достоверности и полноте сделанных экспертом выводов. Каждое суждение эксперта должно рассматриваться сквозь призму внутреннего убеждения суда либо следователя до того как стать основанием для судебного решения [8, с. 226].

При оценке заключений эксперта возникают довольно существенные трудности. Это касается, прежде всего, восприятия заключения эксперта всеми участниками производства, поскольку эти лица не владеют таким объемом специальных знаний, как эксперт.

Практика же убедительно свидетельствует, что в большинстве случаев из всего заключения эксперта следователя и суд интересуют только результаты [9, с. 175]. Оценка субъектами доказывания заключений эксперта чаще всего сводится к проверке их полноты, форме и соответствия иным доказательствам по делу. Участники производства, как правило, могут оценить только полноту заключения эксперта, проверив, на все ли поставленные вопросы даны ответы, и уяснив характер этих ответов. Также при оценке заключения эксперта стороны и суд могут определить соблюдение экспертом необходимых процессуальных требований и наличие в этом процессуальном документе всех необходимых реквизитов. Устоявшаяся форма заключения эксперта позволяет оценить по формальным критериям компетентность эксперта, поскольку предусматривает указание на характер образования, стаж работы и специальность эксперта. Однако заказчик экспертизы, как отмечают ученые, не оценивает ни научную обоснованность заключений эксперта, ни правильность выбора им методов исследования, ни соответствие этих методов современным достижениям соответствующей отрасли знаний, поскольку для такой оценки заказчик должен обладать тем же объемом знаний, что и эксперт [10, с. 419-421].

Таким образом, видим, что заключение эксперта подлежит оценке участниками производства только на общих основаниях. Содержание оценки заключений эксперта, как и других источников доказательств, составляют допустимость, аутентичность и полнота.

Оценка допустимости заключения эксперта предусматривает определение уровня соблюдения требований Конституции и уголовно-процессуального законодательства при назначении и проведении специальных исследований. В процессе оценки заключений эксперта важным является также проверка правильности его оформления, наличие всех предусмотренных законом реквизитов указанного процессуального документа. Имеют место случаи, когда в заключении эксперта отсутствует вступительная или исследовательская часть, нет подписи эксперта или заключение подписано не тем лицом, которое указано во вступительной части. Если экспертиза была комплексной, то в заключении в числе прочего должно быть указано, какой эксперт какие именно исследования проводил; каждую часть исследования подписывает тот эксперт, который его проводил [11, с. 43].

Также при оценке заключения эксперта в уголовном производстве необходимо установить, были ли соблюдены права обвиняемого (подозреваемого) при назначении и проведении специальных исследований.

Обеспечение подозреваемому (обвиняемому) возможности наиболее полно реализовать свои права при проведении специальных исследований — гарантия не только обеспечения интересов самого подозреваемого (обвиняемого), но и качества проведенного исследования, достоверности его выводов [12, с. 133].

Именно поэтому, проведение специальных исследований в уголовном производстве должно назначаться открыто для сторон производства.

Кроме того, оценка допустимости заключения эксперта невозможна без определения компетентности эксперта. В литературе научного направления отмечается, что, оценивая соответствие квалификации эксперта предмету экспертизы, заказчик экспертизы, прежде всего, должен учитывать сведения об образовании, практический опыт, стаж работы по специальности, специализацию в рамках профессии эксперта. Заключение эксперта признается не соответствующим требованиям закона, если из него невозможно установить, имеет ли эксперт достаточные знания, необходимые для проведения исследования. Оценка заключения эксперта с точки зрения компетентности последнего состоит в: а) изучении вопросов, поставленных перед экспертом, и отнесении их к той или иной области знаний; б) изучении фактических данных, установленных экспертом, а также разрешении вопроса, какие именно специальные знания были необходимы для их установления; в) ознакомлении с данными, характеризующими эксперта как специалиста в определенной области знаний; г) установлении соответствия компетенции эксперта научным положениям и методам исследования, примененным в процессе проведения специального исследования [8, с. 229-230].

Оценивая заключения эксперта, необходимо также учитывать, что на их допустимость влияет подлинность исследуемых экспертом объектов. Если такие объекты признаются недопустимыми, автоматически теряет это свойство и само заключение. Поэтому всегда должна проверяться процессуальная доброкачественность объектов специального исследования. Для этого нужно установить, прежде всего, законность способа их получения [11, с. 43].

На основании анализа критериев оценки заключения эксперта, считаем необходимым отметить, что в зависимости от категории сложности проведенного специального исследования оценка его заключений будет существенно отличаться. А, значит, важным признаком заключения эксперта является его аргументация.

Ученые относят аргументированность к основным характеристикам заключения эксперта, определяющим его доказательственное значение [13, с. 148]. Так, в исследовательской части заключения эксперт должен представить анализ и синтез результатов исследований, обоснование установленных фактических данных, представить научное пояснение свойств, устанавливаемых путем исследования объектов [14]. Кроме того, в тексте своего заключения эксперт должен представить обстоятельную оценку

результатов проведенных исследований, а также аргументировать сделанные выводы. Заключение эксперта как процессуальный документ отражает основания для внутреннего убеждения эксперта, что способствует формированию внутреннего убеждения всех участников производства о доказательственном значении этого источника доказательств. Доказательственное значение заключения эксперта состоит также в том, что оно предостерегает, например, следователя или суд от принятия необоснованного решения по делу, а также исключает отклонение результатов специального исследования без достаточных на то оснований.

В научной литературе отмечается, что заключения эксперта не должны быть перенасыщены узкопрофильной терминологией, изложение должно быть понятно не только специалисту, но и любому участнику производства [15, с. 161-162]. Иначе же, для оценки доказательственного значения установленных экспертом фактов и обстоятельств возникает необходимость проведения дополнительных следственных действий, в частности допроса эксперта [13, с. 151].

В литературе философского направления аргументация определяется как убеждение других путем обоснования правильности своей позиции [16]. По нашему мнению, проблема аргументированности заключения эксперта приобретает особое значение в обеспечении его правильного восприятия при установлении доказательственного значения сторонами производства и судом. Аргументацию рассматривают как комплексное явление, содержащее диалектическое сочетание процессов — внутреннего, который состоит из получения аргументов, формирования внутреннего убеждения о предмете аргументации, принятия решения о необходимости аргументирования; и внешнего, который состоит во взаимодействии эксперта с иными участниками производства с целью убеждения их в правильности своей позиции. При таком подходе представляется логичным, что задача аргументации — создать убедительное влияние за счет достоверности аргументов, их непротиворечивости, достаточности и последовательности представления. В процессе аргументации действуют законы логики, что делает ее упорядоченной и детерминированной. В аргументации экспертом результатов проведенных исследований весомыми являются аспекты модальности, контекстный, оценочный, иллюстративный [17].

Итак, надлежащий уровень аргументированности заключения эксперта для его восприятия всеми участниками производства является неотъемлемой составляющей характеристики доказательственного значения заключения эксперта.

В свете оценки заключения эксперта по категориям сложности проведенного специального исследования аспект аргументации приобретает еще более существенное влияние. Поскольку сложные исследования требуют

применения не только достаточно сложных и трудоемких в использовании приборов, оборудования, материалов, но и большого объема сложной и специфической научной и методической литературы. В таких исследованиях эксперт должен обращать особое внимание на полное и всестороннее раскрытие промежуточных выводов, чтобы обеспечить правильное его восприятие всеми участниками производства.

Также считаем необходимым внести изменения в Инструкцию о назначении и проведении судебных экспертиз и экспертных исследований, то есть более детально раскрыть категории сложности судебных экспертиз. Речь идет о разделении исследовательской части не только на вопросы, но и на отдельные задачи. Такая градация будет наглядно демонстрировать достоверность проведенного специального исследования, поскольку будет содержать многокомпонентные задачи, а значит каждая частная задача, которая входит в общую, будет раскрыта и аргументирована в полном объеме.

Список литературы

1. Инструкция о назначении и проведении судебных экспертиз и экспертных исследований: Утверждена Приказом Министерства юстиции Донецкой Народной Республики от 10.02.2016 № 99. URL: http://old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2016/05/PrikazMinust_N99_10022016.pdf.

2. Седнев В. В., Черногор П. А., Кондрашова Э. В. Критерии определения сложности экспертного исследования [Электронный ресурс] / В. В. Седнев, П. А. Черногор, Э. В. Кондрашова // Теорія та практика судової експертизи та криміналістики: збірник наукових праць / ред. кол.: М. Л. Цимбал, В. Ю. Шепітько, Л. М. Головченко та ін. — Х.: Право, 2012. — Вип. 12. — С. 135-145.

3. Об утверждении норм затрат времени на производство экспертиз для определения норм экспертной нагрузки государственных судебных экспертов государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации и методических рекомендаций по их применению: Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 22 июня 2006 г., № 241 (ред. от 19.03.2008). URL: <http://sudex.pro/files/norms/241.pdf>.

4. Об утверждении норм затрат времени на производство экспертиз и Методических рекомендаций (вместе с «Методическими рекомендациями по применению норм затрат времени на производство экспертиз для определения норм экспертной нагрузки экспертов Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления»): Приказ Федеральной таможенной службы РФ от 30 июля 2010 г., № 1427. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103478/

5. Об установлении стоимости экспертного часа в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской

Федерации при производстве судебных экспертиз по гражданским и арбитражным делам, делам об административных правонарушениях, а также при производстве на договорной основе экспертных исследований для граждан и юридических лиц: Распоряжение Министерства юстиции Российской Федерации от 25 апреля 2007 г., № 398 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 2007 г., № 25.

6. Правила исчисления сроков производства судебных экспертиз в зависимости от категории их сложности и определения категорий сложности судебных экспертиз: Утверждены приказом Министра юстиции Республики Казахстан от 26 января 2015 года № 46. URL: <http://egov.kz/wps/poc?uri=mjnpa:document&language=ru&documentId=V15D0010306>.

7. Эджубов Л. Г., Хазиев Ш. Н. Современные проблемы идентификационной и регистрационной дактилоскопии / Л. Г. Эджубов, Ш. Н. Хазиев // Папиллярные узоры. Идентификация и определение характеристик личности (дактилоскопия и дерматоглифика). — М., 2002. — С. 178-204.

8. Теория доказательств в советском уголовном процессе: Часть Особенная / Р. С. Белкин, А. И. Винберг, М. М. Гродзинский, С. Л. Зивс и др. — М.: Юридическая литература, 1967. — 415 с.

9. Моїсєєв О. М. Експертні технології: теорія формування і практика застосування: монографія / О. М. Моїсєєв. — Х.: Вид. агенція «Апостиль», 2011. — 424 с.

10. Белкин А. Р. Теория доказывания: научно-методическое пособие. — М.: Норма, 1999. — 418 с.

11. Орлов Ю. К. Заключение эксперта как источник выводного знания в судебном доказывании (уголовно-процессуальные, криминалистические и логико-гносеологические проблемы): автореф. дисс. на соискание учен. степ. д-ра юрид. наук / Ю. К. Орлов. — М., 1985. — 54 с.

12. Строгович М. С. Курс уголовного процесса: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву / М. С. Строгович. — М.: Наука, 1970. — Т. 2. — 516 с.

13. Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве / Ю. К. Орлов. — М.: Ин-т повышения квалификации Российского федерального центра судебной экспертизы, 2005. 264 с.

14. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории / Т. В. Аверьянова. — М.: Норма, 2006. — 480 с.

15. Щербаковский М. Г. Судебные экспертизы: назначение, производство, использование: учебно-практическое пособие / М. Г. Щербаковский. — Харьков: Эспада, 2005. — 544 с.

16. Белова А. Д. Лингвистические аспекты аргументации / А. Д. Белова. — К.: КГУ им. Тараса Шевченко, 1997. — 300 с.

17. Моїсєєв О. М. Аспекти аргументації висновку експерта // Теорія та практика судової експертизи і криміналістики. 2006. Вип. 6. С. 136-143.

In this scientific article problem questions of definition of criteria of complexity of examination are considered. The author analyzed scientific literature on the matter, considered positions of leading scientists on problem questions of division of the categories "simplicity" and "complexity" in judicial examinations. The author pointed to importance of definition of degree of complexity of examination because complexity is a reliability indicator during an assessment of a conclusion of the expert participants of criminal trial. In article need of revision of approach existing in the legislation to definition of degree of complexity of examination is specified. Also it is offered to consider complexity of carrying out specialized research as the task consisting of several components and put before the expert by the customer of examination. For the purpose of more detailed disclosure of category of complexity of judicial examinations, in article there are offers on modification of the Instruction on appointment and carrying out judicial examinations and expert researches.

Keywords: expert, expert, special knowledge, judicial examination, categories of complexity to examination, reliability of examination.

УДК 347.65

Поярков О. Е.
старший преподаватель

Государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»,
г. Донецк
e-mail: oleg-pravo@ukr.net

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ДОГОВОР

Получена 16 мая 2016; принята 03 июня 2016.

Poyarkov O.E.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk,
e-mail: oleg-pravo@ukr.net

HEREDITARY CONTRACT

Received 16 May 2016; accepted 03 June 2016.

Статья посвящена освещению и раскрытию такого правового института как наследственный договор. Автором проанализирована сущность и особенности правового регулирования приобретения имущества посредством использования наследственного договора. Рассмотрен порядок заключения, исполнения, расторжения, форма наследственного договора его отличия от договора пожизненного содержания и от наследования по завещанию, определены основные проблемные моменты, которые подлежат теоретическому и практическому разрешению на законодательном и научном уровнях.

Ключевые слова: приобретатель, отчуждатель, имущество, наследственный договор, наследство.

Постановка проблемы. Наследственный договор – это новый правовой институт, редко использующийся в юридической практике. Во-первых, из-за неосведомленности населения, так как немногие знают, что распорядиться своим имуществом после смерти можно не только с помощью завещания или договора пожизненного содержания, но еще и с помощью наследственного договора. А во-вторых, потому что отсутствует отработанный механизм использования наследственного договора. Применение такого правового

института как наследственный договор способствует переходу права собственности от одного лица в случае смерти к другому и является одним из способов прекращения права собственности на имущество у отчуждателя и способом возникновения права собственности у приобретателя.

Анализ последних исследований и публикаций. Отдельные аспекты приобретения имущества по наследственному договору были предметом исследования многих отечественных и зарубежных ученых, а именно таких как: В. К. Антошкина, В. Васильченко, Т. П. Коваленко, С. В. Мазуренко, Е. А. Рябоконь, Н. А. Саниахметова, Е. О. Харитоновна, С. Я. Фурса и другие.

Но, несмотря на значительное количество научных исследований в сфере приобретения имущества по наследственному договору, еще имеют место проблемы, которые остаются не решенными до конца. Поэтому необходимо дальнейшее исследование основных правовых норм по наследственному договору направленное на удовлетворение законных прав и интересов физических лиц.

Актуальность. Связана со становлением молодого правового государства Донецкой Народной Республики. С созданием системы государственных органов, органов нотариата и разработкой проекта Гражданского кодекса ДНР, а так же ряда других нормативно-правовых актов направленных на защиту законных прав и интересов физических и юридических лиц.

Цель статьи — выяснение особенностей заключения наследственного договора. Раскрытие основных правовых положений связанных с приобретением имущества по наследственному договору. Разработка порядка и механизма правового обеспечения прав физического лица на имущество отчуждателя по наследственному договору и способов гражданско-правовой защиты законных прав и интересов как приобретателя имущества, так и отчуждателя.

Изложение основного материала исследования. Что касается правовых норм в Гражданском кодексе регулирующих основные положения приобретения (отчуждения) имущества по наследственному договору то законодатель был не очень щедрым. Всего лишь семь статей Гражданского кодекса Украины (далее — ГК), отведены для регулирования этого правового института. Они поставили перед практиками достаточно много вопросов и определили этот вид договора только общими чертами. Однако попробуем разобраться в ситуации и составить из того, что есть, целостную картину.

Согласно ст. 1302 Гражданского кодекса Украины по наследственному договору одна сторона (приобретатель) обязуется выполнять распоряжение второй стороны (отчуждателя) и в случае его смерти приобретает право собственности на имущество отчуждателя.

То есть наследственный договор возлагает обязанность на приобретателя выполнить определенные распоряжения отчуждателя, а возникновение у приобретателя права собственности на имущество отчуждателя зависит исключительно от наступления конкретного обстоятельства — смерти отчуждателя.

Юридическим фактом, с которым связывается возникновение у приобретателя права собственности на предусмотренное договором имущество, является смерть отчуждателя, однако, во-первых, законодатель никак не объясняет, что можно считать моментом смерти, а, во-вторых, четко не объясняет, в какой именно момент у приобретателя возникает право собственности на имущество отчуждателя, ограничившись формулировкой «в случае его смерти приобретает право собственности».

Ведь вполне вероятно, что под таким моментом можно рассматривать как момент наступления физической смерти (вступления в законную силу решения об объявлении физического лица умершим), так и момент получения свидетельства о смерти, которые, конечно, не совпадают по времени.

Что касается перехода права собственности на транспортное средство. То в отношении транспортных средств возникает вопрос об их снятии с учета, регистрации и постановки на учет. Учитывая, что при жизни отчуждатель пользуется транспортным средством, то снятие с учета становится актуальным после его смерти. Но в органах ГАИ могут возникнуть вопросы компетенции приобретателя на снятие транспортного средства с учета и регистрации права собственности. Поэтому рекомендуется отдельным пунктом в наследственном договоре предусмотреть право приобретателя после смерти отчуждателя снять транспортное средство с учета и осуществить государственную регистрацию.

Нерешенным также остается вопрос возникновения риска случайной гибели или повреждения имущества, которое приобретается в собственность приобретателем в соответствии с Договором. По общему правилу, установленному ст. 323 ГК, риск случайного уничтожения и случайного повреждения имущества несет его собственник. Итак, приобретатель по договору должен быть максимально защищен в контексте рисков, а именно: момент возникновения права собственности у приобретателя должен совпадать с моментом фактического начала владения им имуществом, полученным по Договору. Указанное положение желательно закрепить на уровне ГК. Кроме того, необходимо защитить интересы приобретателя в случае случайной гибели имущества после смерти отчуждателя, но до фактического начала владения таким имуществом. Одним из способов такой защиты может быть страхование или поручительство или гарантия.

Необходимо обратить внимание, что в ГК прямо не урегулирован вопрос относительно того, будет распространяться на имущество, указанное в договоре, правило о праве на обязательную долю в наследстве и вообще

включаться имущество в состав наследственной массы (наследства). Считаю целесообразным дополнить ст. 1302 ГК второй частью следующего содержания: «Указанное в части первой настоящей статьи имущество не входит в состав наследства».

Распоряжение отчуждателя могут выражаться в обязательстве приобретателя совершить определенное действие имущественного или неимущественного характера (например, присматривать за лицом или содержать его, обеспечивать лекарствами, готовить пищу, организовывать отдых, похоронить отчуждателя в конкретном месте и т. д.). Отчуждатель также может обязать приобретателя и воздержаться от совершения определенного действия (например, прекратить вести аморальный образ жизни и т. д.) При этом совершение такого действия (воздержание от совершения действия) может потребоваться как до смерти отчуждателя, так и после его смерти. Итак, в наследственном договоре стороны должны определить характер действий (имущественные или неимущественные), конкретный их перечень, порядок и время (до смерти отчуждателя так и после его смерти) выполнения действия.

Предмет наследственного договора — имущество отчуждателя и действия приобретателя (получателя). Действующим законодательством не регулируется, какое именно имущество может быть предметом наследственного договора. Как справедливо отмечают исследователи, нет также и ни одной ссылки на соотношение стоимости такого имущества и стоимости действий, которые будут выполняться приобретателем. Поэтому считается, что предметом наследственного договора может быть любое имущество, а адекватность его стоимости и стоимости действий не ставится в зависимость от цели самого договора.

Договор считается заключенным с момента достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям при соблюдении определенной законодательством формы. Интересно (и вряд ли положительно) то, что в ГК не определены существенные условия договора. Отсутствие нормативного определенного перечня существенных условий договора, который является новым и неизвестным в правоприменительной практике, может вызвать опасные ситуации, в которых время от времени будут возникать споры по поводу заключенности или незаключенности Договора. Основанием таких споров может стать ч. 1 ст. 638 ГК, которая предусматривает, что в качестве существенных условий договора выступают, в частности, те, которые необходимы для договора данного вида, а также все те, относительно которых по заявлению хотя бы одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Обязательно найдутся лица, которые будут оспаривать факт достижения согласия по всем существенным условиям договора и судебная практика вряд ли будет однозначной. Нормативное закрепление перечня существенных

условий договора как раз сориентирует, прежде всего, судей и юристов, которые подготавливают Договор, чем значительно облегчат доказательство того факта, что Договор был заключен.

Существенным условием наследственного договора, как и любого гражданско-правового договора, является, прежде всего, его предмет, которым согласно диспозиции указанной статьи является имущество отчуждателя.

Согласно ст. 190 ГК таким имуществом может быть отдельная вещь или совокупность вещей, а также имущественные права и обязанности. Вследствие этого, по наследственному договору может устанавливаться только вещное право, а именно исключительное право собственности приобретателя. Исходя из изложенного, следует констатировать, что не могут быть предметом этого договора личные неимущественные права, вещные права на чужое имущество (эмфитевзис, суперфиций, сервитуты) и т. д. [5].

Стороны наследственного договора. Сторонами в наследственном договоре являются отчуждатель и приобретатель. Согласно ст. 1303 ГК отчуждателем в наследственном договоре может быть одно или несколько физических лиц — супруги, один из супругов или другое лицо. Приобретателем в наследственном договоре может быть физическое или юридическое лицо.

Анализируя нормы действующего законодательства, приходим к выводу, что отчуждателем по наследственному договору может быть только физическое лицо, в то время как приобретателем — как физическое, так и юридическое лицо.

Интересно, что законодатель, регулируя институт наследственного договора, особое внимание уделяет именно возможности заключения наследственного договора супругами или одним из супругов. Что касается заключения наследственного договора супругами, то следует учитывать, что при заключении каждой сделки относительно общего имущества супругов, которая нуждается в нотариальной форме, должно быть получено письменное согласие другого супруга. Наследственный договор, заключенный без согласия другого супруга, признается недействительным.

Можно возразить, что якобы ч. 2 ст. 65 СК устанавливает презумпцию, согласно которой при заключении договоров одним из супругов считается, что он действует с согласия другого супруга. Однако, во-первых, в соответствии с той же ч. 2 ст. 65 СК жена, муж имеет право на обращение в суд с иском о признании договора недействительным как такого, что заключенный вторым из супругов без ее, его согласия, если этот договор выходит за пределы мелкого бытового, а, во-вторых, для заключения одним из супругов договоров, требующих нотариального удостоверения и (или) государственной регистрации, а также договоров относительно ценного имущества, согласие второго из супругов должно быть подано письменно, а согласие на заключение

договора, который требует нотариального удостоверения и (или) государственной регистрации, должно быть нотариально удостоверено. Проверку наличия согласия другого супруга осуществляет нотариус при удостоверении договора. Однако вряд ли разумно для отчуждателя полагаться исключительно на нотариуса, проверку наличия согласия другого супруга, прежде всего, должен осуществить приобретатель, так как он через некоторое время может стать «жертвой» признания договора, заключенного без согласия другого супруга, недействительным, например, на основании ст. 203 и ч. 1 ст. 215 ГК.

Наследственный договор может быть удостоверен без согласия второго из супругов, если из правоустановочного документа, свидетельства о браке и других документов видно, что указанное в нем имущество является не общей, а личной собственностью второго из супругов, а также в случаях, когда последний не проживает по месту нахождения имущества и местожительство его неизвестно. В подтверждение этого обстоятельства должна быть представлена копия решения суда, вступившего в законную силу [7].

Статьей 1304 Гражданского кодекса установлено, что наследственный договор заключается в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению. Законодательством не установлено каких-либо ограничений относительно того, какое именно имущество может быть предметом наследственного договора и, соответственно, можно сделать вывод, что это может быть и движимое, и недвижимое имущество. Эта особенность обуславливает ряд интересных вопросов относительно наследственного договора [6].

Если предметом наследственного договора является недвижимое имущество, то его заключения осуществляется по общим правилам удостоверения сделок об отчуждении и залоге недвижимого имущества. Согласно действующему законодательству удостоверение сделок об отчуждении или залоге жилого дома, квартиры, дачи, садового дома, гаража, земельного участка, другого недвижимого имущества производится по месту нахождения указанного имущества или по местонахождению одной из сторон сделки.

Норма законодательства об удостоверении договоров отчуждения недвижимого имущества по местонахождению одной из сторон сделки является новой для законодательства. Ее появление связано с Законом Украины "О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Украины» от 15 декабря 2005 года № 3201, который вступил в силу 14 января 2006 года. Норма такого содержания, с одной стороны, вызвала ряд вопросов и противоречий, что уже неоднократно обсуждалось в юридической литературе и в профессиональных кругах юристов, а с другой — значительно расширила

возможности физических и юридических лиц вправе распоряжаться собственным имуществом.

Таким образом, в случае заключения наследственного договора, предметом которого является недвижимое имущество, его нотариальное удостоверение может произойти или по месту нахождения такого имущества, или по местонахождению отчуждателя по договору — физического лица, или приобретателя по договору — физического или юридического лица.

Согласно ст. 1307 Гражданского кодекса на имущество, определенное в наследственном договоре, нотариус, который удостоверил этот договор, накладывает запрет отчуждения. А в соответствии со ст. 75 Законопроекта ДНР «О нотариате» установлено, что нотариус по месту нахождения жилого дома, квартиры, дачи, садового дома, гаража, другого недвижимого имущества или по месту расположения земельного участка накладывают запрет их отчуждения. То есть этот законопроект в отличие от украинского варианта не расширяет возможности физических и юридических лиц вправе распоряжаться собственным имуществом. В действующей ст. 73 Закона Украины «О нотариате» установлено, что нотариус или должностное лицо исполнительного комитета сельского, поселкового, городского Совета народных депутатов по месту нахождения жилого дома, квартиры, дачи, садового дома, гаража, другого недвижимого имущества или месту расположения земельного участка, или местонахождению одной из сторон сделки накладывают запрет их отчуждения.

Если предметом отчуждения по наследственному договору является имущество, подлежащее регистрации (недвижимость или автотранспорт), то нотариусу обязательно подаются документы, которые подтверждают право собственности на это имущество [8].

Далее возникает вопрос, что же делать в случае, если предметом наследственного договора является движимое имущество? В таком случае нотариус не может наложить запрет отчуждения, ведь запрет отчуждения движимого имущества законодательством не предусмотрен. На практике возможна только регистрация обременения движимого имущества, осуществляется в соответствии с Законом Украины «Об обеспечении требований кредиторов и регистрации обременений» от 18 ноября 2003 № 1255 (с изменениями и дополнениями) (далее — Закон № 1255) и в соответствии со ст. 43 указанного Закона регистрация обременений осуществляется на основании заявления взыскателя (физического, юридического лица, суда, государственной исполнительной службы и т. д.).

Согласно ст. 12 Закона № 1255 регистрация обременения предоставляет соответствующему обременению силу в отношениях с третьими лицами. На основании регистрации устанавливается приоритет обременения. В случае отсутствия регистрации обременения такое обременение сохраняет силу в

отношениях между должником и обременителем, однако оно не действует в отношениях с третьими лицами.

Таким образом, регистрация обременения движимого имущества на основании заявления обременителя в случае заключения наследственного договора позволит приобретателю по наследственному договору дополнительно обеспечить свои имущественные права в отношениях с третьими лицами, но не гарантирует выполнения двусторонних правоотношений, возникающих между сторонами по наследственному договору. Следовательно, возникает проблема, которая требует правового урегулирования и которую можно отнести к пробелам в законодательстве.

Отличительная особенность наследственного договора от завещания заключается в том, что по наследственному договору приобретатель (получатель) должен совершить определенное действие, а при наследовании по завещанию право на наследование у наследника возникает не зависимо от его действий. То есть ему не нужно совершать какие-то определенные действия для того чтобы у него возникло право на наследство, кроме завещания с условием.

Принципиальное отличие наследственного договора от договора пожизненного содержания заключается в том, что право собственности на недвижимое имущество по договору пожизненного содержания возникает с момента его государственной регистрации, после нотариального удостоверения, а на движимое имущество с момента вступления в силу договора. Что касается наследственного договора на право собственности, то имущество переходит к получателю только после смерти отчуждателя.

Отличительные черты наследственного договора от договора пожизненного содержания (ухода):

- объем обязанностей у приобретателя по наследственному договору может быть большим, чем по договору пожизненного содержания;
- отчуждатель может назначить лицо, которое будет контролировать выполнение приобретателем наследственного договора;
- право собственности на имущество по наследственному договору возникает только после смерти отчуждателя.

Отличительные черты наследственного договора от наследования по закону или по завещанию:

- наследственный договор может быть заключен через представителя, что невозможно в ситуации с завещанием;
- по наследственному договору приобретатель (получатель) должен совершить определенное действие, а при наследовании по завещанию право на наследование у наследника возникает не зависимо от его действий;
- приобретателем (получателем) по наследственному договору может быть любое лицо (независимо от родственных отношений), а при наследовании по закону родственники, супруг, члены семьи и государство.

- наследственный договор может быть изменен только по взаимному соглашению обеих сторон, тогда как в завещание может быть изменено завещателем в любой момент без согласования с наследником;

- завещание, составленное в отношении имущества, являющегося предметом наследственного договора, является недействительным;

- к наследникам переходят не только права, но и обязанности (долги) наследодателя (завещателя), что исключено по наследственному договору.

Наследственный договор, может быть, расторгнут по взаимному соглашению сторон. По обоюдному соглашению сторон договор расторгается у нотариуса. Расторжение наследственного договора в одностороннем порядке осуществляется только через суд. Договор может быть расторгнут отчуждателем, если приобретатель не выполняет свои обязанности. Приобретатель может требовать расторжения договора, если с его стороны стало невозможным надлежащее выполнение распоряжения другой стороны (отчуждателя).

Учитывая вышеизложенное, возникают также вопросы относительно правовой природы наследственного договора и о целесообразности размещения норм к нему именно в Книге шестой ЦК «Наследственное право», в чем, исходя из анализа содержания норм главы 90 ГК, возникают обоснованные сомнения.

Во-первых, наследственный договор, прежде всего, является договором - двусторонней сделкой, предусмотренной ГК, в то время как наследственные отношения таковы, что возникают или на основании закона (наследование по закону), или односторонней сделки (завещания).

Во-вторых, объектом наследственных отношений является наследство, тогда как объектом наследственного договора является имущество, которое в состав наследства не входит.

В-третьих, субъектами наследственных правоотношений являются, прежде всего, наследники и наследодатель, тогда как приобретателями по наследственному договору может быть и не наследник.

Изложенное выше свидетельствует о том, что наследственный договор является разновидностью гражданско-правового договора. Отношения, возникающие из наследственного договора, являются договорными, а не наследственными. Учитывая изложенное, целесообразно было бы разместить положение о наследственном договоре в Подразделе 1 «Договорные обязательства» раздела III «Отдельные виды обязательств» Книги пятой ГК «Обязательственное право» наряду с другими договорами.

Учитывая тот факт, что наследственный договор является новым, нужно более детально определить основные его положения, в частности, субъектный состав, права и обязанности сторон, существенные условия этого договора, вопросы перехода рисков и не включение имущества, являющегося объектом наследственного договора, в состав наследства.

Список литературы и нормативных актов

1. Цивільний кодекс України від 16.01.2003 р. № 435-IV // Відомості Верховної Ради України. — 2003. — № 40. — Ст. 356.
2. Сімейний кодекс України // Офіційний вісник України. — 2002. — № 7. — Ст. 273.
3. Про нотаріат: Закон України від 2 вересня 1993 року // Відомості Верховної Ради України. — 1993. — № 39. — Ст. 383.
4. Об обеспечении требований кредиторов и регистрации обременений: Закон Украины от 18 ноября 2003 // Ведомости Верховной Рады Украины. — 2004. — № 11. — Ст. 140.
5. Инструкция о порядке совершения нотариальных действий нотариусами Донецкой Народной Республики № 17-21 от 02.09.2015 года.
6. Васильченко В. Юридична сутність інституту спадкового договору та його місце в системі цивільного права / В. Васильченко // Право України. — 2003. — № 7. — С. 137-140.
7. Мазуренко С. Особливості укладання спадкового договору / С. Мазуренко // Право України. — 2004. - №2. - С. 111-114.
8. Цивільний кодекс України. Коментар / за ред. Є.О. Харитонova, О.М. Калітенко. — Харків, 2003. — С. 1047-1048.

The article is devoted to illumination and disclosure of such legal institution as hereditary contract. The author analyzes the essence and features of legal regulation of acquisition of property through the use of the hereditary contract. The order of conclusion, execution, termination, form of succession agreement it differs from the contract of life maintenance and inheritance under the will, the basic problem points, which are the theoretical and practical resolution at legislative and scientific levels.

Keywords: *the acquirer, the transferor, property, inheritance, contract, inheritance.*

УДК 342.72/.73

Прокофьева Р. В.
преподаватель

Государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»,
г. Донецк
e-mail: rusja1992@icloud.com

НАЛОГОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ МОТИВАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (МИРОВОЙ ОПЫТ)

Получена 24 мая 2016; принята 15 июня 2016.

Prokofieva R. V.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: rusja1992@icloud.com

TAX LAW AS A TOOL OF MOTIVATION BUSINESS (WORLD EXPERIENCE)

Received 24 May 2016; accepted 15 June 2016.

В статье рассматривается мировой опыт регулирования мотивации предпринимательской деятельности, одним из важнейших элементов которого является налоговое законодательство. Проанализирован опыт налогового регулирования таких стран, как Великобритания, Франция, Германия, США и Япония.

Ключевые слова: *налоговое законодательство, мотивация предпринимательской деятельности.*

Налоговая система является важным инструментом регулирования социально-экономических процессов, в том числе мотивации предпринимательской деятельности.

Мотивация — это очень сложный социально экономический феномен, который подчиняется не только объективным законам развития экономики, но и закономерностям мотивирующего влияния поведенческой реакции. Поэтому проблемы мотивации одинаково актуальны для любого состояния экономики как в период кризиса, так и в период подъема.

Суть регулирующей функции налогов заключается в фактическом

перераспределении государством национального дохода, посредством которого увеличивается или сокращается платежеспособный спрос отдельных групп экономических агентов, усиливаются или ослабляются стимулы к накоплению капитала, оказывается влияние на уровень экономической активности в стране и темпы экономического роста.

Выделяют такие инструменты налоговой политики:

- способы определения налогооблагаемой базы (виды налогов);
- налоговые ставки;
- налоговые льготы;
- способы распределения и взимания налогов.

При формировании налоговой системы ДНР важно рассмотреть правовое регулирование налогообложения других стран.

Целью статьи является анализ мирового опыта мотивации предпринимательской деятельности с помощью налогового законодательства.

Подход к государственному регулированию предпринимательства как определенной системе позволит выделить те аспекты взаимодействия государственного и предпринимательского секторов, которые обеспечивают ее высокую действенность. Критерием, применение которого позволит определить элементы государственного регулирования предпринимательства, является мотивация предпринимательства, а также способность обеспечить благоприятные условия для развития предпринимательской деятельности.

Учитывая названный критерий, обзор опыта государственного регулирования экономики и предпринимательской деятельности в индустриально развитых странах мира, а именно странах Европейского Союза, США и Японии будет иметь функциональную направленность.

В странах ЕС исторически государственное регулирование прогрессировало от полной его индифферентности до актуальной ситуации непосредственного регулирования экономики и предпринимательской деятельности.

Одним из действенных средств мотивации и стимулирования развития предпринимательского сектора в странах ЕС является налоговая политика государства. Так, в Великобритании, опираясь на Акт о подоходном налоге с физических и юридических лиц 1970 года, Акт о налоге на добавленную стоимость 1979 года и Акт налога с корпораций 1996 года, индивидуальные фирмы не обязаны проходить государственную регистрацию, а уплата налогов осуществляется на основе декларирования индивидуальных доходов членов фирмы. И даже если фирма зарегистрировалась в государственных органах, то налоги уплачиваются только после того, как фирма начала активно работать на рынке и нашла своих потребителей. В общем, величина и количество налогов, которые платят малые предприятия, меньше, а процедура налогообложения значительно проще, чем для крупных предприятий. Кроме этого используется

также прогрессивный налог на прибыль корпораций: ставки налогов для корпораций с меньшими доходами меньше, чем для корпораций с большими доходами [1, с. 53-54]. Таким образом, государство поощряет создание малых предприятий и всесторонне поддерживает их деятельность, применяя льготные условия налогообложения.

Механизм налоговых льгот широко используется и во Франции. С его помощью государство способствует ускорению научно-технического прогресса, расширению экспорта и т. п. Так, существуют льготы для вновь созданных акционерных обществ (в течение первых двух лет — не платится налог, на третий год облагается 25 % их прибыли, на четвертый — 50 %, на пятый — 75%, начиная с шестого года — 100% прибыли), применяется налоговый кредит и для предприятий, которые проводят профессиональную подготовку кадров, и т. п. [2, с. 67].

Малые предприятия не подают декларации о налоге на добавленную стоимость, однако выплачивают прибыльные налоги, уровень которых зависит от сферы деятельности (торговые операции, услуги и т. д.) [3, с. 228].

В целом система налогового стимулирования развития предпринимательства в экономически развитых странах включает различные налоговые льготы: амортизационные, льготы по стимулированию научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, льготы по формированию резервных фондов, налоговые кредиты, налоговые каникулы и т. п.

Для стимулирования развития малого бизнеса также используется частное или спонсорское финансирование, то есть наличие рядом с малой фирмой крупной корпорации, которая заинтересована в результатах ее работы. Так, в Германии банками и страховыми компаниями создаются специальные фирмы, участвующие в капитале малых и средних предприятий и осуществляющие финансирование определенных разработок. Также выгодным является организованное коммерческими банками сотрудничество малых и средних предприятий с большими финансово-промышленными группами на основе контрактных, субподрядных и арендных отношений [2, с. 57].

Рассматривая опыт государственной мотивации и регулирования предпринимательства в странах ЕС, важно подчеркнуть, что концепция поддержки малого и среднего бизнеса в них является четкой и понятной. Она, как отмечает И. Самойлова, учитывает национальные и общеевропейские интересы, включая цели и принципы такой политики, имеет механизмы и организационные структуры реализации [4, с.153]. На сегодняшний день на долю малых предприятий, которая является растущей в экономике Великобритании, приходится 25 % всей рабочей силы.

Признанным европейским лидером в указанной сфере является Италия — из почти 800 тыс. промышленных предприятий страны, 99 % являются малыми и средними. В Германии и Нидерландах малый и средний бизнес

обеспечивает около 40 % экспорта, Италии — 25–30 %, Франции — 20–25 %, Японии — 10–15 % [3, с. 225].

Можно сделать вывод о том, что основными направлениями государственной мотивации и поддержки малого и среднего предпринимательства в странах ЕС является формирование инфраструктуры поддержки и развития предпринимательства, установление системы льгот и прозрачной системы налогообложения, наличие финансово-кредитной поддержки и сотрудничества с крупными предприятиями и т. п. Однако это вовсе не означает создание «тепличных» условий для малых и средних предприятий, а скорее является средством выравнивания возможностей малых, средних и крупных предприятий в условиях конкурентной борьбы, способом компенсации затрат предпринимателей от деятельности в рискованных сферах.

В США, несмотря на распространение идеи максимизации свободы экономической деятельности, роль государства в регулировании предпринимательской деятельности является весомой, хотя и неоднозначной. Взаимоотношения между государственным и предпринимательским секторами имеют «волнообразную» тенденцию, от регулирования предпринимательской деятельности к ее дерегулированию (то есть уменьшению государственного влияния на предпринимательскую деятельность). Это было распространено в конце 60-х и получило распространение в 70–80-х годах. Большинство американских ученых отмечают, что на современном этапе отношения предпринимательства и государства являются антагонистическими, а партнерство между ними считают невозможным и вредным для общества.

Вместе с тем, хотя субъекты предпринимательства большинство своих решений принимают самостоятельно, сфера их деятельности сокращается, а, соответственно, сфера государственного воздействия увеличивается. Тенденция к увеличению участия государства в регулировании предпринимательства получает распространение и, как подчеркивают аналитики, имеет восходящую траекторию.

Среди основных элементов государственной мотивации и регулирования предпринимательства в США можно выделить следующие [5, с. 30]:

1. Развернутая система антимонопольного регулирования, в том числе регулирование естественных монополий, которая осуществляется для защиты конкуренции и ограничения монополистических тенденций.

2. Прогнозирование и стратегическое планирование, что обеспечивает основу для всех управленческих решений, в том числе, прогнозирование в системе государственного регулирования.

3. Стимулирование передовых технологий, фундаментальной науки и проведение инновационной политики государства, которая имеет целью объединение научно-технической и инвестиционной политики. Почти 50 %

расходов на НИОКР в стране осуществляется государством.

4. Поддержка развития малых и средних предприятий, включая льготное налогообложение, регулирование которого осуществляется с помощью Свода законов США (U.S.Code) раздела 26 «InternalRevenueCode» (Кодекс внутренних доходов); стимулирование и финансирование научно-технических разработок (в США на сектор малого предпринимательства приходится около 50 % научно-технических разработок); осуществление финансово-кредитной помощи малому бизнесу путем предоставления малым предприятиям гарантированных займов и т. п. [1, с. 52; 6, с. 20; 2, с. 82].

Значительного внимания заслуживает опыт Японии в регулировании предпринимательского сектора. Главной функцией государства в стране является стимулирование и ускорение структурных изменений в экономике, которые необходимы для долгосрочного роста. Взаимоотношения предпринимательства и государства в значительной степени являются отношениями сотрудничества, в отличие от США. Среди основных элементов государственного регулирования предпринимательства можно выделить следующие:

1. Долгосрочное планирование, которое носит индикативный характер, и программирование национальной экономики, создает эффективные условия для развития.

2. Финансирование и бюджетное субсидирование фундаментальных исследований и программ разработки новых технологий, которые осуществляются государственными институтами и исследовательскими центрами вместе с частными компаниями. Так, Япония ежегодно тратит 500 млн. долларов, способствуя 185 центрам развития технологий [**Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**, с. 77; 8, с. 151].

3. Поддержка развития малого и среднего бизнеса, включая льготное кредитование, поддержку технических проектов, отлаженную инфраструктуру поддержки малых и средних предприятий, систему защиты от злоупотреблений со стороны крупных субъектов предпринимательства и т. п. Важно отметить, что малые предприятия значительно вовлечены в государственные проекты. Так, в Японии доля малых предприятий, выполняющих правительственные заказы, составляет 45 %, а в заказах общественных организаций страны — 32 %.

Последнее проявляется в том, что на долю малых и средних предприятий в Японии приходится около 55 % реализованной промышленной продукции, около 60 % — оптовой торговли и более 80 % — розничной. В обрабатывающей промышленности из 6 500 000 предприятий 99 % составляют малые. На малых и средних предприятиях занято 39 500 000 человек, или 80,6 % всей рабочей силы Японии [3, с. 226].

4. Защита конкурентной среды путем ограничения монополистических

тенденций и доступа крупных фирм на рынок.

5. Денежно-кредитное регулирование, в том числе гибкое варьирование учетной ставки, особенно во время кризисов в экономике.

Характеризуя основные элементы системы государственного регулирования предпринимательства, можно утверждать, что целевой функцией прогнозирования, планирования и программирования социально-экономического развития страны является обоснованное предвидение направлений развития страны, отдельных отраслей экономики, возможного состояния экономики и социальной сферы в будущем, а также альтернативных путей и сроков достижения параметров экономического и социального развития.

Второй элемент системы государственного регулирования предпринимательства — антимонопольно-конкурентная политика, направленная на предотвращение монопольной деятельности, на ее ограничение и прекращение, на развитие цивилизованных конкурентных отношений между субъектами. Антимонопольная политика государства включает в себя два основных направления: демополизацию и регулирование деятельности монополий. Конкурентная политика направлена же на создание и защиту конкурентной среды.

Налоговая и инвестиционная политика как элемент системы государственного регулирования предпринимательства представляют собой деятельность государства, направленную на создание условий для функционирования предпринимательства путем использования налоговых рычагов, средств денежно-кредитного и финансового регулирования для стимулирования или сдерживания развития национального производства. Инновационная политика и стимулирование НИОКР направлена на развитие и распространение фундаментальных и прикладных научных исследований, совершенствование инфраструктуры отраслей экономики и отдельных регионов [9].

Механизм создания и распространения нововведений имеет три общие составляющие, характерные почти для всех стран: систему государственной поддержки фундаментальных и поисковых исследований; различные формы и источники финансирования и не прямое стимулирование исследований и поддержку малого инновационного предпринимательства.

Взаимодействие указанных элементов обеспечивает качественный уровень взаимоотношений между государством и предпринимательским сектором. Так, система прогнозирования, планирования и программирования определенным образом корректирует рыночные процессы, направляет деятельность субъектов рынка в сферы, определенные государством как приоритетные, ускоряя или тормозя те или иные тенденции развития экономики.

Антимонопольно-конкурентная политика сдерживает монопольные тенденции в экономике, способствует формированию нормальных конкурентных отношений между субъектами хозяйствования, создавая определенные стимулы или барьеры в отношении их деятельности. Инновационная политика и стимулирование НИОКР способствует активизации инновационного потенциала страны, создает базу для обеспечения конкурентоспособности продукции.

Таким образом, именно эти элементы системы государственного регулирования предпринимательства соответствуют указанным критериям, поскольку в целом обеспечивают создание благоприятных условий предпринимательской деятельности в соответствии с определенными государством целями и в запрограммированных объемах — поддерживают конкурентоспособность крупного предпринимательства и воспроизводство малого и среднего бизнеса. И наконец, развитие и взаимодействие указанных элементов системы государственного регулирования предпринимательства обеспечит последовательное движение самой системы на пути достижения основного вектора развития — содействия развитию предпринимательства для обеспечения устойчивого роста.

Стоит отметить, что система государственного регулирования предпринимательства в экономике ДНР имеет определенные особенности, обусловленные становлением отношений между государством и предпринимательским сектором.

Государственное регулирование, проявляется, в первую очередь, в процессе перераспределения ВВП, которое должно соответствовать требованиям эффективной трансформации экономики, обеспечивая ее конкурентоспособность путем создания равных условий для развития бизнеса. В таких условиях налоги выполняют не только фискальную и регулирующую функции, но и функции мотивации и стимулирования развития предприятий. Таким образом, налоговая политика должна основываться на экономически оправданной методологической основе, что позволит обеспечить гармоничные отношения с налогоплательщиками. Так как налоговое законодательство ДНР находится на стадии формирования, принято Временное положение о налоговой системе ДНР с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.12.2015 г., а также 25.12.2015 г. вступил в силу Закон «О налоговой системе». Поэтому современное налоговое регулирование требует глубокого исследования отношений, возникающих между государством и субъектами хозяйствования по поводу уплаты налоговых платежей в бюджет [7].

Также стоит обратить внимание на формирование в обществе понятия налоговой культуры, то есть осознания предпринимателями необходимости уплаты налогов в государственный бюджет. В значительной степени отсутствие налоговой культуры связано с неравенством условий деятельности в стране,

опытом взаимодействия с налоговыми органами как с чисто фискальными и карательными, а не консультационными и административными, неэффективностью и непрозрачностью использования средств бюджета. При таких условиях на результативность налогообложения в значительной степени влияет качество деятельности органов власти в стране, наличие политической культуры и стабильности как основы доверия к государственному аппарату и формам обеспечения его деятельности.

Эффективность внесения изменений в систему налогообложения предприятий мотивирует предпринимательскую деятельность, что непосредственно отражается на количестве предприятий, действующих в экономике, а следовательно, на численности работников, вовлеченных в него, формирующих платежеспособный спрос на товары и услуги, осуществляют сбережения, уменьшают расходы государства на обеспечение незащищенных слоев населения, то есть положительное влияние на развитие экономики государства.

Прибыльно действующее предприятие может направлять свои средства на благотворительную деятельность, развитие социальной инфраструктуры региона, формировать частные пенсионные фонды, осуществлять экологические инициативы, то есть налог на прибыль предприятий достигает социального эффекта для страны, а следовательно, обладает социальным потенциалом.

Таким образом, краткий обзор опыта государственного регулирования предпринимательства в странах ЕС, США и Японии показывает, что действительно в этих странах существуют различия в роли государства в экономике, однако в основном они проявляются не в степени государственного регулирования, а в средствах, которые используются для его осуществления. Вместе с тем нельзя не заметить одинаковых тенденций развития взаимоотношений между государством и предпринимательским сектором. Все это позволяет осуществить обобщение и считать, что основными элементами системы государственного регулирования предпринимательства являются:

- прогнозирование, планирование и программирование социально-экономического развития, которые заключаются в определении стратегических направлений действий для всех участников экономического процесса, в том числе и субъектов предпринимательства;
- антимонопольно-конкурентная политика, которая является условием поддержки предпринимательского сектора и развития цивилизованных конкурентных отношений между его субъектами;
- налоговая и инвестиционная политика, которая стимулирует и поддерживает развитие вообще, а значит и предпринимательство в частности;
- инновационная политика и стимулирование НИОКР, способствует повышению эффективности производства и конкурентоспособности всей

економіки.

Таким образом, использование зарубежного опыта государственного регулирования предпринимательства с помощью налоговой политики в Донецкой народной республике необходимо осуществлять с учетом особенностей становления молодого государства. В качестве дальнейшего направления исследования целесообразно изучить опыт, проблемы и пути их решения налогового регулирования во вновь образованных государствах на постсоветском пространстве.

Список литературы

1. Комарницький І. М. Організаційно-економічні механізми розвитку підприємництва: Монографія / І. М. Комарницький. — Ужгород: Вид-во «Патент» 2000. — 224. — С. 43.
2. Захарченко В. І. Зарубіжний і вітчизняний досвід державного регулювання економіки для сучасної України / за ред. В. І. Захарченко. — Одеса: Видавничий центр студія «Нігоціант», 2005. — 128 с.
3. Лех Г. А. Світовий досвід розвитку підприємств малого бізнесу / Науковий вісник НЛТ України: Збірник науково-технічних праць. — 2011. — Вип. 21.15. — С. 224–229.
4. Самойлова И. А. Особенности становления и развития предпринимательства в условиях трансформационной экономики: дис. кандидата экон. наук: 08.01.01. / И. А. Самойлова. — Х. 2001. — 196 с.
5. Жаліло Я. А. Регулювання ринкової економіки: сучасний досвід розвинених країн / Я. А. Жаліло. — К.: НІСД 1996. — 86 с.
6. Мельник А. Ф. Державне регулювання економіки перехідного періоду (світовий досвід і проблеми України) / А. Ф. Мельник — Тернопіль: Збруч 1995. - 181 с.
7. О налоговой системе [Электронный ресурс]: Закон ДНР от 25.12.2015 г. URL: <http://dnrsovet.su/zakon-o-nalogovoj-sisteme-donetskoj-parodnoj-respubliki> (дата обращения: 25.05.2016).
8. Кашуба Я. М. Японський феномен розвитку приватного бізнесу: монографія / Я. М. Кашуба. — Л.: Астролябія, 2009. — 272 с.
9. Біла І. С. Світовий досвід державного регулювання / І. С. Біла // Проблеми економіки. — 2014. — № 1. — С. 26-30.

The article deals with the international practice of motivation regulation of business function. Tax legislation is the most important element. Tax regulation experience of such countries as the UK, France, Germany, the USA and Japan, has been analyzed.

Keywords: *taxation legislation, motivation of business function.*

УДК 342.93

Сиренко Б. Н.
кандидат юридических наук

Государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»,
г. Донецк
e-mail: sirenkobogdan@mail.ru

**РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ
«АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» В ПРОЦЕССЕ
ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ-ПРАВООХРАНИТЕЛЕЙ**

Получена 30 мая 2016; принята 15 июня 2016.

Sirenko B. N.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: sirenkobogdan@mail.ru

**ROLE AND IMPORTANCE DISCIPLINE "ADMINISTRATIVE
RESPONSIBILITY" IN TRAINING-LAW ENFORCEMENT OFFICERS**

Received 30 May 2016; accepted 15 June 2016.

В статье рассматривается проблема обеспечения правоохранительной системы Донецкой Народной Республики квалифицированными специалистами, способными на высоком профессиональном уровне выполнять возложенные на них обязанности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в период становления и развития молодого государства.

Особое внимание автор уделяет роли и месту кафедры административного права и административной деятельности Донбасской юридической академии ДНР в образовательном процессе получения студентами профессионально необходимых знаний с последующим формированием у последних практически значимых умений и навыков для надлежащего проведения оперативно-служебной деятельности.

Для достижения указанной цели в статье обосновываются и формулируются задачи по обеспечению улучшения качества восприятия и усвоения готовящимися специалистами информации, впоследствии способствующей высокоэффективной реализации последними

правоохранительных мероприятий и предлагаются пути их разрешения.

Ключевые слова: административная ответственность, оперативно-служебная деятельность, профессиональная подготовка, эмоционально-психологическая подготовка, охрана общественного порядка, общественная безопасность.

Введение. Общетеоретическая часть. В условиях становления и развития демократического правового общества на пространствах Донецкой Народной Республики особую актуальность и значимость приобретает вопрос высокого уровня и надлежащего качества профессиональной деятельности правоохранительных органов молодого государства по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности граждан на его территории.

Следует отметить, что непредсказуемое развитие событий на «мировой арене» наряду с попытками Украины всевозможными способами, преимущественно противозаконными, восстановить свою «домайдановскую» территориальную целостность требуют от руководства МВД ДНР и его структурных подразделений на местах взвешенного и рассудительного подхода к разрешению вопроса профессиональной подготовки их личного состава.

Особенности же выполняемых правоохранителями задач логически обосновывают постепенное внедрение в их повседневную деятельность последовательных и планомерных шагов по поднятию на качественно новый уровень выучки, профессионализма и мастерства как готовящихся правоохранителей, так и действующих сотрудников «силовых» структур на различных этапах оперативно-служебной деятельности.

Вместе с тем необходимо указать, что весомое место в этом процессе занимает система ведомственных учебных заведений Республики, научно-педагогический и административно-командный состав которых создают условия и прикладывают существенные усилия для обеспечения отечественной правоохранительной системы теоретически образованными и практически подготовленными специалистами, способными в кратчайший срок адаптироваться к условиям службы в ДНР и на высокопрофессиональном уровне выполнять возложенные на них обязательства.

Научная разработанность проблемы.

Различные аспекты указанного вопроса в своих научных трудах отобразили ряд ученых стран ближнего зарубежья, в частности: Н. В. Андреев, А. В. Дончук, С. Ф. Зыбин, Р. А. Калюжный, С. В. Кивалов, А. Т. Комзюк, И. Г. Кириченко, М. В. Корниенко, С. С. Козлов, Л. М. Кононенко, А. В. Кудрявцев, С. О. Кузниченко, А. Н. Лебедев, М. Г. Логачов, В. Д. Малков, А. П. Назаретян, О. М. Столяренко и другие.

Вместе с тем по состоянию на текущий момент проблема профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов ДНР практически не исследовалась.

Целью настоящей статьи является попытка аргументировано обосновать место, роль и значение кафедры административного права и административной деятельности Донбасской юридической академии в процессе получения студентами профессионально необходимых знаний с последующим формированием у них практических умений и навыков для дальнейшей службы в органах государственной власти ДНР.

Для достижения указанной цели в статье формулируются и разрешаются задачи, заключающиеся в раскрытии взаимосвязи между особенностями первоначального планирования, структурного построения и проведения учебных занятий, в частности, по дисциплине «Административная ответственность», и высокой степенью психолого-практической готовности выпускников ДЮА к профессиональной деятельности в правоохранительных структурах молодого государства.

Результаты и их обсуждение. В русле рассматриваемого вопроса следует отметить, что сотрудникам кафедры административного права и административной деятельности ДЮА ДНР присуще, как неотъемлемый структурный элемент их научно-педагогической и творческой деятельности, регулярное применение как инновационных, так и весьма устоявшихся, проверенных временем и практикой, засвидетельствовавших свою эффективность ряд форм, методов и способов взаимодействия и профессионального сотрудничества со студенческой аудиторией, при этом тесно их объединяя с элементами оперативно-служебной деятельности «силовых» структур ДНР.

Такой подход при изучении, в частности, учебной дисциплины «Административная ответственность», на наш взгляд, существенно повышает степень восприятия и усвоения студентами специальных знаний, способствует формированию у них профессиональных умений и приобретению необходимых навыков для надлежащего выполнения оперативно-служебной деятельности.

Следует отметить, что первоочередные задачи «Административной ответственности» как учебной дисциплины состоят в усвоении студентами знаний относительно:

- принципов, категорий и положений административной ответственности;
- изучения и усвоения процессуальных положений административной ответственности;
- общих положений, нормативно-правовых актов, регламентирующих ответственность за административные правонарушения в различных сферах государственного управления;

- обучения юридически обоснованному применению норм административного и административно-процессуального законодательства по конкретным юридическим фактам и др.

Также следует указать, что процесс подготовки студентов 1-го курса, в частности, факультета подготовки кадров для таможенной и налоговой служб осложнен фактором отсутствия у значительного количества учащихся способности к быстрой морально-психологической адаптации во внешкольных условиях обучения и режима, что существенно влияет на степень осознанного восприятия и запоминания ими профессиональной информации.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно утверждать, что значение учебной дисциплины «Административная ответственность» для студентов заключается именно в приобретении последними перечня определенных и обоснованных практикой знаний, умений, навыков, среди которых можно выделить:

- аргументированная точка зрения по проблемным вопросам административной ответственности в ДНР;

- всесторонняя профессиональная и морально-психологическая готовность к дальнейшей деятельности в правоохранительных и других государственных структурах ДНР;

- быстрое ориентирование в осложнившейся оперативной обстановке и незамедлительный поиск эффективного и одновременно законного пути по скорейшему ее разрешению;

- принятие действенного, правомерного и логически обоснованного решения о способах и последовательности тактических действий при реализации мероприятий оперативно-служебной деятельности.

Таким образом, при проведении учебных занятий со студенческой аудиторией основное внимание следует сосредотачивать непосредственно на профессионально-практической их направленности, а именно на тщательном и детальном анализе чрезвычайных обстоятельств с участием правоохранителей с последующей проработкой вероятных алгоритмов тактических действий при возникновении внештатных ситуаций во время несения службы.

Далее считаем целесообразным уделить более детальное внимание особенностям структурного построения и проведения отдельных элементов учебных занятий в пределах изучения дисциплины «Административная ответственность».

Лекционное занятие.

Для более полного и четкого восприятия студентами профессионально значимой информации на первоначальных этапах обучения целесообразно применять лекционную форму занятий с обязательным использованием технических средств обучения, в частности мультимедийного проектора для воспроизводства слайдов в программе Power Point и демонстрации

видеосюжетов из практической деятельности правоохранительных структур по отдельно взятой теме занятия. При этом важно отметить, что преподавателю не следует дублировать всю информацию со слайдов. В этом случае дополнительно акцентируется внимание аудитории на содержании, сути и значении высветленной на экран информации.

Кроме того, во время проведения такого занятия лектору следует находиться в аудитории среди студентов (если позволяют особенности голоса), с заранее распечатанными слайдами в руках. При этом роль его состоит в умелом руководстве психоэмоциональным настроением присутствующих, в способности поддерживать, корректировать и своевременно направлять в нужное русло мыслительный процесс обучающихся, периодически побуждая последних к мыслительному воспроизведению первоначальных знаний по основам деятельности правоохранительных структур ДНР, приобретенных как во время подготовки к вступительной кампании в учебное заведение, так и при изучении других профессионально ориентированных дисциплин.

Основная задача преподавателя при этом: исходя из информации на экране (слайде) путем постановки наводящих вопросов как отдельным студентам, так и группе в целом со следующего слайда (распечатаны при себе), подготовить творчески-познавательную атмосферу в аудитории, и лишь при условии, что присутствующие хотя бы частично на них ответили (процесс мышления сконцентрирован и скорректирован в нужном направлении, в т. ч. с помощью подсказок преподавателя) выкладывать на экран очередную «порцию» информации с ее последующим комментарием, с обязательной ссылкой на предварительно высказанные мнения студентов.

Такой подход предоставляет начинающим студентам возможность проверить качество уже полученных знаний, а также расширить мировоззрение информацией, сведениями, что значительно укрепляет уверенность студентов в собственных возможностях и содействует эффективности дальнейшего процесса формирования из них специалистов-правоохранителей, способных самоотверженно, профессионально и ответственно выполнять задачи по поддержанию общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в обществе.

При этом следует указать, что с целью исключения отвлечений преподавателя на подход к компьютеру для переключения на очередной слайд (вызывает кратковременную потерю визуально-психологического контакта с аудиторией), было бы целесообразно использовать для этой цели дистанционное устройство либо привлекать наиболее подготовленного студента.

Семинарское (практическое) занятие.

В современных условиях эффективность деятельности сотрудников органов государственной власти, в том числе и правоохранительных органов,

непосредственно зависит от степени и качества наличия у последних высоких нравственно-волевых и моральных качеств, а также от уровня сформированности профессиональных умений по своевременному принятию тактически обоснованных, целесообразных и одновременно законных решений как во время выполнения повседневной служебной деятельности, так и при возникновении внештатных ситуаций.

Принимая это во внимание, считаем целесообразным во время проведения семинарских (практических) занятий более детально останавливаться на тщательной проработке отдельных элементов несения службы, среди которых важное место занимает «проверка личных документов у подозрительного лица (лиц)».

Так, в процессе изучения профессионально ориентированных дисциплин студенты ДЮА имеют возможность в условиях, максимально близких к повседневным, а в перспективе и с использованием специализированной учебной аудитории, отрабатывать наиболее важные элементы служебной деятельности, в т. ч. по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в ДНР.

Здесь, по нашему мнению, углубленное внимание следует уделять анализу чрезвычайных ситуаций, имевших место при выполнении «силовиками» оперативно-служебной деятельности, вследствие чего погибли либо получили ранение правоохранители. Следует заметить, что в значительном их количестве наблюдается психоэмоциональная неуравновешенность, отсутствие уверенности в собственных силах и тактическая правовая безграмотность представителей силовых структур при разрешении подобных ситуаций, а также зачастую усматривается невозможность адекватно противостоять преступным проявлениям правонарушителей.

Вышеизложенное обуславливает необходимость четкого и доступного разъяснения студентам всей важности, а вместе с тем и сложности такой административно-предупредительной меры как «проверка документов у граждан (подозрительных лиц)», а, следовательно, с последующим концентрированием внимания обучающихся на основных элементах и правилах его проведения. При этом преподавателю следует обязательно приводить примеры из практической правоохранительной деятельности, когда вследствие тактических просчетов, халатности и пренебрежительного отношения к мерам личной безопасности при выполнении вышеупомянутого элемента служебной деятельности получали ранения либо гибли сотрудники «силовых» структур.

Важно также отметить, что для повышения качества восприятия с последующим усвоением учебного материала текст целесообразно подкреплять демонстрацией видеосюжета по теме занятия, концентрируя при этом внимание студентов на ошибках, просчетах и упущениях представителей власти, а также

на составлении возможных алгоритмов действий последних с целью упреждения подобного разворота события и последующей их проработкой.

При этом внимание в обязательном порядке акцентируется на том, что это лишь в комфортной учебной аудитории с известным «контингентом» (сокурсники) такая административно-предупредительная мера как «проверка документов» кажется весьма простым, элементарным и вполне выполнимым заданием, не требующим дополнительных приемов, навыков и внимания. Но на улице, особенно при неблагоприятных погодных условиях и недостаточной видимости, в присутствии посторонних лиц, в т. ч. агрессивно настроенных к «человеку в погонах», во время общения с гражданами с неадекватным поведением, которые своим внешним видом, жестами и речью вызывают обоснованное подозрение, или наоборот, «присыпают» бдительность представителей власти, события могут разворачиваться самым необычным образом, а в отдельных случаях — трагическим завершением. Помимо всего, зачастую подозрительные лица в резкой форме, в т. ч. с использованием оскорбительной лексики категорически отказываются предъявлять для проверки какие-либо документы.

Принимая во внимание вышеизложенное, студентам предлагается подобрать несколько обоснованных, вполне правдоподобных и легитимных оснований для проверки личных документов у граждан при различных обстоятельствах, обсудив и отработав при этом позиционные размещения и тактические перемещения правоохранителей, а также вероятные алгоритмы их действий в случае отказа подозреваемых выполнять это требование. При этом оставшиеся на местах студенты внимательно наблюдают за действиями своих коллег, фиксируют просчеты и ошибки для последующего их обсуждения, а также повторной проработки.

Особое внимание при этом необходимо уделять таким элементам как: заблаговременное распределение ролей (тот, кто проверяет, и тот, кто подстраховывает); позиционное размещение и переход во время попыток проверяемого поочередно достать документ из различных частей одежды либо из других мест (из пакета, сумки и т. п.); реагирование на наклоны, отходы, приседание, жесты, различные словесные выражения, иные отвлекающие внимание маневры, жестикуляции и выражения проверяемого лица, в т. ч. падение документа на землю, а также проведение этого действия одним полицейским.

В конце занятия следует обсудить вопросы тактической обоснованности и целесообразности смены позиций «силовики» во время принятия от проверяемого документов и с последующим их просмотром, постановки уточняющих вопросов, аргументирования оснований доставления (сопровождения) подозрительного лица в служебное либо иное помещение, а также алгоритмы действий патрульных в случае выхода ситуации из под

контроля (попытка бегства, физическое сопротивление, вмешательство со стороны посторонних лиц и т. п.).

Выводы. В результате проведенного исследования представляется возможным сделать следующие выводы.

1. Применение такой методики во время проведения учебных занятий предоставляет студентам возможность объединять теорию учебного процесса с его практической направленностью, а также закреплять приобретенные профессиональные знания, умения и навыки, осознавать их взаимосвязь, и, как закономерный результат всего этого — с высоким уровнем профессионализма и уверенности после окончания учебного заведения приступить к выполнению возложенных на органы государственной власти ДНР задач.

2. Существенному повышению уровня практической готовности студентов академии к последующей профессиональной деятельности по недопущению нарушений прав и свобод человека, поддержанию на надлежащем уровне состояния общественного порядка и общественной безопасности в обществе непосредственно будут содействовать:

- комплексное изучение и отработка с использованием инновационных технологий проблемного обучения отдельных элементов профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов;

- тщательное разбирательство и детальный анализ внештатных ситуаций в деятельности «силовых» структур ДНР с последующей их проработкой при участии представителей последних;

- обеспечение системного подхода к вопросу всестороннего усовершенствования методов профессиональной подготовки специалистов в правоохранительной сфере на основании межпредметных связей профессионально ориентированных дисциплин и т.п.

3. Вышеуказанное обуславливает дальнейший углубленный поиск новых, а также возобновление некогда забытых форм, методов и способов работы со студенческой аудиторией для улучшения качества их профессиональной подготовки к предстоящей деятельности во благо Донецкой Народной Республики.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 года.

2. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики № 9-1 от 02 июня 2014 года «О применении Законов на территории ДНР в переходной период».

3. Кодекс Украины об административных правонарушениях (редакция от 7 мая 2008). URL: <http://www.nau.kiev.ua/nau10/ukr/doc.php?uid=1012.2044.0>.

4. Дончук А. В. Подготовка, переподготовка и повышение квалификации в правоохранительных органах / А. В. Дончук. — М. : Дело, 1993. — 121 с.

5. Колпаков В. К. Административная ответственность (административно-деликтное право): учеб. пособ. / В. К. Колпаков. — К.: Юринком Интер, 2008. — 256 с.

6. Административная (полицейская) деятельность органов внутренних дел. Общая часть: Учебник. Издание второе / под общей редакцией В. В. Коваленка, Ю. И. Римаренка, В. И. Олефيرا. — К.: «Директ Лайн», 2012. — 816 с..

7. Административная деятельность органов внутренних дел: учебное пособие / В. В. Черней, С. Ф. Константинов, С. Г. Братель и др. / под общ. ред. Коваленко В.В. [5-е изд.]. — К.: ПП «Директ Лайн», 2014. — 408 с.

The article discusses the problem of the law enforcement system of the Donetsk People's Republic qualified specialists capable of professionally carry out their responsibilities for the protection of public order and public security in the period of formation and development of the young state.

Particular attention is paid to the role and place of the department of administrative law and administrative activities of the Donbass Academy of Law DPR in the educational process of obtaining the necessary professionally required knowledge students with the subsequent formation of the latter is practically important skills for the proper conduct of the operational activity.

To achieve this goal in the article the problem and formulated to ensure the improvement of the quality of perception and assimilation of information, training specialists, subsequently contributing to high-performance implementation of the latest law enforcement activities and the ways of their solution.

Keywords: administrative responsibility, operational performance, training, emotional and psychological preparation, protection of public order, public safety.

УДК 343.9.018

Степанов Ю. В.

кандидат юридических наук

Государственное образовательное

учреждение высшего

профессионального образования

«Донбасская юридическая академия»,

г. Донецк

e-mail: cvipnow@gmail.com

КРИМИНАЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ТЕОРИИ

Получена 16 мая 2016; принята 03 июня 2016.

Stepanov Y. V.

State educational establishment of higher

professional education «Donbass law

academy», Donetsk,

e-mail: cvipnow@gmail.com

CRIMINOLOGICAL ASPECTS PENITENTIARY THEORY

Received 16 May 2016; accepted 03 June 2016.

В настоящей статье исследовано развитие современных пенитенциарных теорий и концепций применительно к уголовному наказанию в виде лишения свободы, которые характеризуются широким диапазоном взглядов, что обусловлено абсолютным и относительным ростом уровня преступности, в том числе рецидивной, ростом числа заключенных, проблемами в пенитенциарной деятельности и собственными объективными противоречиями. Выделены отдельные негативные аспекты изоляции, затрудняющие достижение целей наказания. Определены направления минимизации ущерба для самих осужденных и общества.

Ключевые слова: *пенитенциарные теории, лишение свободы, изоляция, места лишения свободы, осужденный, криминогенное влияние.*

Постановка проблемы. Сегодня лишение свободы есть одним из наиболее суровых видов наказания, которое применяется за совершение преступлений повышенной общественной опасности и является одним из чаще всего применяемых видов наказания. И хотя за последние десятилетия прослеживается положительная и четкая тенденция к уменьшению его применения, однако оно все равно остается на первом месте по назначению. Наряду с этим данный вид наказания является довольно противоречивым и

вызывает ряд дискуссий относительно его применения и выполнения. В связи со значительными правоограничениями, которые входят в него, в частности принудительной изоляцией, оно является наиболее обсуждаемым видом наказания с полярно противоположной позицией ученых исследователей: от необходимости поддержания его суровости для целей обеспечения защиты общества от преступников до отказа от него, как меры, где негативные последствия значительно превышают его положительные результаты.

Состояние исследования. Проблемы сущности и содержания в местах лишения свободы, вопрос усовершенствования правового регулирования, его выполнение, повышение эффективности деятельности исправительных учреждений, истории организации и функционирования мест лишения свободы неоднократно были объектом научных исследований ведущих ученых по уголовному праву, криминологии, уголовно-исполнительному праву. Так, методологические основы применения лишения свободы как вида наказания разрабатывались такими учеными, как М. М. Гернет, С. В. Познишев, М. О. Стручков, Б. С. Утевский, Е. Г. Ширвиндт. Дальнейшее развитие концептуальных и прикладных аспектов лишения свободы получили свое продолжение в работах Ю. М. Антоняна, Л. В. Багрий-Шахматова, О. А. Беляева, М. О. Беляева, И. Г. Гальперина, С. И. Дементьева, М. Г. Деткова, В. О. Элеонская, О. И. Зубкова, М. П. Мелентьева, О. С. Михлина, О. Е. Наташева, О. Л. Ременсона, И. О. Сперанского, Ф. Р. Сундунова, Ю. М. Ткачевского, Г. А. Туманова, Г. Ф. Хохрякова, М. Д. Шаргородского, И. В. Шмарова и других. Однако количественно-качественная трансформация преступности последних лет и кризисное состояние системы исполнения наказаний, в частности пенитенциарных учреждений, обуславливают необходимость дальнейшего развития пенитенциарной парадигмы при выполнении наказания в виде лишения свободы.

Целью исследования является определение концептуальных принципов функционирования мест лишения свободы на основании зарубежных и отечественных криминологических и пенитенциарных теорий и практики исполнения наказания в виде лишения свободы.

Изложение основного материала. Процесс становления и развития института лишения свободы всегда сталкивался с дилеммой между необходимостью его применения к опасным преступникам для обеспечения безопасности общества и нейтрализацией негативных последствий принудительной изоляции лица. Решение такого разногласия осуществлялось путем поиска предпосылок, условий и критериев его эффективности с целью повышения результативности; поиска новых средств влияния и усовершенствования деятельности мест лишения свободы; анализа соотношения интересов общества и интересов личности при исполнении наказания в виде лишения свободы. Имеют место многочисленные дискуссии

относительно повышения оптимальности и эффективности лишения свободы, усовершенствования порядка и условий его исполнения в сторону гуманизации, увеличения применения альтернативных наказаний, соблюдение основоположных прав и свобод осужденных к лишению свободы и т. п.

В современной пенитенциарной теории выстраиваются несколько точек зрения на лишение свободы, как вида уголовного наказания, и процесс его исполнения, среди которых можно выделить, по крайней мере, три основных направления.

Во-первых: лишение свободы позиционируется как обязательный и основной вид уголовного наказания за совершение преступлений. Он считается наиболее действенным наказанием и необходимым для применения в отношении опасных преступников-рецидивистов и лиц, которые совершили тяжкие и особо тяжкие преступления. Приверженцы данной точки зрения обращают внимание на недостатки тюремной системы и отдельных ее элементов, поэтому предлагают усовершенствовать процесс его исполнения, сделать его более гуманным и направленным в поддержку и помощь заключенным, правильно определить психологические и педагогические методы обращения с заключенными. Места лишения свободы рассматриваются как исправительные учреждения, которые обеспечивают достойное содержание осужденных, соблюдение их основных прав и свобод, гуманное обращение с ними. Подготовленный для работы в местах лишения свободы квалифицированный персонал с помощью общественных институтов осуществляет относительно осужденных реабилитационные, адаптационные, ресоциализационные мероприятия.

Во-вторых, лишение свободы рассматривается как одно из наказаний, но его применение должно быть максимально уменьшено насколько это возможно без вреда для безопасности общества. Приверженцы данного подхода предлагают ограничить использование лишения свободы, особенно на продолжительные сроки, широко применять альтернативные наказания и краткосрочные (до 3 лет) лишения свободы, которая наблюдается в последний период во многих европейских странах. Предлагается применение разных альтернативных санкций и мероприятий с целью уменьшения тюремного населения.

В-третьих, высказывается мысль, что лишение свободы может быть применено лишь как исключительная мера. Приверженцы третьей точки зрения на основании анализа пенитенциарных проблем предлагают сохранить лишение свободы для ограниченного числа осужденных в связи с отменой смертной казни и введением пожизненного лишения свободы, а также найти новые альтернативные меры воздействия на лиц, которые совершили преступления, без помещения их в места лишения свободы.

В пределах этих основных направлений можно выделить отдельные подходы в зависимости от характера, содержания, вида альтернативных мер и наказаний, которые предлагаются; характера и содержания исправительных и психолого-педагогических мер в процессе лишения свободы и т. п., а также две полярных позиции — применение лишения свободы исключительно для защиты и безопасности общества от преступных посягательств и преступников и отказ от лишения свободы как вида уголовного наказания.

Часто лишение свободы рассматривается как неправильную, но необходимую государственную меру для сдерживания преступных проявлений. Французский философ Г. Фуко отмечал, что известны все недостатки тюрьмы, известно, что она опасна, если не напрасна, но существуют очевидные предпосылки ее использования [1, с. 339-340]. По его мнению, тюрьма - это инструмент, который государство использует, прежде всего, для предотвращения преступлений.

Можно остановиться на концепциях одностороннего выделения превентивных целей наказания. Так, концепция новой социальной защиты (Ф. Грамматика, М. Ансель) отстаивают принцип применения наказания согласно тяжести преступления, но главной задачей полагает ресоциализацию лица. Средства борьбы с преступностью рассматриваются как средства защиты общества, а не наказание индивида, поэтому предполагается нейтрализация правонарушителя или путем него изоляции от общества, или путем применения исправительных мер, сориентированных на ресоциализацию правонарушителя [2].

Однако в правовых дебатах последних лет все чаще встречается недовольство чрезмерным карательным законодательством для характеристики определенных (реальных или предполагаемых) тенденций в криминальном законодательстве, при назначении степени наказания и его выполнении. Преувеличенная потребность в пенализации или криминализации, чрезмерно суровые наказания, а также широкое распространение введения деликтов создания конкретной и абстрактной опасности обуславливает стирание граней между полицейским и уголовным правом, их преобразование на «право общественной безопасности» [3]. По мнению исследователей, тенденции в законодательстве и практике применения и выполнение наказаний представляют угрозу свободе общества. Так, Т. Матисен, исследуя тюремную систему, показал, что уровень рецидива относительно стабильный для каждой конкретной страны не снижается, что свидетельствует о неэффективности специальной превенции. Реформы и изменения в пенитенциарной системе, попытки сделать ее более либеральной, не привели к любым существенным результатам, а последние тенденции свидетельствуют о том, что тюрьма больше не может оставаться единым инструментом наказания в современном обществе [4].

Вместо того сохранение наказания — лишение свободы, как вида уголовного наказания аргументируется следующими аспектами: изоляция преступника от общества выступает реальным средством общей и специальной превенции; целью заключения является защита общества от преступных посягательств со стороны наиболее опасных преступников; имеет место высокий уровень рецидива преступлений; лишение свободы остается единственной карательной мерой для лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, и для лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления. Так, М. Д. Шаргородский отмечает, что лишение свободы изолирует виновного на определенный срок от общества и тем лишает общество от опасности совершения новых преступлений. Возвращаясь в общество через определенное время, такое лицо часто, даже если оно не исправилось, лишается возможности совершать новые преступления. Кроме того, лишение свободы дает возможность персонала непосредственно осуществлять на осужденного исправительное влияние [5, с. 85-86].

Расхождения точек зрения вызваны тем, что самой природе лишения свободы присущи противоречия, связанные с основным элементом его наказания — изоляцией осужденного от социальной среды, которая отрицательно влияет на процесс исправления и ресоциализации осужденных и, как отмечает профессор О. М. Джужа, не могут быть исправлены административными мерами. Имея перед собой задачу максимально приспособлять человека к жизни в обществе, его отделяют от этого же общества; желая заменить в сознании человека плохие представления и привычки на правильные, его помещают в среду, где опасность «заражения» негативными взглядами и чертами более вероятна; стараясь приучить человека к социально-полезному активному поведению, его держат в условиях суровой регламентации. Государство не способно решить это противоречие, поскольку само в определенной мере создает данные проблемы [6, с. 126]. Аналогичную позицию высказывают и другие ученые. Так, С.И. Курганов считает лишение свободы как наказание с педагогической точки зрения внутренне противоречивым. Желая исправить осужденного, его помещают в педагогически неблагоприятную среду преступников. Ставя цель превратить осужденного в полноценного члена общества, его подвергают физической и социальной изоляции с постоянным контролем и жесткой регламентацией всех сфер жизнедеятельности, которая вырабатывает у него стереотип поведения, который характеризуется отсутствием инициативы и самостоятельности, которые полезны в условиях лишения свободы, но не в обычной жизни [7, с. 96].

Изоляция объективно приводит не только к ограничениям в общении и перемещении осужденного, а и к помещению его в среду преступников. Осужденные выделяются из общества и помещаются на достаточно

продолжительное время в концентрированную криминальную среду, где они ощущают на себе её влияние и должны приспосабливаться к криминальной субкультуре или закрепляют свои ориентации, если они не противоречат последней, совершенствуют свои привычки. И нужно согласиться с утверждением В. Батиргаревой, что этот контингент лиц создает специфическую атмосферу, которая диктует определенную модель отношений между людьми, отличную от тех, которые призваны обеспечить нормальную жизнедеятельность и развитие общества [10, с. 63]. А, учитывая тенденции значительного увеличения рецидивной преступности за последние годы, криминологические характеристики осужденных в местах лишения свободы будут ухудшаться и в дальнейшем.

Данная модель отношений воспринимается как «атрибут», неотъемлемая часть или норма жизни в колонии наравне с правилами режима и внутреннего распорядка и законными требованиями администрации. Если принять во внимание, что лишение свободы назначается за совершение более тяжких преступлений людям, личность которых является достаточно криминогенной, то часть осужденных, которые оказались в учреждении исполнения наказаний, более-менее являются готовыми к восприятию такой модели отношений.

О негативном влиянии на осужденного криминогенной среды в местах лишения свободы детально писал еще М. М. Гернет, который говорил, что тюрьмы не исправляют преступников, а осуществляют на них, наоборот, самое деморализующее влияние, чем и объясняется постоянный рост рецидива преступлений [11]. Д. Клеммер в 1940 г. ввел термин «призонизация», как приспособление лишенных свободы на продолжительное время к подкультуре заключенных, для обозначения истинных результатов изоляции, отличных от «воспитательного» и «реабилитационного» влияния. Заключенные ассимилируются в своеобразную «тюремную культуру», которая делает их еще меньше пригодными, чем раньше, к жизни за пределами тюремных стен и еще меньше способными следовать правилам и обычаям «нормальной» жизни [12]. И. Гоффман считал, что тюрьма, как и любой другой тотальный институт, нивелирует собственную личность, ее цели, планы и положительную адаптацию в среде осужденных, чем образует новые субкультурные образцы тюремной жизни [13, с. 319]. По мнению Я. И. Гилинского, тюрьма служит местом повышения криминальной квалификации и профессионализации, а лишение свободы — неэффективная степень наказания с многочисленными негативными побочными следствиями [14, с. 72].

Еще одним негативным аспектом изоляции является специфическое влияние лишения свободы как психотравмирующего фактора для личности осужденного. И. Гоффман показал негативные стороны продолжительного пребывания в «закрытых обществах», к которым принадлежат места лишения свободы, и утверждает, что тотальные институты своим существованием,

своими повседневными практиками и нормами направленные, в первую очередь, на подавление личности [13, с. 314]. По мнению В. Ф. Пирожкова, который исследовал проблемы социальной изоляции и ее влияния на личность, образа и методы профилактики и коррекции разных видов девиантного поведения, присущий местам социальной изоляции, продолжительное нахождение лица в местах лишения свободы приводит к необратимым изменениям в ее психике [15].

Ф. Р. Сундуров и ряд других ученых усматривали предпосылки таких изменений в ограничении возможности общения осужденных с внешним миром и внутри учреждения. Поскольку общение выступает одним из основных условий нормального функционирования психики человека и его жизнь в обществе [8, с. 26] заключенный ограничен в возможности избирать местожительство, круг общения, характер и род занятий, определять свой образ жизни, распоряжаться своим временем. При этом срок лишения свободы есть таким же важным показателем изоляции. Очевидно, что при увеличении срока лишения свободы повышается его карательный эффект [8, с. 33].

Под влиянием одиночной или групповой изоляции происходит закономерная трансформация психики человека. Исследования, в которых применялись личностные методики, показали, что через 3-6 лет пребывания людей в условиях групповой изоляции в личном профиле начинают преобладать психопатические и шизоидные проявления личности и склонность к повышенному настроению, отмечаются неадекватность этической ориентации принятым нормам, импульсивность, склонность к конфликтам, независимо от обстановки и т. п. [16, с. 12]. Но указанные психическое и психологическое изменения в личности заключенного не являются единственными. Можно говорить и о морально-психологических преобразованиях личности, обусловленных, по мнению Ф. Р. Сундунова, трудными условиями отбытия лишения свободы, неоправданно продолжительными сроками, которые могут привести к надлому личности, породить бесперспективность, равнодушие к своей судьбе, обессилить, «разоружить» ее психологически, тем самым отдалить желательные изменения в поведении и личности осужденного в целом [8, с. 38-39]. Именно поэтому некоторые авторы обращают особое внимание на наличие так называемого «остаточного криминогенного эффекта» наказания, то, что лишение свободы угрожает криминогенными следствиями, что продолжительная изоляция существенным образом ослабляет или даже разрушает адаптационные механизмы, ведет к патологическим изменениям личности осужденного, которые требуют специального психологического или психиатрического вмешательства [17, с. 258—259].

Понимая негативные социально-психологические следствия лишения свободы, ученые пенитенциаристы обращали особое внимание на необходимость их нейтрализации уже в процессе отбытия наказания.

Наказание, пишет О. Л. Ременсон, одновременно выступает и как добро, и как вынужденное зло, поскольку представляет собой ограничение определенных общественных и соответствующих общественным личным объективных ценностей [18, с. 9]. Аналогичную точку зрения высказывает Ф. Р. Сундуков, который отмечает, что лишение свободы объективно связано с вредом всему обществу, поскольку осужденный исключается из сферы известного круга общественного отношения. Это ограничение может быть оправданным лишь тогда, когда лишение свободы в конкретном случае является единой приемлемой криминально-правовой мерой [8, с. 62]. С ними соглашается большинство современных отечественных и зарубежных ученых.

В последнее время относительно сферы исполнения наказания все чаще стали обращаться термину «пенитенциарная политика», в основу которого была положена так называемая пенитенциарная идея, которая основана на гуманистических позициях, признание человека наивысшей ценностью, ориентации на социализацию, воспитание и перевоспитание личности через ее раскаяние и гуманное, хорошее, чуткое, толерантное отношение квалифицированного персонала. Приверженцы этой идеи считают, что именно она отвечает интересам цивилизации, общепризнанным человеческим ценностям и общественной безопасности.

Исследование пенитенциарной практики в зарубежных странах выявляют ряд общих тенденций и стратегий к изменениям. С 90-х годов прошлого столетия в большинстве стран мира наблюдается рост количества заключенных как в абсолютных показателях, так и из расчета на 100 тыс. населения [19]. Мировая криминология объясняет это как результат «моральной паники» [20], страха перед преступностью, по мере роста которого возрастает и репрессивное сознание населения и репрессивность государства, полиции, криминальной юстиции [21], как результат новой категоризации преступности, которую связывают с появлением новых типов социального поведения, которые трактуются государством как уголовные [4]. В местах лишения свободы содержатся 51-52 % [22] осужденных, которые отбывают лишение свободы неоднократно, что указывает в совокупности с другими обстоятельствами и на дефекты деятельности по выполнению наказания в виде лишения свободы и постпенитенциарного периода. Места лишения свободы или теряют важные элементы своей деятельности, которые отрицательно влияют на ее результативность, или они в такой организационно-структурной форме не отвечают современным криминологическим тенденциям.

Многочисленные исследования лишения свободы как наказания привели к формированию новых подходов относительно необходимости и эффективности его применения, сроков и порядка его исполнения, условий содержания заключенных, их работа и обучение, общение их внешним миром. Заключенных стали рассматривать в совокупности с их семьями, социальными

группами, социоэкономическим происхождением и жизненными перспективами [23]. Места лишения свободы становятся не только учреждениями, которые выполняют судебные решения, а начинают выполнять роль «социальной клиники для общества» [24, с. 14-15] с задачами ресоциализации лиц, которые там содержатся. Так, возникшая точка зрения, принятая сейчас в большинстве стран Западной Европы заключается в следующем: заключение приносит вред отдельному лицу, семье и обществу; положительных результатов немного; расходы на строительство тюрем, содержание зданий, персонала учреждений, на охрану заключенных большие. Однако отказаться от такого вида наказания сегодня нельзя, соглашается большинство научных работников и практиков, даже те, кто предлагает его вообще отменить. Указывают на два пути решения проблемы: в существующую форму заключения вложить качественно новое гуманистическое содержание, или оставить такой вид наказания для опаснейших категорий преступников, преимущественно за тяжелые и особенно тяжелые насильнические преступления.

Существующие проблемы лишения свободы и его места в пенитенциарной политике решаются по двум основными направлениями. Во-первых, уменьшение вреда от пребывания в тюрьме, в первую очередь для самого заключенного, а также для членов его семьи. Поэтому заключенным помогают поддерживать связи с семьей, приобретать полезные профессии и учат отдавать предпочтение общепринятым ценностям. Во-вторых, минимизация тюремного заключения, как путем увеличения назначения альтернативных лишению свободы наказаний и мер, так и уменьшение сроков лишения свободы и применение гибкой системы досрочных освобождений из мест лишения свободы. Приоритетными для сокращения тюремного населения провозглашены меры, не связанные с лишением свободы наказания, в особенности применение амнистий во исполнение международных норм «мягкого» права — Рекомендации Rec (99) 22 комитета Министров Совета Европы относительно тюремного переполнения и уменьшения тюремного населения, Рекомендации Rec (2000) 22 относительно улучшения выполнения Европейских правил по общественным санкциям и мерам (параграф 65), Рекомендации Rec (2003) 22 относительно условного освобождения (*parole*).

Среди положительных сдвигов, которые состоялись на протяжении последних лет в сфере исполнения уголовных наказаний, можно отметить уменьшение количества лиц в местах лишения свободы, увеличение открытости деятельности уголовно-исполнительной службы, повышение уровня взаимодействия органов и учреждений исполнения наказаний и общественных организаций, а также уменьшение ограничений правового статуса осужденных, расширение контактов с внешним миром и т. п.

Таким образом, современные пенитенциарные концепции направляют практиков на минимизацию лишения как относительно применения, так и относительно сроков назначения, расширение альтернативных наказаний, а также изменение характера лишения свободы из преимущественно карательного на реабилитационный.

Анализируя изменения в уголовно-исполнительном законодательстве и принятые на государственном уровне концепции и программы в сфере исполнения наказаний, можно утверждать, что на сегодня сформированная государственная доктрина лишения свободы как уголовного наказания со стремлением к гуманизации, демократизации данного процесса, расширение прав и свобод осужденных и повышение квалификации пенитенциарного персонала. Неэффективность наказаний, не связанных с лишением свободы, служат причиной распространенности практики предоставления судами преимущества наказаниям в виде лишения свободы.

Нуждаются в исследовании криминологические функции отдельных компонентов системы исправления и ресоциализации в местах лишения свободы. Особое внимание нужно уделить контактам осужденных с внешним миром.

Список литературы

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко / пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. — М.: Ad Marginem, 1999. — 479 с.
2. Ансель М. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике) / под ред. и с вступ. ст. А. А. Пионтковского; пер. с фр. Н. С. Лапшиной = La defense sociale nouvelle (un mouvement de politique criminelle humaniste) / М. Ancel. — М.: Прогресс, 1970. — 312 с.
3. Хильгендорф Эрик. Пунитивное законодательство и уголовно-правовая доктрина. Скептические замечания к некоторым руководящим терминам современной теории уголовного права / Эрик Хильгендорф / пер. с нем. А. Пауль / Вопросы российского и международного права. — 2012. — № 1. — С. 11-141.
4. Mathiesen Thomas. Prison on Trial / Mathiesen Thomas / [3rd ed.] Winchester: Waterside Press, 2006. — 212 p.
5. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность / М. Д. Шаргородский. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. — 160 с.
6. Кримінально-виконавче право України: (Загальна та Особлива частини) : навч. посіб. / О. М. Джужа, С. Я. Фаренюк, В. О. Корчинський та ін.; за заг. ред. О. М. Джужи. 2-ге вид., перероб. та допов. — К.: Юрінком Інтер, 2002. — 448 с.
7. Курганов С. И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты / С. И. Курганов. — М.: ТК

Велби, Изд-во Проспект, 2008. — 192 с.

8. Сундуров Ф. Р. Лишение свободы и социально-психологические предпосылки его эффективности / Ф. Р. Сундуров / науч. ред.: Б. С. Волков. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. — 216 с.

9. Загальна характеристика Державної пенітенціарної служби України (станом на 1 травня 2016 року). [Електронний ресурс]. URL: <http://www.kvs.gov.ua/peniten/control/main/uk/publish/article/628075>.

10. Батиргареева В. Особенности детерминации рецидивной злочинности / В. Батиргареева // Право України, — 2005. — № 2. — С. 62-66.

11. Гернет М. Н. Социальные факторы преступности / М. Н. Гернет. — М.: Унив. тип., 1905. — 215 с.; Гернет М. Н. Избранное. / М. Н. Гернет. — М.: ЗАО Юстицинформ, 2005. — 208 с.

12. Clemmer Donald. The Prison Community / Clemmer Donald New York: Holt, Rinehart and Winston, 1940.

13. Goffman E. The characteristics of total institutions / E. Goffman // A sociological reader on complex organizations / Edited by A. Etzioni, E. Lehman. — The 3-rd edition. — Holt, Rinehart and Winston, 1980. — 559 p.

14. Гишинский Я. И. Кризис системы уголовных наказаний / Я. И. Гишинский // Социологические исследования, 1993. — № 8. — С. 70-73; см. также Гишинский Я. И. Субкультура за решеткой / Я. И. Гишинский // Сов. этнография, 1990. — № 2. — С. 100-103.

15. Пирожков В. Ф. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного / В. Ф. Пирожков // Вопросы борьбы с преступностью. — М. : Юрид. лит., 1981. — № 35. — С. 40-51.

16. Ковалев О. Г. Криминологические и психологические проблемы дезадаптации женщин молодежного возраста, отбывших наказание в виде лишения свободы: учебное пособие / О. Г. Ковалев, О. А. Малышева. — М.: «Права человека», 2001. — 100 с.

17. Ковалев О. Г. Преступления осужденных: причины и предупреждение. Основные проблемы пенитенциарной криминологии / О. Г. Ковалев, О. А. Малышева / отв. ред.: А. Б. Сахаров. — Ереван: Айастан, 1988. — 280 с.

18. Ременсон А. Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных: автореф. дис. на соиск. учен. степени д.ю.н. / А. Л. Ременсон. — Томск: ТГУ, 1965. — 24 с.

19. World Prison Population List (eighth edition) Roy Walmsley December 2008 / International Centre for Prison Studies [Электронный ресурс]. URL: www.prisonstudies.org.

20. Cohen Stanley. Folk Devils and Moral Panics / Cohen Stanley [3rd edition]. — Лондон : Routledge. — December 30, 2002. — 200 p.

21. Гишинский Я. И. Наказание: криминологический подход /

Я. И. Гилинский // Отечественные Записки. — 2008. — Т. 41. — №. — С. 73-89.

22. ЗВІТ про кількість УВП, наявність, рух та склад засуджених в Державному департаменті України з питань виконання покарань [Електронний ресурс]. URL:

<http://www.kvs.gov.ua/punish/control/uk/publish/article?artjd=59085&catjd=45806>.

23. Стан та структура злочинності в Україні [Електронний ресурс]. URL: <http://mvs.gov.ua/mvs/control/main/uk/publish/article/233004/>.

24. Вивьен Стерн /Vivien Stern/ Западная традиция тюремного заключения [пер. с англ. К. Старосельской] // Альманах Неволя 7\8 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.index.org.ru/others/199stern.html>.

25. Радов Г. Персонал и взаимодействие тюрьмы и общества / Г. Радов // Тюрма и общество [Материалы семинара для персонала учреждений по исполнению наказаний Донецкой области] / «Донецкий Мемориал» / сост. А. Букалов. — Донецк, 2000. — С. 14-15.

The article investigates the development of modern penal theories and concepts regarding criminal punishment of imprisonment, which are characterized by a wide range of views, due to the absolute and relative increase of crime level, including recidivism, increase the number of imprisoned, problems in penal activity and of its own objective contradictions. Emphasized certain negative aspects of isolation, which make the objectives of punishment complicated. Identified ways to minimize harm to the prisoners themselves and society.

Keywords: *penal theory, imprisonment, isolation, places of imprisonment, condemned, criminogenic effects.*

УДК 343.98

Стройкова О. М.
аспирант

Государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»,
г. Донецк
e-mail: moiseev.alex@i.ua

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ САООПРЕДЕЛИВШЕГОСЯ
ГОСУДАРСТВА**

Получена 17 мая 2016; принята 08 июня 2016.

Stroykova O. M.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: moiseev.alex@i.ua

**THE CRIMINALISTICS TECHNOLOGY IN CRIME INVESTIGATION
UNDER THE CONDITIONS OF THE SELF-DECLARED STATE**

Received 17 May 2016; accepted 08 June 2016.

Рассмотрены криминалистические технологии как средства оптимизации расследования преступлений в условиях самоопределившегося государства. Сформулированы критерии оптимизации взаимодействия следователя с судебным экспертом, судом, другими процессуальными субъектами, входящие в методическое обеспечение следственной деятельности, производимой в обстановке вооруженного конфликта.

***Ключевые слова:** самоопределившееся государство, криминалистика, расследование преступлений, критерий эффективности, криминалистические технологии.*

Криминогенная ситуация в самопровозглашенной Донецкой Народной Республике свидетельствует о существовании негативных тенденций относительно современной вооруженности и технической оснащенности преступников, объединения их в организованные группы и преступные

организации. Значительные трудности расследования подобных преступлений вызваны условиями вооруженного конфликта, сложившимися на нашей территории [1]. Однако современный уровень развития криминалистики не соответствует условиям документирования преступлений международного характера на территории самоопределившегося государства. Поэтому крайне актуален поиск новых криминалистических технологий, с учетом необходимости проведения расследования в условиях непризнанного государства.

Цель статьи формулируем как обоснование технологического подхода к расследованию преступлений в условиях непризнанного государства. Использован теоретический метод, привлечены данные проведенного нами анализа текущей практики документирования военных преступлений, совершаемых на территории Донецкой Народной Республики.

В условиях самоопределившегося государства актуализируется проблема достоверности получаемой доказательственной информации. Для обозначения самоопределившихся государственных образований в науке международного права используют понятие «непризнанные государства». Они, как правило, обладают такими признаками государственности, как: наличие наименования (принимаемого как официальное), атрибутов (государственных символов), населения, контроля над территорией, системы управления (включая органы власти, судебную систему, вооруженные силы) и правовую систему (закрепленную конституцией и другими нормативными документами). Но вместе с тем такие государства не приобрели официального дипломатического признания со стороны стран-членов ООН, а их территория, как правило, признается некоторыми другими государствами как находящаяся под юрисдикцией других стран. Поэтому для обеспечения достоверности расследования преступлений, подпадающих под юрисдикцию международных судебных инстанций, применяют общественный контроль за процедурой сбора доказательств о событиях указанного характера [2].

На современном этапе в криминалистику активно внедряется технологический подход. В научной литературе обсуждаются проблемы применения компьютерных, информационных, цифровых и других, в том числе и судебно-экспертных технологий в практике расследования преступлений. Генезис понятия технологии в современной правоохранительной деятельности активно исследует А. М. Моисеев [3]. В криминалистике технологии развиваются в связи с необходимостью «за счет детализации и рационализации формализовать познавательную, конструктивную, коммуникативную и удостоверительную деятельность следователя» [4]. В этом прослеживается направленность технологий на оптимизацию следственной деятельности.

Современные представления о технологиях в криминалистике обобщает А. В. Шмонин. Авторы связывают технологии проведения расследования с его

алгоритмизацией и программированием. Проводят анализ различных взглядов на технологии в криминалистике, выделяют функциональный характер процедур и методов организации следственной деятельности, а также средств, приемов и способов, операций, описания, инструкций, входящих в технологии [5]. Как считает Н. П. Яблоков, процессы выявления и исследования доказательственной информации при расследовании преступлений требуют применения технико-технологического подхода [6]. В. Ю. Шепитько подчеркивает, что оптимизация расследования означает экономию процессуальных ресурсов, а также сокращения сроков проведения отдельных следственных действий и сроков досудебного расследования [7]. Из этой позиции можно сделать вывод, что технологии применяются для управления ресурсами, имеющимися в распоряжении следователя, с целью обеспечения эффективности его работы.

Различного рода технологии активно внедряются в следственную, оперативно-розыскную, другие виды правоохранительной деятельности [8]. В первую очередь, они связаны с информацией, технологичность обработки которой определяется ее значительным, даже планетарным, объемом [9], точностью и достоверностью отображения юридических фактов [10]. Регистрационная функция информационных технологий считается одной из основных в раскрытии преступлений [11]. В. Я. Колдин и О. А. Крестовников отмечают, что преимущество информационных технологий состоит в привлечении более широкого объема информации для принятия криминалистических решений, в сравнении с информацией, которая имеет только уголовно-правовое значение [12]. Организационно-технические средства, реализуемые информационными технологиями, представляют собой комплексы, включающие информационный фонд и процедуры управленческие, обновления, информационного поиска и завершающей обработки, создающие условия для накопления, сбережения, корректирования и представления информации [13]. Таким образом, важной чертой технологий в криминалистической практике является их управленческий характер: информационные технологии становятся средствами управления информационными ресурсами, с помощью компьютерной техники, с целью оптимизации их применения, с учетом человеческого фактора [14] и других факторов, влияющих на качество расследования преступлений.

В научной литературе обсуждается деятельностный подход к пониманию понятия криминалистических технологий. При этом деятельность рассматривается как система взаимосвязанных действий, находящихся в четком порядке. Технологии представляют собой упорядоченную совокупность действий, в структуру которых входят отдельные рабочие операции, ситуационно обусловленные [15]. То есть, технологии отображают реализацию деятельности, соответственно сложившейся ситуации. Управленческое

значение и процедурный характер технологий принимаем за их существенный признак. Иными словами, криминалистические технологии применяются для управления ресурсами, имеющимися в наличии в следователя, для обеспечения эффективности его работы в конкретных условиях.

Современное развитие судебной экспертизы большинством ученых также связывается с технологиями компьютерными и информационными [16]. Авторы подчеркивают, что на современном этапе развитие экспертных технологий связано с внедрением в следственную практику методов математики и кибернетики. Компьютеризация открывает перспективы развития криминалистики и судебной экспертизы, возможности для создания автоматизированного рабочего места эксперта-криминалиста. К тому же, применение информационных сетей направлено на усовершенствование деятельности судебно-экспертных учреждений, за счет создания условий для работы комиссий экспертов в форме телекоммуникационной конференции [17]. Таким образом, технологизация — закономерный процесс, направленный на повышение результативности следственно-судебной деятельности.

Что касается технологий в криминалистике и судебной экспертизе, то существуют различные взгляды на содержание понятия экспертных технологий. Так, М. Г. Щербаковский расширяет понятие таких технологий на следственную и оперативно-розыскную деятельность [18]. В соответствии с представлениями автора, в систему криминалистической технологии входят познавательные и организационные операции, а также следственные, судебные, оперативно-розыскные и другие приемы и способы разрешения следственных ситуаций. По нашему мнению, такое понимание технологий следует считать правильным, поскольку нужно принять целесообразным включение элементов оперативно-розыскной и судебно-экспертной работы в криминалистические технологии. Автор расширяет круг субъектов криминалистических технологий, включив в него следователя, суд, других процессуальных субъектов. Мы поддерживаем автора в определении цели применения технологий — получение доказательственной информации по делу, поскольку такое относится к деятельности следователя, суда, оперативно-розыскных подразделений.

Эффективность криминалистической деятельности достигается путем оптимального применения имеющихся в распоряжении следователя ресурсов, из которых основными можно назвать материальные, технические и финансовые, трудовые, интеллектуальные, нормативно-правовые, то есть криминалистические технологии предназначены для приспособления следственной работы к реальным условиям, сложившимся в процессе расследования на данный момент.

В рамках следственной (судебной) действуют критерии рациональности, эффективности, достоверности, полноты исследования и другие. К ним можно добавить критерий экономности использования научно-технического

оборудования и критерий целесообразности привлечения специалистов. Критерий эффективности управления расследованием можно сформулировать как четкость и определенность подчинения участников следственно-оперативной группы заданию текущего этапа расследования; распределение функций между ними, а также минимизация времени на проведение расследования.

Свойства криминалистических технологий определены их юридической природой, управленческим содержанием и кадровым обеспечением проведения расследования. В структуре криминалистических технологий можно выделить элементы организационного, кадрового, научно-методического и материально-технического обеспечения работы по решению определенной задачи, стоящей перед следователем. Принимая такой подход, признаком криминалистических технологий можно назвать их принадлежность в следственной (а также судебной) деятельности, в отличие от технологий в других сферах социальной практики. Такая принадлежность означает их применение в следственной работе, урегулированной соответствующей нормативно-правовой базой и выполняемой следователем (прокурором, судом), а также обеспечивается другими участниками расследования (например, руководителем следственного подразделения, оперативным составом следственно-оперативной группы). Таким образом, признак принадлежности к производству расследования отражает юридические, управленческие, субъектные свойства криминалистических технологий, а также специфику задач, для решения которых их применяют. Такие технологии также характеризуются признаком системности как отображения наличия их собственной структуры и их места в структуре средств следственной, а также судебной деятельности.

Криминалистические технологии позволяют учитывать конкретные условия и ситуации, т. е. адаптировать к ним действия следователя. Таким образом, адаптивность становится признаком криминалистических технологий, который отображает их оптимизирующую роль в ходе расследования преступления (к слову, на это обращал внимание Р. С. Белкин, подчеркивая, что технология представляет собой совокупность правил, приемов и способов наиболее рациональной и эффективной организации производства расследования [19]).

Таким образом, криминалистические технологии предназначены для объединения деятельности следователя, суда (судьи), судебного эксперта и других процессуальных субъектов. Считаем необходимым ввести в содержание криминалистических технологий критерий оптимизации взаимодействия следователя с судебным экспертом, а также и судом, другими участниками судопроизводства. Криминалистические технологии представляют собой сложные структуры в науке криминалистике. В условиях обстановки

вооруженного конфликта они становятся элементом методического обеспечения различных направлений следственной деятельности.

Список литературы

1. Жигулин А. М., Моисеев А. М. Документирование военных преступлений: криминалистический аспект // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского / Юридические науки. 2015. — Т. 1(67). — № 3. — С. 70-78.
2. Моисеев А. М. Общественный субъект в международном судопроизводстве / А. М. Моисеев // Культура в фокусе научных парадигм : материалы IV Международной научно-практической конференции (Донецк 6-7 апреля 2016 г.). — Донецк: ДонНУ, 2016. — Вып. 4, — 312 с. — С. 155-156.
3. Моїсєєв О. М. Експертні технології: теорія формування і практика застосування: монографія / О. М. Моїсєєв. — Х.: Вид. агенція «Апостіль», 2011. — 424 с.
4. Журавель В. А. Проблеми формалізації слідчої діяльності / В. А. Журавель // Реформування судових і правоохоронних органів України: проблеми та перспективи: матеріали наук.-практ. конф., 14 травня 2010 р. — Х.: Одисей, 2010. — С. 354-357.
5. Шмонин А. В. Методология криминалистической методики: монография. — М.: Юрлитинформ, 2010. — С. 354.
6. Яблоков Н. П., Головин А. Ю. Криминалистика: Природа и система. — М.: Юрист, 2005. — С. 25.
7. Шепітько В. Ю. Техніко-криміналістичне забезпечення органів досудового слідства та якості слідчої діяльності / В. Ю. Шепітько // Теоретичні основи забезпечення якості кримінального законодавства та правозастосовчої діяльності у сфері боротьби зі злочинністю в Україні: матеріали наук. конф. (15 травня 2009 р.). — Х.: Право, 2009. — С. 36.
8. Бирюков В. В. Научные и практические основы использования компьютерных технологий для фиксации криминалистически значимой информации: монографія / В. В. Бирюков. — Луганск: РИО ЛАВД, 2002. — 264 с.
9. Гуславский В. С. Информационные технологии в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Луганской области / В. С. Гуславский. — Луганск: РИО ЛАВД, 2002. — С. 79.
10. Денісова О. О. Інформаційні системи і технології в юридичній діяльності / О. О. Денісова. — К.: КНЕУ, 2003. — С. 305.
11. Усманов Р. А. Информационные основы предварительного расследования: монографія / Р. А. Усманов. — М.: Юрлитинформ, 2006. — 208 с.
12. Криминалистика: информационные технологии доказывания: учебник для вузов / под ред. В. Я. Колдина. — М.: Зерцало-М, 2007. — С. 90.

13. Криницкий Н. А., Миронов Г. Д. Фролов Г. Д. Автоматизированные информационные системы. — М.: Наука, 1982. — С. 26.
14. Гохберг Г. С., Зафиевский А. В., Короткин А. А. Информационные технологии. — М.: Академия, 2007. — С. 6.
15. Коновалова В. О., Шепитько В. Ю. Юридична психологія : підручник / В. О. Коновалова, В. Ю. Шепитько. — Х.: Право, 2008. — С. 33.
16. Моисеев А. М. Следовая картина преступления и ее экспертное исследование / А. М. Моисеев // Другі Таврійські юридичні наукові читання: матеріали міжнародної науково-практичної конференції (Сімферополь, 7-8 листопада 2014 року). — Сімферополь: Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського, 2014. — С. 108-113.
17. Моїсєєв О. М. Взаємодія експертів при проведенні комісійних експертиз / О. М. Моїсєєв // Правничий часопис Донецького університету. — Донецьк, 2009. — № 1 (21)-2(22). — С. 151-156.
18. Щербаковский М. Г. Содержание, свойства и функции экспертных технологий / М. Г. Щербаковский // Сучасні судово-експертні технології в уголовном и цивільному судопроизводстве : матеріали міжнародної науково-практичної конференції (м. Харків, 14-15 березня 2003 р.). — Х.: Вид-во Нац. ун-та внутр. справ, 2003. — С. 16-21.
19. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. — М.: Мегатрон XXI, 2000. — С. 261.

The criminalistics technologies as means of optimization of crime investigation under the conditions of the self-declared state have been considered. The optimization criteria of the interaction between the crime investigator and forensic expert, court and others, which are included in the methodological support of the investigative activities, made in the environment of the armed conflict.

Keywords: *self-declared state, criminalistics, crime investigation, efficiency criterion, criminalistics technologies.*

УДК 342.72/.73

Финкина А. П.
аспирант

Государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»,
г. Донецк
e-mail: any4170@yandex.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПАЦИЕНТОВ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ

Получена 20 мая 2016; принята 16 июня 2016.

Finkina A. P.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: any4170@yandex.ru

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF ENSURING OF PATIENTS' RIGHTS AT THE INTERNATIONAL LEVEL

Received 20 May 2016; accepted 16 June 2016.

В статье в хронологической последовательности проанализированы международно-правовые акты и акты европейских государств, которые содержат нормы о правах пациента. Дана характеристика ключевым актам, оказавшим наибольшее влияние на становление национальных законодательств европейских государств в области прав пациента.

Ключевые слова: права пациента, Всемирная организация здравоохранения, международно-правовой акт.

Признание, обеспечение и защита неотъемлемых и естественных прав человека, в том числе, права на жизнь, охрану здоровья, обеспечение своевременной, качественной и безопасной медицинской помощи является обязанностью со стороны общества и государства. Именно на основе этой позиции основываются нормы действующего международного права. Современный перечень прав пациентов является результатом длительного исторического становления принципов и стандартов, которые стали нормой современного общества.

К середине XX в. в международном законодательстве отсутствовали нормы о правах человека в сфере охраны здоровья и права пациента. Необходимость их закрепления на законодательном уровне стала очевидной после Второй мировой войны, которая заставила народы мира и Европы, в частности, по-новому взглянуть на общественные ценности, политические, социальные и экономические проблемы.

Анализ отдельных вопросов обеспечения прав пациентов осуществляли следующие ученые: Е. В. Антонова, В. О. Галай, В. В. Глуховский, Е. П. Жилиева, Г. Р. Колоколов, Г. Я. Лопатенков, И. М. Паращич, О. М. Пищита, А. А. Рерихт, И. Я. Сенюта, З. С. Скалецкая, С. Г. Стеценко, Р. О. Стефанчук и др.

Целью данной работы является выявление особенностей правового регулирования прав пациентов на международном уровне и уровне Европейского Союза.

Исторический процесс формирования международной концепции прав пациентов начался с середины XX в. До этого отношения между медицинскими работниками и пациентами определялись, в основном, правилами медицинской этики. Первыми документами, которые способствовали созданию системы защиты прав пациентов, можно считать «Рекомендации по правилам оказания медицинской помощи», принятые Международной организацией труда в 1944 году [1], и Нюрнбергский кодекс, изданный в форме информационного протокола Международного военного трибунала «Суд над врачами» в 1946 году [2].

Важную роль в утверждении прав и свобод человека сыграла Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 1948 году в Париже. Преамбула этого документа утверждает веру в основные права человека, достоинство и ценность человеческой личности. Всеобщая декларация впервые закрепила право человека на охрану здоровья. В частности, ст. 25 установила, что каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение в случае безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам. Права пациента в этом документе прямо не закреплены. Однако опосредованно прав пациента касается ст. 3, которая определяет право каждого человека на жизнь, и ст. 5, где говорится о запрете пыток и бесчеловечного обращения [3].

Всеобщая декларация прав человека положила начало признанию на международном уровне таких ценностей как достоинство человека, его жизнь и здоровье, и таким образом способствовала появлению целого ряда правовых документов международного уровня, которые конкретизировали и развивали те

или иные ее положения. Так, 04.11.1950 г. была принята Европейская конвенция о правах и основных свободах граждан, 11.11.1953 г. — Европейская конвенция о социальной и медицинской помощи, 18.10.1961 г. — Европейская социальная хартия, 16.04.1964 г. — Европейский кодекс социального обеспечения, 16.12.1966 г. — Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Эти международные акты, по мнению В. В. Глуховского, по праву можно считать фундаментом, на котором в дальнейшем начала формироваться концепция прав пациентов [4, с. 5].

Всеобщая декларация прав человека закрепила право человека на здоровье и надлежащее медицинское обслуживание, Европейская социальная хартия провозгласила право каждого человека, в том числе и тех, кто не располагает достаточным количеством средств, на медицинскую помощь [5]. Именно эти два документа создали нормативную базу для дальнейшего развития прав пациентов во всем мире и, в частности, Европе.

Причинами формирования концепции прав пациентов стали существенные изменения как в области здравоохранения европейских государств, так и в отношении к ней потребителей медицинских услуг — пациентов. Среди конкретных факторов, способствовавших принятию международных актов о правах пациентов Е. П. Жилева выделяет следующие:

- рост сложных медицинских вмешательств, которые часто влекут за собой не только новые блага, но и известный риск для здоровья;
- чрезмерная специализация и бюрократия медицины, при которой больной человек практически перестает существовать для врача как целостная личность;
- непомерная и постоянно растущая дороговизна медицинской помощи и недостаточность ассигнований для ее финансирования [6, с. 40].

Кроме того, существенно возросла информированность населения по вопросам права и здравоохранения. Успехи в медицине способствовали появлению повышенных ожиданий и требований пациентов к качеству медицинской помощи. Назрела необходимость совершить следующие реальные шаги для утверждения в области здравоохранения социальной справедливости и других гуманных ценностей.

Так, в 1963 году на 27-й Всемирной медицинской ассамблеи в Нью-Йорке, были сформулированы 12 принципов оказания медицинской помощи в любой национальной системе здравоохранения, которые впоследствии были дополнены на 35-й Всемирной медицинской ассамблеи в Венеции, 1983 г. [7]. Принципы декларировали необходимость обеспечить современный уровень медицинской помощи при полной свободе выбора, как для врача, так и для пациента.

Начиная со второй половины 1970-х гг. принят ряд международно-правовых документов о правах пациентов. В частности, Хартия о правах больничных пациентов, разработанная Комитетом Европейского экономического сообщества (1979 г.), Рекомендации Комитета Министров Совета Европы в отношении пациентов как активных участников своего собственного лечения (1980 г.), Всеобщая декларация ООН, ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека (1997 г.), Рекомендации Комитета Министров Совета Европы по контролю за безопасностью пациентов и предупреждению нежелательных эффектов в области здравоохранения (2004 г.) и др.

Рассмотрим те документы, которые оказали наибольшее влияние на обеспечение прав пациентов в Европе.

В Рекомендациях Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 779 (1976 г.) в отношении прав больного и умирающего впервые акцентируется внимание на том, что право на медицинскую помощь тесно связано с такими основными правами, как право на достоинство и право на неприкосновенность, осуществление которых в здравоохранении порождает определенные проблемы в связи с прогрессом медицинской науки. В Рекомендациях особое внимание обращается на то, что обязанностью медицинских работников является обслуживание людей, защита их здоровья, лечение болезней и их последствий, уменьшение страданий, исходя из уважения к человеческой жизни в целом и жизни каждого отдельного человека в частности. Однако поддержание жизни само по себе не является исключительной целью оказания медицинской помощи. Вместе с тем врачи не имеют права даже в наиболее безнадежных случаях преднамеренно ускорять естественный процесс наступления смерти [8].

Приоритет интересов отдельного человека над интересами общества и науки провозглашает Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с использованием достижений биологии и медицины (Конвенция о правах человека и биомедицине), принятая Советом Европы 04.04.1997 г. в Овьедо. Конвенция о правах человека и биомедицине является наиболее действенным сегодня международно-правовым актом по проблемам медицинских исследований с участием людей, который отражает современное европейское понимание этико-правовых стандартов по защите прав и достоинства личности пациента, связанных с внедрением новых биомедицинских технологий [9, с. 60].

Конвенция провозглашает ряд основных принципов прав пациента, базирующихся на преамбуле о «необходимости уважать человека как отдельную личность и как члена человеческого сообщества и признавая важность обеспечения его достоинства». Конвенция обязательна для исполнения государствами, которые ее ратифицировали.

Основные положения:

- равноправный доступ к медицинской помощи (ст. 3);

- добровольное и информированное согласие лица на любое вмешательство (раздел II, ст. 5-9);
- право на частную жизнь и право на информацию (раздел III, ст. 10).

Статья 5 этой Конвенции устанавливает общее правило информированного согласия на медицинское вмешательство, согласно которому любое вмешательство в сферу здоровья может осуществляться только после добровольного и сознательного согласия на него соответствующего лица. Такому лицу заранее предоставляется информация о цели и характере вмешательства, а также о его последствиях и рисках. Лицо в любое время может беспрепятственно отозвать свое согласие [10].

Значение законодательного регулирования прав пациентов, правовых механизмов своевременного, точного и последовательного соблюдения этих прав обуславливается особым психофизиологическим состоянием, зависимостью больного человека от врача, которому он доверяет свое здоровье. Необходимость особой правовой охраны интересов пациента зафиксирована в ряде деклараций и конвенций, принятых международными общественными организациями врачей и пациентов. К международным организациям, которые непосредственно призваны разрабатывать стандарты в сфере здравоохранения, в первую очередь относится Всемирная организация здравоохранения и Всемирная медицинская ассоциация [11, с. 31].

Эти и другие международные организации приняли ряд документов, посвященных правам пациентов, среди них: Алма-Атинская декларация ВОЗ по первичной медико-санитарной помощи (1978 г.), Люблинская хартия ВОЗ по реформированию здравоохранения в Европе (1996 г.), Токийская декларация Всемирной медицинской ассоциации «Основные врачебные принципы относительно пыток и других видов жестокого, негуманного или унижительного обращения или наказания в случае задержания и заключения» (1975 г.), Лиссабонская декларация Всемирной медицинской ассоциации по правам пациента (1981 г.), Декларация Всемирной медицинской ассоциации по эвтаназии (1987 г.), Декларация Всемирной медицинской ассоциации о трансплантации человеческих органов (1987 г.). Эти акты не носят обязательного характера, однако оказывают значительное влияние на становление внутреннего законодательства стран Европы в сфере здравоохранения.

В Алма-Атинской декларации ВОЗ по первичной медико-санитарной помощи еще раз подтверждено, что здоровье является состоянием полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней или физических дефектов, и составляет одно из фундаментальных прав человека. В декларации отмечается важность первичной медико-санитарной помощи [12].

Люблинская хартия по реформированию здравоохранения в Европе, принятая ВОЗ, содержит ряд фундаментальных принципов, направленных на то, чтобы «здравоохранение, прежде всего, способствовало укреплению здоровья и улучшению качества жизни людей». В частности, рекомендуется, чтобы системы здравоохранения были ориентированы на человека, и чтобы пациенты принимали участие в деятельности по улучшению медицинского обслуживания [4, с. 7].

В Лиссабонской декларации о правах пациента освещаются вопросы права на свободный выбор врача при получении медицинской помощи, конфиденциальность, право пользоваться духовной и моральной поддержкой, право на информацию и информированное согласие. В преамбуле данной декларации говорится: «За последние годы отношения между врачами, пациентами и широкой общественностью претерпели значительные изменения. Хотя врач должен действовать в интересах пациента согласно своей совести, необходимы соответствующие гарантии автономии и справедливого отношения к пациенту».

Эта декларация утверждает основные права, которые с точки зрения медицинского сообщества, должен иметь каждый пациент. Врачи и другие лица или учреждения, которые участвуют в оказании медицинской помощи, несут солидарную ответственность за признание и поддержку указанных прав. Если в любой стране положения законодательства или действия правительства препятствуют реализации перечисленных прав, врачи должны стремиться всеми возможными средствами восстановить их, а также обеспечить их соблюдение [13].

Декларация о медицинской помощи опубликована Международным альянсом организаций пациентов в рамках деятельности Альянса по отстаиванию прав пациентов на международном уровне и усилению роли пациентов в определении соответствующих аспектов политики в сфере здравоохранения для того, чтобы влиять на международные, региональные и национальные программы и политику в этой области.

В документе провозглашено пять принципов:

1) Выбор и расширение возможностей. Пациенты имеют право и обязанность, по мере своих способностей и предпочтений, участвовать в качестве партнеров в принятии решений, касающихся здравоохранения, и таких, которые влияют на их жизнь. Для этого необходима система медицинского обслуживания, которая реагирует на потребности пациентов и обеспечивает адекватный выбор вариантов лечения заболеваний, который соответствует этим требованиям, а также поощрение и поддержка пациентов и лиц, оказывающих помощь пациентам, для достижения как можно более высокого качества жизни. Организации пациентов должны иметь возможность

играть ведущую роль в поддержке пациентов и их семей для осуществления их права на информированный выбор медицинского вмешательства.

2) Уважение. Пациенты и лица, оказывающие им медицинскую помощь, пользуются фундаментальным правом на охрану здоровья, которое ориентировано на пациентов и является таким, что гарантирует их уникальные потребности, предпочтения и ценности, а также их самостоятельность и независимость.

3) Участие пациентов в формировании политики в сфере здравоохранения. Пациенты и организации пациентов должны иметь возможность взять на себя часть ответственности за формирование политики в сфере здравоохранения через реальное и поощряемое участие на всех уровнях и на всех этапах принятия решений, чтобы в таких решениях во главу угла были поставлены интересы пациента. Они не должны ограничиваться политикой в сфере здравоохранения, а должны включать в себя, например, социальную политику, которая в итоге повлияет на жизнь пациентов.

4) Информирование. Достоверная, своевременная и полная информация необходима для того, чтобы пациенты и лица, оказывающие медицинскую помощь, могли принимать информированные решения о лечении и о том, как жить с этим заболеванием. Информацию необходимо предоставлять в доступной форме в соответствии с принципами медицинской деонтологии и с учетом состояния здоровья, языка, возраста, интеллекта, способностей и культуры пациента.

5) Доступность и поддержка. Пациентам должна быть доступной необходимая медицинская помощь, под которой понимаются безопасные, качественные и адекватные услуги, виды лечения, профилактики и медицинское просвещение. Необходимо обеспечить всем пациентам доступность услуг независимо от их состояния и социально-экономического статуса. Чтобы пациент мог достичь максимально доступного качества жизни, медицинское обслуживание должно удовлетворять эмоциональные требования пациентов и учитывать немедицинские факторы, среди которых образование, занятость и семейные проблемы, которые влияют на выбор пациентом медицинских услуг и на организацию таких услуг [14].

Джакартская декларация о ведущей роли укрепления здоровья в XXI веке является итоговым документом Четвертой международной конференции по вопросам здравоохранения. В ней указан ряд приоритетов в области здравоохранения в XXI в., включая социальную ответственность, увеличение объема инвестиций, обеспечение стабильной инфраструктуры и расширение возможностей каждого отстаивать свои права и интересы.

Европейские региональные стандарты по обеспечению прав пациентов также включают Европейскую конвенцию о защите прав человека и основополагающих свобод, как основной региональный документ по правам

человека, ратифицированный всеми государствами-членами Совета Европы и Европейского Союза. Органом, обеспечивающим выполнение Конвенции, является Европейский суд по правам человека, решения которого обязательны для государств и часто предусматривают имущественную компенсацию жертвам нарушений прав.

К актуальным для защиты прав пациента положениям относятся такие:

статья 2 — право на жизнь;

статья 3 — запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения;

статья 8 — право на уважение частной и семейной жизни;

статья 14 — запрет дискриминации [15].

Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 26.11.1987 г. в статье 1 предусматривает создание Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, который, регулярно посещая места лишения свободы, ведет мониторинг соблюдения Конвенции. В остальных положениях Конвенции говорится о составе Комитета и методах его работы.

Также к Европейским региональным стандартам относятся:

1) Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств от 01.02.1995 г. — обязательный для исполнения международный документ, который гарантирует одинаковое отношение ко всем этническим и другим меньшинствам. Для защиты прав пациентов может быть использовано следующее положение: статья 4 — принятие надлежащих мер с целью достижения во всех сферах экономической, социальной, политической и культурной жизни полного и настоящей равенства между лицами, принадлежащими к национальному меньшинству, и лицами, принадлежащими к большинству населения, с учетом конкретного положения лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам.

2) Рекомендация № К (2000) 5 Комитета министров СЕ государствам-участникам о развитии форм участия граждан и пациентов в процессе принятия решений, влияющих на медицинское обслуживание, хотя не является обязательной, но имеет политическое и моральное значение. Она привлекает внимание к необходимости обеспечить всем возможность активного участия в принятии решений в условиях все более разнообразного и мультикультурного общества, в котором некоторым группам, например, этническим меньшинствам, часто грозит маргинализация [4, с. 9].

3) Европейская социальная хартия (пересмотренная) от 03.05.1996 г. — основной региональный документ по экономическим и социальным правам, мониторинг выполнения которого осуществляет Европейский комитет по

социальным правам с помощью системы периодических отчетов государств, а также механизма коллективных жалоб.

Несмотря на общий характер многих положений и прогрессивно-либеральный подход Европейского комитета по социальным правам к их толкованию, при отстаивании прав пациента можно сослаться на ряд статей хартии, даже если государство не взяло на себя обязательств по предоставлению тех или иных конкретных гарантий в области здравоохранения.

К актуальным для защиты прав пациента положениям Европейской социальной хартии относятся:

- Статья 11 — право на охрану здоровья;
- Статья 13 — право на социальную и медицинскую помощь;
- Статья 14 — право пользоваться услугами социальных служб;
- Статья 15 — право инвалидов на независимость, социальную интеграцию и участие в общественной жизни;
- Статья 16 — право семьи на социальную, правовую и экономическую защиту;
- Статья 17 — право детей и подростков на социальную, правовую и экономическую защиту;
- Статья 19 — право трудящихся-мигрантов и их семей на защиту и помощь;
- Статья 23 — право пожилых людей на социальную защиту.

Европейский комитет по социальным правам постановил, что провозглашенные хартией права в области здравоохранения неразрывно связаны с соответствующими гарантиями Конвенции о защите прав человека и основных свобод, поскольку «человеческое достоинство является фундаментальной ценностью и лежит в основе всех позитивных положений европейского законодательства о правах человека, а здравоохранение — предпосылка для соблюдения человеческого достоинства» [5].

Среди документов международных общественных организаций по правам пациентов наиболее важное значение имеют Декларация о политике в области обеспечения прав пациента в Европе и Европейская хартия прав пациентов. Они, по мнению В. В. Глуховского, внесли «значительный вклад в развитие законодательства и реформу системы здравоохранения стран Европейского Союза» [16, с. 6].

Декларация о политике в области обеспечения прав пациента в Европе была принята Европейским консультативным совещанием Всемирной организации здравоохранения по правам пациентов, проходившим в Амстердаме 28-30 марта 1994 г. В Декларации впервые были сформулированы принципы прав пациентов с целью оказания помощи странам, развивающим соответствующую политику в отношении прав пациентов, в основе которой

должно быть уважение к правам человека и человеческим ценностям. В систему этих принципов вошли следующие: уважение человеческого достоинства, самоопределение, физическая и психическая неприкосновенность и защита, уважение к конфиденциальности, уважение к моральным, культурным и религиозным ценностям, возможность защиты собственного здоровья в той мере, в которой это позволяют существующие меры профилактики и лечения болезни и возможность достижения наивысшего для себя уровня здоровья.

В рамках этого документа сделана попытка отразить и выразить надежды людей не только на улучшение доступной им медицинской помощи, но и на более полное признание их прав как пациентов. В то же время в документе учтена точка зрения не только пациентов, но и лиц, оказывающих медицинскую помощь. Это обуславливает такую природу прав и обязанностей, которые взаимно дополняют друг друга: пациенты несут ответственность как перед собой в заботе о своем здоровье, так и перед медицинскими работниками, а медицинские работники могут рассчитывать на такую же защиту прав, как и все другие люди. В основу этого документа положено предположение, что провозглашение прав пациента, в свою очередь, позволит людям в большей степени осознать свои обязанности при обращении за медицинской помощью, получения или оказания медицинской помощи, а взаимоотношения пациента и медицинского работника будут основываться на принципах взаимной поддержки и уважения [17].

Амстердамская декларация о политике в области обеспечения прав пациента в Европе стала собранием основных принципов, направленных на поддержание и осуществление прав пациентов. Этот международный документ фактически завершил оформление концепции прав пациентов, объяснил основные юридические понятия, касающиеся прав пациентов. С момента ее принятия большинство стран Европы направило свою политику в определенном им направлении и приступили к целенаправленному внедрению принципов прав пациентов в собственное законодательство [4, с. 8]. Амстердамская декларация о политике в области обеспечения прав пациента и сегодня составляет общеевропейскую схему действий и общую стратегию по соблюдению прав пациентов в Европейском Союзе.

Другим, не менее важным источником регулирования прав пациентов, является Европейская хартия прав пациентов, принятая на совещании ведущих национальных общественных организаций из Италии, Германии, Бельгии, Португалии, Испании, Греции, Ирландии, Дании, Нидерландов, Австрии, Великобритании. В 2002 году сеть общественных объединений Active Citizenship Network, состоящая из 16 крупнейших европейских организаций пациентов, подготовила и представила на рассмотрение Европарламента проект Европейской хартии прав пациентов, которая включает 14 неотъемлемых прав

граждан при получении медицинской помощи. Это событие стало частью движения гражданского общества по всей Европе за право пациентов играть более активную роль в формировании медицинской политики и процессе оказания медицинских услуг.

Причиной создания данного документа стало то, что, по мнению его авторов, национальные системы здравоохранения стран Европейского союза ставили под угрозу соблюдение прав пациентов, их родственников и, прежде всего, незащищенных групп населения. Целью Европейской хартии прав пациентов является усиление степени защищенности прав граждан, а также гармонизация национальных систем здравоохранения, несмотря на различия в обеспечении прав пациентов в разных странах Европейского союза. В данной Хартии по сравнению с Амстердамской декларацией 1994 появляются новые права, направленные на повышение уровня защиты прав пациентов.

На сегодняшний день Европейская хартия прав пациентов определяет оптимальный объем индивидуальных прав пациентов. Среди них:

- 1) право на профилактические мероприятия;
- 2) право на доступность медицинских услуг;
- 3) право на информацию, то есть право на получение любой информации о своем состоянии здоровья, о медицинских услугах и способах получения этих услуг;
- 4) право на согласие, то есть право на получение любой информации, которая позволит пациенту активно участвовать в принятии решений относительно своего здоровья;
- 5) право на свободу выбора между различными медицинскими процедурами и учреждениями (специалистами) на основе адекватной информации;
- 6) право на приватность и конфиденциальность личной информации;
- 7) право на уважение времени пациента;
- 8) право на соблюдение стандартов качества медицинской помощи;
- 9) право на безопасность;
- 10) право на инновации;
- 11) право на предупреждение по возможности страданий и боли;
- 12) право на индивидуальный подход к лечению;
- 13) право на обжалование;
- 14) право на компенсацию в случае причинения пациенту физического или морального и психологического вреда действиями медицинского учреждения [18].

Несмотря на то, что Европейская хартия прав пациентов носит рекомендательный характер, объединенные в мощную сеть организации по правам пациентов в Европе успешно пролоббировали признание и принятие прав, провозглашенных в Хартии, на внутренних законодательных уровнях.

Кроме того, этот документ служит ориентиром для мониторинга и оценки систем здравоохранения стран Европы.

Европейский Союз принял и собственный обязательный к исполнению документ по обеспечению прав человека — Хартию основных прав ЕС, которая была подписана в Ницце 7 ноября 2000 г. Хартия — первый в истории ЕС единый документ, который охватывает весь спектр гражданских, политических, экономических и социальных прав всех граждан и всех лиц, проживающих в ЕС.

18 июня 2004 г. Хартию инкорпорировано как вторую часть договора, которым введена Конституция для ЕС. После того, как страны отклонили проект Конституции ЕС, адаптированная версия Хартии была сохранена и провозглашена 12 декабря 2007 г. в Страсбурге перед подписанием Лиссабонского договора, который делает Хартию обязательной.

Пока не все последствия принятия Хартии для государств-членов ЕС еще понятны, но этот документ служит важным ориентиром даже для государств, не входящих в ЕС, особенно для тех, которые находятся в процессе присоединения.

Основное положение Хартии по правам пациентов закреплено в статье 35 — право на охрану здоровья как право доступа к профилактическому медицинскому обслуживанию и право пользоваться медицинской помощью в соответствии с условиями, установленными национальным законодательством и практикой с указанием на то, что ЕС должен гарантировать высокий уровень охраны здоровья человека.

Другие актуальные для пациентов положения в Хартии:

- Статья 1 — достоинство человека;
- Статья 2 — право на жизнь;
- Статья 3 — право на личную неприкосновенность;
- Статья 6 — право на безопасность;
- Статья 8 — защита сведений личного характера;
- Статья 21 — запрет дискриминации;
- Статья 24 — права ребенка;
- Статья 25 — права пожилых людей;
- Статья 34 — социальное обеспечение и социальная помощь;
- Статья 37 — охрана окружающей среды;
- Статья 38 — защита прав потребителя [19].

Девяностые годы XX и начало XXI века ознаменовались появлением ряда рекомендаций Комитета министров стран-членов Европейского Совета, которые помимо уже известных прав пациентов касались расширения полномочия граждан в принятии решений в области здравоохранения. В рекомендации R (86) 5 «Об универсальном доступе к медицинской помощи» Совет министров призвал государства обеспечить равный доступ к

медицинской помощи всем лицам, проживающим на их территории, и сделать необходимую помощь доступной в финансовом отношении [20]. Рекомендация R (98) 11 «Об организации медицинского обслуживания лиц, страдающих хроническими заболеваниями» поднимала вопросы, связанные с предоставлением медицинской помощи этой категории пациентов.

Рекомендация R (99) 21 «О критериях организации списков лиц, ожидающих бесплатную медицинскую помощь, и сроки ее ожидания в сфере здравоохранения» посвящена проблемам оказания медицинской помощи, которая по объективным причинам не может быть предоставлена безотлагательно в связи с тем, что спрос на услуги общественного здравоохранения превышает ее возможности [21].

В 1999 году на совещании, организованном ВОЗ, Советом министров северных стран Европы и Школой общественного здравоохранения северных стран, был дан импульс к созданию Европейской сети по правам пациентов. В ее формировании приняли участие объединения пациентов, медицинские работники и министры здравоохранения 38 стран Европы. В дальнейшем эта организация была переименована в Европейское партнерство по защите прав пациентов и гражданских полномочий. Основная задача партнерства — организовать площадку для постоянных дебатов заинтересованных сторон (национальные правительства, международные организации, некоммерческие организации пациентов, медицинская и юридическая образовательная среда и др.) [22, с. 67].

Важное значение для этого имело принятие на европейском уровне в 2000 году рекомендаций Совета министров R (2000) 5 «О развитии структур участия граждан и пациентов в процессе принятия решений, влияющих на охрану здоровья». В данном документе подчеркивается право граждан и пациентов на участие в принятии решений, касающихся здравоохранения (в том числе разработку и реализацию реформ здравоохранения), которое рассматривается как фундаментальная и неотъемлемая часть демократического общества. Даются рекомендации, которые национальные правительства должны принять для стимулирования гражданской активности.

В 2006 году Комитет министров Совета Европы принял рекомендацию R (2006) 7 «О контроле за безопасностью пациентов и предотвращение нежелательных эффектов в области здравоохранения», в которой предложил странам Европейского союза развивать единую систему анонимной добровольной отчетности об инцидентах и врачебных ошибках, что позволяет анализировать информацию и принимать на ее основе управленческие решения. Рекомендация R (2006) 18 «Об организации медицинского обслуживания в обществе с различными культурными традициями» призывает при планировании реформ здравоохранения, их реализации и контроле

учитывать потребности различных групп населения, в том числе этнических меньшинств.

В 2010 году Комитетом министров Евросоюза принимаются рекомендации R (2010) 6 «О надлежащем управлении в системе здравоохранения». В этом документе предлагается при проведении реформ здравоохранения основываться на признании ценностей прав человека, верховенстве закона и демократии; приоритете нравственных правил взаимоотношений в системе медицинской помощи; общей ответственности всех заинтересованных сторон. Одна из последних инициатив Евросоюза касается изменения национального законодательства по проблеме врачебных ошибок и компенсации пациентам за причиненный вред [22, с. 68].

Директива ЕС о правах пациентов во время трансграничного предоставления медицинских услуг № 2011/24 от 9 марта 2011 года. После многократных отложений проект директивы вместе с Коммуникацией об улучшении сотрудничества между государствами-членами ЕС в этой области были опубликованы Европейской Комиссией 2 июля 2008 г.

Цель директивы — создать правовую определенность в этом вопросе и тем самым избежать возможных судебных исков, поскольку Договор о ЕС дает каждому человеку право обращаться за медицинской помощью к другим государствам ЕС, и этот принцип был однозначно подтвержден в некоторых решениях Суда ЕС.

Согласно директиве пациенты имеют право обращаться за медицинской помощью за границу и получать возмещение в пределах того объема услуг, которые могли бы получить у себя в стране. Директива объясняет, как эти права могут быть реализованы, в том числе, какие лимиты на трансграничное получение медицинских услуг могут устанавливать государства ЕС и который при этом будет уровень финансового возмещения.

Государства-члены несут ответственность за медицинские услуги, предоставляемые на их территории. Пациенты должны быть уверены, что стандарты качества и безопасности лечения на территории любого государства ЕС подлежат регулярному мониторингу и обусловлены разумной медицинской практикой.

В своем пресс-релизе Комиссия заявляет, что директива создает крепкую основу для реализации огромного потенциала европейского сотрудничества для повышения рентабельности и эффективности систем медицинского обслуживания всех стран ЕС [23].

Принятие специальных международных документов, посвященных правам пациентов, стало результатом убеждения мирового сообщества в необходимости уважать человека как отдельную личность, осознание, что наука биология и медицина развиваются ускоренными темпами, и ненадлежащее использование их знаний может привести к действиям, которые

будут угрожать жизни, здоровью или достоинству человека. Международно-правовые документы по правам пациентов служат основой для защиты права на охрану здоровья — одного из основных прав человека. Закрепление прав пациента в международно-правовых документах является важной гарантией признания мировым сообществом прав пациентов и возлагает на европейские государства обязанности исполнять механизмы обеспечения и защиты этих прав.

Следуя требованиям международно-правовых актов по правам пациентов, европейские государства принимают специальные законы о правах пациентов. Первым государством, которое приняло отдельный закон о правах пациентов, была Финляндия (1992), в которой этот закон приняли после 20-ти лет длительных дискуссий в парламенте. Этот закон считается «административным», поскольку содержит директивы для представителей медицинских услуг, но не предусматривает стандартов качества услуг, которые получает пациент. В Законе закреплено, что в каждой институции, которая работает в сфере медицинского обслуживания должен быть омбудсмен, которых на сегодня в Финляндии около 2000 по правам пациентов. Следующим государством, принявшим закон о правах пациентов, были Нидерланды (1995), в котором содержится перечень прав пациентов и их обеспечение. Государствами, принявшими схожие законы были Литва (1996), Исландия (1997), Дания, Норвегия (2000) и др.

Таким образом, установлено, что исторический процесс формирования международной концепции прав пациентов начался с середины XX в. В течение второй половины XX в. сформировалось и в настоящее время продолжает развиваться международное законодательство и законодательство европейских государств, регламентирующее права пациентов. На международном уровне принят ряд важных документов, обеспечивающих развитие национальных законодательств европейских государств в этой сфере. Выяснено, что стандарты и механизмы обеспечения прав пациентов определены рядом международных нормативно-правовых актов, среди которых особого внимания заслуживают следующие: Рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 779 о правах больного и умирающего (1976), Алма-Атинская декларация ВОЗ по первичной медико-санитарной помощи (1978), Лиссабонская декларация Всемирной медицинской ассоциации по правам пациента (1981), Декларация о политике в области обеспечения прав пациентов в Европе (1994), Европейская социальная хартия (1996), Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с использованием достижений биологии и медицины (1997), Европейская хартия прав пациентов (2002) и Рекомендации Комитета Министров Совета Европы «Об универсальном доступе к медицинской помощи», «Об организации медицинского обслуживания лиц, страдающих хроническими заболеваниями» и другие.

Именно на основе вышеупомянутых документов на национальном уровне европейских государств принимаются законы, уточняющие права и ответственность пациентов, медицинских работников и учреждений здравоохранения; создаются медицинские и другие профессиональные кодексы; осуществляется взаимодействие между потребителями и производителями медицинских услуг; формируется государственная поддержка созданию и эффективной деятельности общественных организаций в сфере прав пациентов; осуществляется содействие исследованиям по оценке эффективности нормативных актов и различных инициатив, предпринимаемых в разных странах.

Список литературы

1. О медицинском обслуживании: Рекомендации № 69 Международной организации труда от 12.05.1944. [Электронный ресурс]. URL: <http://russia.bestpravo.ru/fed1991/data04/tex17816.htm>.
2. Нюрнбергский процесс. Преступления против человечности / под ред. Г. Г. Кудрявцева. — М.: Юридическая литература, 1991. — 692 с.
3. Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 г. [Электронный ресурс]. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_015.
4. Глуховский В. В. Стандарты и механизмы обеспечения прав пациентов в системах здравоохранения. — Николаев: Дизайн и полиграфия, 2008. — 134 с.
5. Европейская социальная хартия от 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yabloko.ru/Themes/Social/hartia-3.html>
6. Жилиева Е. П. Формы закрепления прав пациентов в законодательстве стран Европы / Е. П. Жилиева // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2003. — № 6. — С. 40–42.
7. Принципы предоставления медицинской помощи в любой национальной системе здравоохранения: приняты 17-й сессией Всемирной медицинской ассоциации, 1963 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.med-pravo.ru/Ethics/seventh2.htm/>
8. Рекомендации в отношении прав больного и умирающего № 779 от 1976 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coe.int/t/dg3/health/>.
9. Миронова Г. Право пацієнта на вибір методів лікування: «білі плями» українського законодавства / Г. Миронова // Право України. — 2009. — № 3. — С. 59–64.
10. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с использованием достижений биологии и медицины от 04.04.1997 г. [Электронный ресурс]. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_334.
11. Сенюта І. Я. Право людини на охорону здоров'я та його законодавче забезпечення в Україні / І. Я. Сенюта. — Л.: ПАІС, 2007. — 223 с.

12. Алма-Атинская декларация ВОЗ по первичной медико-санитарной помощи от 6 сентября 1978 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0007/113875/E93944R.pdf?ua=1.
13. Лиссабонская декларация Всемирной медицинской ассоциации по правам пациента от 1981 г., [Электронный ресурс]. URL: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/990_016.
14. Декларация о медицинской помощи, ориентированной на пациента [Электронный ресурс]. URL: www.patientsorganizations.org.
15. Европейская конвенция о защите прав человека и основополагающих свобод от 04.11.1950 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hri.org/docs/ECHR50.html>.
16. Україна крізь призму Європейської хартії прав пацієнтів: результати виконання в Україні другого етапу європейських досліджень на відповідність стандартам ЄС з прав пацієнтів / за ред. В. В. Глуховського. — К.: Дизайн і поліграфія, 2012. — 158 с.
17. Декларация о политике в области обеспечения прав пациента в Европе ВОЗ от 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/s/stonogin_s_w/europe.shtml.
18. Европейская хартия прав пациентов от 15.11.2002 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.epey.ee/index.php?page=163>.
19. Хартия основных прав ЕС от 07.12.2000 [Электронный ресурс]. URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/994_524.
20. Committee of Ministers. Recommendation R (86) 5 to Member States on Making Medical Care Universally Available. Adopted on 17 February 1986 (393rd Meeting of the Ministers' Deputies [Электронный ресурс]. URL: <https://wcd.coe.int/com.instranet.InstraServlet?command=com.instranet.CmdBlobGet&InstranetImage=606112&SecMode=1&DocId=689028&Usage=2>.
21. Committee of Ministers. Recommendation R (99) 21 to Member States on Criteria for the Management of Waiting Lists and Waiting Times in Health Care. Adopted on 30 September 1999 [Электронный ресурс]. URL: http://www.aip-bg.org/lichnidanni/pdf/r_99_21.pdf.
22. История и текущая практика защиты прав пациентов в ведущих странах мира: аналитический обзор зарубежного опыта защиты прав пациентов / под ред. Е.В. Антонова. — М.: Фонд содействия развитию науки, образования и медицины, 2009. — 80 с.
23. Директива ЕС о правах пациентов во время трансграничного предоставления медицинских услуг N 2011/24 от 9 марта 2011 года [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/27622235/>.

In the article international legal acts and acts of the European states, which contain provisions on the rights of patients are analyzed in a chronological sequence.

The characteristics of the key acts, that have the greatest influence on the development of national legislation of European countries for patients' rights have been given.

Keywords: *patient rights, the World Health Organization, an international legal instrument.*

УДК 681.3

Шавыркин Б. Б.
преподаватель

Государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»,
г. Донецк
e-mail: borisb69@mail.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ, ПРОФИЛАКТИКЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ОХРАНЕ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА**

Получена 24 мая 2016; принята 14 июня 2016.

Shavyrkin B. B.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: borisb69@mail.ru

**TOPICAL ISSUES IN THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGY IN
LAW ENFORCEMENT AGENCIES FOR FIGHT AGAINST CRIME,
PREVENTION OF CRIMES AND OFFENSES, PROTECTION OF THE
PUBLIC ORDER**

Received 24 May 2016; accepted 14 June 2016.

В статье рассматриваются вопросы использования правоохрнительными органами информационных технологий как средства повышения эффективности борьбы с преступностью и профилактики преступлений. Указывается на необходимость оснащения правоохрнительных органов современной компьютерной техникой,

повышения полноты и качества оперативных учетов, компьютерной грамотности сотрудников.

Ключевые слова: информация, информационные технологии, правоохранительные органы, преступление.

Постановка проблемы. На сегодняшний день оснащенность правоохранительных органов компьютерной техникой, полнота и качество оперативных учетов, компьютерная грамотность сотрудников являются неудовлетворительными. Без этого они просто не в состоянии решать поставленные перед ними задачи. Для достижения эффективности деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, профилактике преступлений и правонарушений, охране общественного порядка им необходима всесторонняя информационная поддержка.

Актуальность этой темы заключается в том, что существующая на сегодняшний день практика деятельности правоохранительных органов России, Украины и других стран по предотвращению, выявлению и раскрытию преступлений, поиску, задержанию и изобличению преступников свидетельствует о связи между уровнем информационной поддержки мероприятий по борьбе с преступностью и их конечными результатами. В условиях сложной криминогенной обстановки, постоянного роста технического и финансового потенциала преступной среды совершенствование информационного обеспечения органов внутренних дел все больше становится одним из главных направлений повышения эффективности правоохранительной деятельности.

Цель статьи. Учитывая рост технического и финансового потенциала преступной среды, необходимо изучить потенциальные возможности, направления и методы повышения эффективности использования правоохранительными органами информационных технологий в борьбе с преступностью, профилактике преступлений и правонарушений, охране общественного порядка.

Изложение основного материала исследования. Одной из серьезнейших задач является раскрытие преступлений по «горячим следам». Для ускорения ее решения немаловажную роль играет время доступа к информационным базам данных в первую очередь подразделений органов внутренних дел, непосредственно ведущих борьбу с преступностью. Очевидно, только внедрение современных информационных технологий способно повысить эффективность этой работы.

В системе мер по нейтрализации и искоренению преступлений, разработанных в мировом сообществе, наиболее действенными в настоящее время являются информационные технологии, позволяющие использовать при раскрытии и расследовании преступлений самые современные достижения

науки и техники. Многие из этих технологий апробированы в практике мировой полиции и обслуживающих ее научно-технических служб и судебной экспертизы.

Наибольшие резервы и перспективы в практике раскрытия и расследования преступлений имеют три типа информационных систем:

- 1) регистрационные;
- 2) справочно-информационные;
- 3) аналитические.

Регистрационные системы имеют наибольшее значение в борьбе с рецидивом, составляющим около трети всех совершаемых и при этом наиболее опасных преступлений. Основная проблема этих систем состоит в оптимизации их структуры, организации взаимодействия подсистем и автоматизации их эксплуатации на основе компьютерных технологий.

Справочно-информационные системы (нормативно-правовые, демографические, транспортных средств, вещественных доказательств и образцов для сравнительного исследования) существенно повышают оперативность и эффективность деятельности оперативно-следственных органов и экспертных служб за рубежом. У нас они находятся в зачаточном состоянии и требуют для своего развития государственной поддержки.

Аналитические информационные системы, позволяющие на основе современных информационных технологий решить основную проблему раскрытия и расследования преступлений, проблему дефицита информации об обстоятельствах преступления и преступнике.

Как известно, основным источником информации о преступлении и преступнике являются следы преступления в обстановке ее совершения. Обнаружение, анализ и лабораторные исследования этих следов представляли до последнего времени основной источник сведений о преступлении и преступнике.

Положение существенно изменилось в связи с внедрением в структуру криминалистического анализа идей системно-деятельностного подхода на основе компьютерного моделирования и анализа статистических выборок, однородных по способу совершения преступлений. На основе анализа работы наиболее продвинутых полицейских служб (Скотленд-Ярд, ФБР и ряда университетских лабораторий), а также практики российских криминалистических служб разработана типовая информационная модель преступной деятельности, представляющая новый эффективный инструмент криминалистического исследования.

Типовые информационные модели преступной деятельности позволяют на основе выявленных статистических зависимостей между ее элементами получать информацию о личности преступника и других обстоятельствах совершенного преступления. Разработка типовых информационных моделей

преступной деятельности представляет качественно новый этап в развитии криминалистики.

Анализ проблем информационного обеспечения оперативно-розыскной, следственной, административной и профилактической деятельности полиции свидетельствует о необходимости обратить внимание на профессиональный уровень работы подразделений ОВД. Одним из направлений совершенствования информационного обеспечения производства по уголовным делам и делам об административных правонарушениях является автоматизированный учет преступлений, правонарушений и лиц, которые их совершили.

В настоящее время учет преступлений и административных правонарушений трудоемок, и возможности современных технических средств для уменьшения этой трудоемкости не используются. Именно это обстоятельство требует организации современной системы учета. И вместе с этим остро стоит вопрос повышения общих навыков владения компьютером и умения пользоваться специализированными информационно-поисковыми системами.

К учетным задачам можно отнести следующие:

1. Выявление среди преступников и правонарушителей лиц, совершивших неоднократно в течение года административные правонарушения (за повторность законодательством установлена повышенная административная ответственность).

2. Учет преступлений и правонарушений, совершенных некоторыми категориями граждан (имеющими судимость, несовершеннолетними правонарушителями, имеющими оружие, состоящими на учете и др.). Учет данных о совершении преступлений и административных правонарушений указанной категорией лиц имеет большое значение для органов полиции. Объясняется это тем, что еще высока рецидивная преступность, преступность несовершеннолетних лиц, совершающих преступления в нетрезвом виде.

Использование ЭВМ в целях обеспечения автоматизированного учета преступлений и административных правонарушений, совершенных некоторой категорией лиц, показало его высокую эффективность. Службы органов внутренних дел могут регулярно получать необходимую информацию, что позволит больше времени уделять организации и проведению профилактических мероприятий. Преимущество выдачи информации о совершении административных правонарушений некоторой категорией лиц с применением ЭВМ состоит и в том, что значительно сокращается трудоемкость операций, связанных с перепиской одних и тех же данных для различных нужд при расширении круга управленческих задач.

3. Задача выявления криминогенных связей преступников и правонарушителей также может быть успешно решена только благодаря

применению ЭВМ. Автоматизированный поиск криминогенных связей по массивам информации открывает перед работниками полиции широкие возможности. Итогом поиска становится более или менее полный список лиц, которые непосредственно либо через кого-то могут находиться в контакте с преступником или правонарушителем.

Конечно, знание, навыки по поиску, накоплению и использованию информации, новейшим технологиям ее обработки приобретаются, прежде всего, в учебных заведениях. Опыт информационной работы приобретается в повседневном выполнении функциональных обязанностей, организации служебной подготовки и переподготовки на курсах повышения квалификации.

В ходе реформирования системы ОВД необходимо осуществить комплекс мероприятий, направленных на повышение профессиональной культуры сотрудников ОВД, усовершенствование управленческой деятельности. С этой целью нужно совершенствовать содержание и методы обучения как непосредственно по месту службы, так и в учреждениях, на которые возложена подготовка, переподготовка и повышение квалификации кадров [1].

Определенную роль в организационном обеспечении информатизации деятельности ОВД должна выполнять и профессиональная подготовка сотрудников в высших учебных заведениях. Как справедливо отмечают М. И. Ануфриев, О. М. Бандурка и О. Н. Ярмыш, в стенах высших учебных заведений системы МВД решается и будет всегда решаться постоянный вопрос: придет ли выпускник, который одел новые лейтенантские погоны, на свою первую должность в ОВД как сформированная личность, которая знает, что ей делать в своей служебной деятельности [2]. Понятно, что знание и навыки информационной работы должны даваться преподавателями независимо от специализации курсантов и максимально приближать к задачам повседневной работы с информацией.

С развитием информационных и коммуникационных технологий изменяется структура и динамика развития общества, определяются новые схемы государственного управления [3]. Борьба с преступностью и обеспечение прав и свобод граждан как форма деятельности государства также должны обеспечиваться и совершенствоваться новизной и высокой социальной ролью информационных процессов.

Как свидетельствуют исследования, несмотря на наличие правовой базы, борьба с правонарушениями, которые совершаются с использованием компьютерных технологий, в частности, с компьютерной преступностью и, особенно, с организованными ее проявлениями в нашей стране еще не приобрела соответствующего времени адекватного уровня. Это, прежде всего, обусловлено следующими факторами:

- несоответствующим уровнем подготовки высококвалифицированных кадров, способных грамотно вести учеты и пользоваться ими;
- низкой оснащенностью подразделений ОВД компьютерной техникой;
- низким развитием фундаментальных исследований на национальной эмпирической базе [4].

Улучшение ситуации в информационной сфере деятельности системы МВД нуждается в комплексных мероприятиях, среди которых — усовершенствование структуры и функционирование подразделений полиции, которые формируют информационный ресурс в борьбе с преступностью и обеспечивают его управленческое регулирование и контроль.

Основная активность информационного обеспечения подразделений полиции, которые принимают участие в раскрытии преступлений, наблюдается только на республиканском уровне (МВД). Территориальные подразделения ОВД по ряду причин не могут быть активными участниками технологически новых информационных процессов. Здесь и объективные (материально-техническое обеспечение), и субъективные (человеческий фактор) причины. Но есть проблемы организационные, управленческие, которые нужно и можно решать на современном этапе информационного обеспечения борьбы с преступностью.

Усовершенствование информационной работы ОВД должно происходить в первую очередь с методического и организационного упорядочения информационной деятельности каждой службы, адаптации к эффективному использованию существующих новейших информационных технологий.

Сегодня, благодаря стремительному развитию информационных технологий, созданию новейших и усовершенствованию существующих технических средств, возникает проблема подготовки кадров с квалификацией, которая обеспечит эффективное использование в профессиональной деятельности указанных средств и технологий.

Решение этой проблемы невозможно без комплексного подхода к организации подготовки и переподготовки кадров системы ОВД соответствующего уровня, повышение уровня специальной компьютерной подготовки работников органов внутренних дел в специализированных учебных заведениях [5].

Подготовка работников ОВД — пользователей информационных подсистем - должна обеспечить уровень их квалификации, достаточный для:

- выполнения операций, необходимых для информационной поддержки своей служебной деятельности;
- правильного обращения с компьютерным и коммуникационным оборудованием;

- выполнения требований техники безопасности и защиты информации.

Информацией, которая используется различными подразделениями полиции, в значительной мере имеет конфиденциальный характер, имеет грифы ограничения доступа. А некоторая часть информации конституционно охраняется от разглашения и незаконного использования. Поэтому организационные мероприятия, осуществляемые подразделениями полиции, обязательно должны предусматривать защиту информации на разных уровнях ее функционирования, особенно на этапе ее накопления в автоматизированных системах ОВД [6].

Нельзя забывать о том, что в последнее время активизируется противодействие криминальных элементов сбору и использованию информации о преступлениях. Это особенно проявляется в информационном обеспечении специальных подразделений. Часто оперативные подразделения встречаются с откровенным противодействием со стороны криминала, а иногда — откровенными или скрытыми контрмерами.

Снижение уровня, объема и качества информационных учетов сегодня позволяет криминальным элементам избегать ответственности, находиться в тени, усиливать криминальное влияние на общество и существенно изменять отношения в республике.

Реорганизация информационной деятельности, очевидно, должна быть такой, чтобы обеспечить по вертикали и методическое, и управленческое влияние на сбор, передачу, накопление и эффективное использование информационных ресурсов для учета и профилактики преступлений и правонарушений.

Использование накопленных массивов информации по горизонтали усложняется многообразием информационных баз, которые создаются разными ведомствами. При выполнении подразделениями ОВД своих функций есть определенные проблемы по оперативному доступу к информации, которая содержится в этих массивах. Порой даже не совсем ясно, из каких источников можно получить нужную информацию.

Выводы. Возможные пути решения этих проблем состоят в:

- организации специализированных курсов подготовки и переподготовки работников ОВД на базе информационной службы МВД республики и специализированных учебных заведений;
- организации занятий по компьютерной грамотности в системе служебной подготовки ОВД;
- в разработке методических рекомендаций, учебных пособий по использованию информационных подсистем ОВД [5];

По мнению автора, специализированные курсы должны включать обзор автоматизированных информационно-поисковых, справочно-поисковых и

других систем, которые созданы и используются не только в ОВД, а и в других ведомствах. При изучении этих систем нужно, прежде всего, уделять внимание таким вопросам:

- о каких объектах, явлениях, событиях содержится информация в изучаемой системе;
- какие конкретно данные содержатся об объектах, явлениях или событиях;
- достоинства и недостатки автоматизированной системы;
- правила и порядок использования системы;
- порядок работы с этой системой.

Список литературы

1. Негодченко А. В. Организационно-правовые мероприятия деятельности органов внутренних дел по обеспечению прав и свобод человека / А. В. Негодченко. — Днепрпетровск: Днепрпетровский университет, 2003. — 448с.
2. Ануфриев М. И., Бандурка А. М., Ярмыш А. Н. Высшее учебное заведение Украины: научно-практическое пособие / М. И. Ануфриев, А. М. Бандурка, А. Н. Ярмыш. — Х.: Университет внутренних дел, 1999. — 367с.
3. Сабодаш В. П. Организационно-правовые мероприятия государственного урегулирования защиты информационных процессов в Украине: [Электронный ресурс] / В. П. Сабодаш // Запорожье: Центр исследований компьютерной преступности, 2004. URL: www.crime-research.ru/articles/Sabadash0507/2.
4. Голубев В. А. Расследование компьютерных преступлений. Монография / В. А. Голубев. — Запорожье: Гуманитарный университет «ЗИГМУ», 2003. — 296 с.
5. Шавиркін Б. Б., Петрачук Л. І. Застосування ЕОМ в ОВС: навчальний посібник / Б. Б. Шавиркін. — Донецьк: ДЮІ, 2007. — 178 с.
6. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебник для юридических вузов / под ред. В. Б. Рушайло. — СПб, 2000. — 720 с.

This article discusses the use of the law enforcement agencies of information technologies as a means of increasing the efficiency of the fight against crime and crime prevention. The necessity of equipping law enforcement agencies with modern computer technology, improve the completeness and quality of operational accounting, computer literate employees.

Keywords: information, information technology, law enforcement, crime.

УДК 343.1; 343.148

Шумаев Д. Г.
ассистент

Государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Донецкий национальный
университет», г. Донецк
e-mail: moiseev.alex@i.ua

СИСТЕМАТИЗИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА

Получена 31 мая 2016; принята 16 июня 2016.

Shumaev D. G.

State educational establishment of higher
professional education «Donetsk national
University», Donetsk
e-mail: moiseev.alex@i.ua

SYSTEMATIZATION FUNCTION OF A FORENSIC EXPERT

Received 31 May 2016; accepted 16 June 2016.

Подтверждена необходимость реализации судебным экспертом функции упорядочения источников доказательств. Установлено, что судебный эксперт при проведении экспертного исследования производит систематизацию и проверку источников информации. Подтверждена целесообразность проведения экспертного исследования совокупности доказательств с целью выявления имеющихся противоречий. Рекомендовано для их систематизации и объективизации применять экспертную технологию. Обоснована применимость семантической сети для описания следовой картины преступления.

Ключевые слова: стороны уголовного процесса; функции сторон; следовая картина; судебный эксперт; систематизация; экспертная технология; семантическая сеть.

В научной литературе уголовно-процессуального направления предложены различные подходы к трактовке процессуальных функций участников и сторон уголовного судопроизводства. Их деятельность изучалась учеными криминалистами и процессуалистами, такими как Т. В. Аверьянова, А. Р. Белкин, Р. С. Белкин, Е. И. Зуев, Н. И. Клименко, В. К. Лисиченко, Н. П. Майлис, В. А. Образцов, Ю. К. Орлов, И. Л. Петрухин, Е. Р. Россинская,

М. Я. Сегай, В. Ю. Шепитько, Я. М. Яковлев и др. Отмечено, что следствие в ходе выполнения своих процессуальных функций использует институт специальных знаний в форме назначения судебных экспертиз. Среди процессуалистов и криминалистов функции судебного эксперта не были предметом отдельного исследования. Однако конкретизация механизма участия судебного эксперта в систематизации и проверке доказательств позволяет сторонам уголовного судопроизводства эффективно использовать свои процессуальные возможности. Вышеуказанное свидетельствует об актуальности предлагаемой темы исследования.

Целью статьи считаем конкретизацию содержания систематизирующей функции, реализуемой судебным экспертом.

Структура понятия функции в уголовном производстве (как и в любой другой составляющей социальной деятельности) содержит элементы: 1) субъект использования функции; 2) предмет его деятельности и ее содержание; 3) цель, на достижение которой направлена деятельность данного субъекта [1, с. 4-15].

Функция обвинения представляет собой деятельность, направленную на изобличение лица, совершившего преступление (или общественно опасное деяние в состоянии невменяемости). Такое значение функция обвинения приобретает потому, что именно от воли обвинителя зависит начало процесса, и им во многом определяется его результат. Функция защиты как процессуальная деятельность имеет целью защиту обвиняемого (подсудимого) от выдвинутого против него обвинения, оправдания подсудимого или выявления обстоятельств, смягчающих наказание осужденного. Участниками, выполняющими функцию защиты, являются обвиняемый, защитник, гражданский ответчик, его представитель, а также законный представитель. Функция разрешения уголовного дела, в науке также называемая функцией правосудия, является центральной в уголовном судопроизводстве. Она может быть определена как процессуальная деятельность, направленная на решение спорных ситуаций между сторонами обвинения и защиты во время рассмотрения дела, окончательное вынесение судом решения о виновности обвиняемого и его наказание.

Поддерживаем мнение ученых, что современное состояние преступности характеризуется разнообразием способов противоправной деятельности, что существенно усложняет следовую картину. Технические средства, используемые для совершения преступления или сокрытия его следов, определяют их множественный характер.

Следует отметить, что на современном этапе развития криминалистики понятие следа не получило единой трактовки в связи с тем, что его значение в уголовном судопроизводстве учеными криминалистами и процессуалистами определялось по-разному [4, с. 16]. Так, П. Г. Великородный рассматривает

след как единичный источник исходной информации, способный обеспечить оптимальную последовательность, непрерывность и всесторонность сравнительного исследования материальных элементов способа действий в структуре поисково-идентификационной деятельности [5, с. 97]. В широком смысле следы многие криминалисты определяют как любые изменения, которые так или иначе связаны с преступлением, произошедшие в результате совершенного преступления [6, с. 37]. Мы поддерживаем мнение ученых, которые рассматривают следы как любое отображение объектов: рукописи, документы, фотоснимки, наложения, оттиски, отделившиеся частицы и части, изделия, чувственно-конкретные представления в сознании живых лиц, описания и т. п. [7, с. 24-25].

В теории криминалистики следы разделяются на идеальные и материальные. К идеальным следам относятся любые сведения, которые запечатлены в памяти очевидцев события. Материальными следами являются изменения объектов материального мира. В большинстве случаев криминалисты под следами преступления понимают материально фиксированные изменения окружающей среды. Умение «читать» следы является одной из важнейших задач работников правоохранительных органов.

Однако существует и другой термин — «следовая картина», что понимают как совокупность материальных и идеальных следов, которые остались после совершения преступления. Событие преступления сопровождается действием большого количества факторов, соответственно, и следовая картина преступления характеризуется множественностью и разнообразием.

В современной криминалистике понятие следа и следовой картины претерпевают постоянные усовершенствования, в плане дополнения их содержания. Следы определяют как источники криминалистической информации. Следовая картина часто становится объектом комплексного судебно-экспертного исследования. Объем и структура следовой картины определяют оптимальный выбор судебно-экспертных методик, обеспечивающих достоверность и полноту устанавливаемой с их помощью криминалистической информации [9, с. 108-109].

Следует отметить, что большей частью эта информация имеет латентный характер и требует исследования следов и других объектов для ее выявления и оценки [10, с. 45]. Не все следы, оставленные преступником и обнаруженные в процессе определенных следственных действий, могут способствовать быстрому и объективному расследованию преступления. Причины такой ситуации могут быть различными: от низкой информативности следов к их фальсифицированности. Необходимо обратить внимание, что в криминалистических исследованиях в последнее время актуальной стала проблема систематизации следов [11]. Мы согласны с мнением ученых,

которые считают, что исследование материальных следов является составной частью исследования преступления, состоящего в познании сущности этого явления, и, по мнению В. И. Шарова, неизбежно требует проведения определенной структуризации данного вида деятельности [12, с. 1-4].

Исследование материальных следов преступления является одним из видов познавательной деятельности — деятельности предметной, органического единства чувственно-практических и теоретических форм. Следовательно, неотъемлемой характеристикой такой деятельности является ее целесообразность, осознанность. Сказанное достижимо в том случае, если субъект деятельности не только имеет конкретную познавательную цель, но и обладает некой системой знаний, способной обеспечить ее достижение. В связи с этим исследование материальных следов традиционно связывают с использованием в процессе расследования специальных знаний, осуществляемого в форме привлечения специалиста к производству следственных действий, дачи им заключения или в форме производства экспертиз. Вместе с тем, исходя из того, что главной целью рассматриваемого вида исследований является получение информации о составляющих предмета доказывания по расследуемому преступлению, считаем, что ограничение перечня субъектов только специалистом и экспертом неоправданно. Мы разделяем мнение тех авторов, которые считают, что следователь во время расследования преступления всегда использует свои специальные знания, навыки и умения [14]. Ему необходимы специальные знания из разных областей науки и техники и при установлении заданий специалисту, и при подготовке и назначении экспертиз, а также при проверке и оценке заключения эксперта [15, с. 21].

Исследование следов позволяет получить следствию криминалистически значимую информацию. В криминалистике при рассмотрении данного понятия ученые выделяют два подхода. Согласно первому, криминалистическая информация изначально содержится в следе и извлекается из него путем применения различных познавательных средств. Такому подходу соответствуют установившиеся традиционные понятия криминалистики, как «следовая информация», «информационная картина события» и другие. Информация признается отражением структуры информационного источника. В результате фактически производится отождествление информации и информационного источника (следа). Согласно другой точке зрения, криминалистическая информация понимается как результат осмысления, т. е. исследовательской обработки объекта. Она является итогом преобразования следа различными познавательными средствами. Информация добывается из следа и становится независимой от него. Из одного следа применением различных познавательных средств получают различную информацию. Криминалистическая информация является продуктом исследовательской

деятельности следователя, эксперта и других субъектов расследования. Мы поддерживаем это мнение и считаем приемлемым второй вариант трактовки криминалистической информации, в свете предлагаемого нами подхода к представлению и исследованию следовой картины преступления. В процессе экспертного исследования в следе актуализируются соответствующие признаки — идентификационные, диагностические и ситуалогические. Таким образом, каждый след, как элемент следовой картины, представляет собой систему признаков различного характера, установленных средствами судебных экспертиз [9, с. 109]. Следовая картина любого преступления характеризуется большим количеством различных следов преступления и является источником криминалистической информации для сторон уголовного судопроизводства.

Особое место в системе элементов процесса расследования преступлений занимают также источники криминалистической информации и объективно выраженные в них сведения о преступлении (материальные объекты и сигналы информации о расследуемом преступлении). Особенность этих элементов заключается в том, что они являются одновременно и элементами объективного процесса, связанного с расследуемым событием. Отражая характеристики преступления, сигналы информации и материальные объекты в них представляют материальную основу многоуровневого процесса деятельности по раскрытию и расследованию преступления [16, с. 13]. Сама же деятельность по раскрытию и расследованию преступлений по своей сути является управляемой сложноорганизованной информационно-функциональной системой [17, с. 10].

Место происшествия является, как правило, основным источником информации и характеризуется следовой картиной преступления. Сама же обстановка места происшествия выступает как «внешнее проявление внутреннего содержания события преступления, своеобразной формой его содержания» [18, с.103—104].

Очевидно, что эта информация может лишь предположительно относиться к событию преступления. Здесь мы имеем дело с носителями и непосредственными источниками криминалистической информации, которые впоследствии могут стать судебными доказательствами. Таким образом, обнаружение материальных объектов — источников криминалистической информации, является начальным этапом процесса расследования преступлений.

Из сказанного видно, что понятие источника криминалистической информации как материального объекта, ее носителя, связано с выделением первоначальной, исходной стадии процесса расследования, а также с определением задач и содержания расследования на этой стадии (обнаружение источников и сигналов содержащейся в них информации) [16, с. 13].

Мы согласны с утверждением, что для раскрытия преступления и изобличения виновного в одних случаях достаточно традиционного отношения к источникам доказательств, а в других — более глубокое изучение возможностей получения доказательственной информации [19, с. 5].

Одним из вариантов использования специальных знаний является производство судебной экспертизы. Она позволяет провести более глубокое изучение источников доказательственной информации. Порядок назначения судебной экспертизы определен процессуальным законодательством. Действующий уголовно-процессуальный кодекс определяет судебного эксперта как лицо, обладающее специальными знаниями и назначенного в установленном законом порядке для дачи заключения.

Разнообразие следовой картины преступления обуславливает необходимость производства комплексных экспертных исследований носителей криминалистической информации [20]. При получении заключения судебной экспертизы следователь и иные стороны уголовного судопроизводства могут определить, несет ли объект исследования для следствия значимую информацию. Таким образом, эксперт, проводя исследование объектов, упорядочивает информационные источники для сторон уголовного процесса. Поэтому рекомендуем сторонам уголовного судопроизводства назначать экспертизу для систематизации и проверки источников информации.

Следует отметить, что во время расследования преступлений образуется массив разнообразных доказательств. Следствие сталкивается с проблемой противоречия имеющихся доказательств друг к другу, либо вступления их в различные связи между собой. Например, одной из задач экспертизы является решение вопроса о достоверности представленной видеозаписи, установление состоятельности показаний. Именно таким путем эксперт осуществляет взаимопроверку источников доказательств.

Акцентируем внимание на проблеме объективизации доказательств. Поддерживаем мнение о действенности технологического подхода к назначению и проведению комплексной экспертизы, исследуемым объектом которой является следовая картина преступления. Сущность такого подхода заключается в следующем: экспертиза назначается в судебно-экспертное учреждение, которое имеет специалистов по различным направлениям судебных экспертиз. В качестве объекта исследования предоставляется следовая картина, содержащая все собранные следы [9, с. 110]. Вопрос на экспертизу формулируют в общем виде — установить факты и обстоятельства происшествия по представленным следам, то есть построить полную экспертную информационную картину события. На основании представленных объектов руководитель судебно-экспертного учреждения назначает комиссию экспертов, которая в полном объеме проводит исследования представленной

следовой картины. Во время проведения исследований комиссия экспертов, проявляя инициативу, применяет экспертные методики в оптимальном режиме. При необходимости, комиссия экспертов привлекает независимые организации для проведения отдельных измерений и экспериментов. По результатам проведенных исследований составляют заключение комплексной комиссионной экспертизы. Результаты проведенной экспертизы могут быть представлены в матричном виде, что отражает превращение исходного множества следов в экспертную информационную картину преступления.

В связи с разнообразием преступлений следовая картина является сложным источником информации. Ученые и практики обращают внимание на проблему универсального описания следов преступления. В криминалистической литературе обращено внимание на применимость семантических сетей в качестве информационной модели события преступления [21, с. 74]. Семантическая сеть — это система организации знаний, аналогичная сознанию человека [9, с. 112-113], а инструментом исследование этой системы с целью объективизации доказательств и их взаимной проверки является экспертная технология. Объектом экспертной технологии является система информационных источников. С ее помощью устанавливают связи между этими источниками (например, отрицательные, когда видеозапись противоречит результатам измерений на месте происшествия). В результате обработки следов формируется семантическая сеть. Она носит открытый характер, поскольку может дополняться новыми элементами. Считаем, что инструментом для описания системы информационных источников следовой картины преступления является семантическая сеть.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам: 1) рекомендуем сторонам назначать экспертизу для систематизации и проверки источников информации; 2) подтверждено, что для эффективного выполнения экспертом функции систематизации, а также объективизации исследования следует применять экспертную технологию; 3) инструментом для описания системы информационных источников следовой картины преступления является семантическая сеть.

Список литературы

1. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А. М. Ларин. — М.: Юрид. лит, 1986. — 160 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.11.2015).

3. Шепітько В. Ю. Проблеми використання спеціальних знань крізь призму сучасного кримінального судочинства в Україні / В. Ю. Шепітько // Судова експертиза: наук-практ. журн. — 2014. — № 1. — С. 11-18.
4. Салтевский М. В. Теоретические основы установления групповой принадлежности в судебной экспертизе: автореф. дисс. ... д-ра юр. наук / М. В. Салтевский. — Харьков, 1969. — 40 с.
5. Великородный П. Г. Идентификационное исследование способа совершения преступлений в целях поиска преступника / П. Г. Великородный. — Астрахань: АГТУ, 2001. — 141 с.
6. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики / Р. С. Белкин. — Т.2, 1978. — 464 с.
7. Колмаков В. П. Идентификационные действия следователя / В. П. Колмаков. — М.: Юридическая литература, 1977. — 112 с.
8. Деятельность экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел по применению экспертно-криминалистических методов и средств в раскрытии и расследовании преступлений: учебное пособие / В. А. Ивашков, М. И. Овсянникова, Л. И. Слепнева, В. А. Снетков / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. А. Снеткова. — М., 1996. — 104 с.
9. Моисеев А. М. Следовая картина преступления и ее экспертное исследование / А. М. Моисеев // Другі Таврійські юридичні наукові читання: матеріали міжнародної науково-практичної конференції (Сімферополь, 7-8 листопада 2014 року). — Сімферополь: Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського, 2014. — С. 108-113.
10. Хрусталеv В. Н., Трубицын Р. Ю. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях / В. Н. Хрусталеv, Р. Ю. Трубицын. — СПб., 2003. — 208 с.
11. Головин А. Ю. Криминалистическая систематика: монография / А. Ю. Головин. — М.: ЛексЭст, 2002. — 336 с.
12. Шаров В. И. Логическая структура преступления / В. И. Шаров // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. — 2002. — № 3. — С. 1-4.
13. Бишманов Б. М. Исследование, проводимое экспертом и специалистом / Б. М. Бишманов // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. — 2003. — №1. — С. 197-202.
14. Ценова Т. Л., Мороз А. В. Исследование материальных следов преступления / Т. Л. Ценова, А. В. Мороз // Теория и практика общественного развития Международный научный журнал. 2011. № 1. [Электронный ресурс]. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2011/1/yurisprudentsiya/tcenovamoroz.pdf (дата обращения: 21.11.2015).
15. Лисиченко В. К. Использование данных естественных и технических наук в следственной и судебной практике: учебное пособие / В. К. Лисиченко. — К: Вища школа, 1979. — 88 с.

16. Колдин А. В. Процесуально-криминалистические проблемы исследования источников информации. дисс. ... канд. юр. наук / А. В. Колдин. — Нижний Новгород, 2005. — 200 с.
17. Самыгин Л. Д. Расследование преступлений как системы деятельности / Л. Д. Самыгин. — М., 1989. — 189 с.
18. Ильченко Ю. И. Тактические приемы исследования материальной обстановки места происшествия: дисс. ... канд. юр. наук / Ю. И. Ильченко. — М., 1966. — 295 с.
19. Басалаев А. Н. Сохранение информации, содержащейся в следах / А. Н. Басалаев — Л., 1981. — 83 с.
20. Сімакова-Єфремян Е. Б. Теорія і методологія комплексної експертизи контактної-слідової взаємодії об'єктів: монографія / Е. Б. Сімакова-Єфремян. — Х: ВКФ «Гриф», 2004. — 176 с.
21. Ищенко П. П. Информационное обеспечение следственной деятельности: научно-практическое пособие / П. П. Ищенко. — М.: Юрлитинформ, 2011. — 168 с.

The need to implement the systematization function of evidence resources by a forensic expert has been confirmed. It has been established that during the conduct of an expert investigation a forensic expert carries out systematization and inspection of information resources. The reasonability of the conduct of an expert investigation of the whole of the evidence in order to identify the existing contradictions is verified. It has been recommended to apply expert technology for their systematization and objectification. The applicability of the semantic net to describe the trace picture of the crime has been proved.

Keywords: parties of criminal procedure; functions of parties; trace picture; forensic expert; systematization; expert technology; semantic net.

УДК 343.9+343.24

Хлыстова Н. Б.

кандидат юридических наук,
доктор философии

Государственное образовательное
учреждение высшего

профессионального образования

«Донбасская юридическая академия»,

г. Донецк

e-mail: dua.ug.pravo@gmail.com

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Получена 16 мая 2016; принята 02 июня 2016.

Khlystova N. B.

State educational establishment of higher
professional education « Donbass law
academy», Donetsk

e-mail: dua.ug.pravo@gmail.com

CRIMINAL-LEGAL AND CRIMINOLOGICAL IMPORTANCE OF LAWFUL BEHAVIOR

Received 16 May 2016; accepted 02 June 2016.

Статья посвящена проблемам правомерного поведения в уголовно-правовом и криминологическом аспектах. Также особое внимание уделяется поощрению общественно полезной мотивации в противодействии преступности, созданию противовеса законодательству карательной направленности путем развития поощрительного законодательства, в частности для поощрения общественно полезных проявлений общественности.

Для стимулирования сотрудничества с правоохранительными органами в борьбе с преступностью необходимо разработка и принятие Закона «О поощрении деятельности по противодействию преступности», который бы определял порядок материального поощрения за деятельность по предотвращению преступности.

Ключевые слова: *правомерное поведение, поощрение, задачи криминологии, позитивное поведение, социально активное поведение, волонтерство.*

Долгое время внимание ученых, которые изучали личность как субъект правоотношений, была сконцентрирована главным образом на исследовании

вопросов, связанных с неправомерными действиями лиц, которые имели название противоправных, антисоциальных, преступных и иных действий, которые нарушали существующие нормы права.

В.Н. Кудрявцев писал, что значительный интерес представляет собой анализ мотивов и целей различных видов поведения, имея в виду особенности правомерного и противоправного поведения [1].

Но ученый указывал, что такой анализ должен проводиться отдельно для правомерного и противоправного поведения. С такой его позицией мы не можем согласиться, поскольку изучение мотивации отдельно по каждому виду с самого начала приведет к необоснованному сужению знания о природе правового поведения, несмотря на то, что, во-первых, оба вида поведения является ее разновидностью, во-вторых, правомерное и противоправное поведение является единством противоположностей – как неотъемлемые и диалектически взаимосвязанные стороны правовой действительности.

Поэтому без комплексного исследования невозможно будет выяснить всю совокупность системообразующих факторов, обуславливающих связи противоправного и правомерного поведения.

До сих пор борьба с преступностью осуществляется преимущественно путем наказания виновных за конкретные преступления, однако нельзя не согласиться с мнением В.К. Грищука, что в обществе, где реализуются идеи цивилизованной рыночной модели экономики, функционируют достаточно развитые институты гражданского общества, существуют демократические принципы реализации и деятельности всех ветвей власти, формируется достаточно высокий уровень социокультурного потенциала, уголовно-правовые средства объективно не требуют широкого применения. Они выполняют функцию «ultima ratio» – последнего средства, крайней меры воздействия на общественные отношения [2].

Однако ситуация складывается таким образом, что на сегодня возлагается достаточно много задач и чаяний в борьбе с преступностью именно на уголовное законодательство. Но оно не должно решать многочисленные социально-экономические проблемы общества.

Уголовно-правовой запрет, вряд ли решит социальную или экономическую проблему, если она не будет дополнением к экономическим, финансовым и другим подобным мероприятиям. А при эффективности таких мер, вряд ли будет нужен и сам уголовно-правовой запрет.

Неэффективность мер по борьбе с преступностью объясняется несовершенством уголовно-правовых норм, даются предложения по усилению их санкций. До сих пор остается дискуссионным вопрос о причинах преступности, рецидива преступлений, мер и средств по противодействию и борьбы с этим негативным социальным явлением.

Функция предотвращения, несмотря на многочисленные программы

противодействия преступности, находится в упадке, поскольку программы носят либо декларативный характер, либо не выполняются из-за нехватки средств.

По нашему мнению, одной из причин такого положения является недостаточное использование возможностей общества в противодействии преступности, в частности такого аспекта, как правомерное поведение.

Считаем, что если проблему невозможно решить общепризнанными средствами, целесообразно искать альтернативные подходы, которые бы способны были решать задачи и проблемы, стоящие перед обществом.

Средством формирования правового государства является обеспечение правопорядка, прежде всего, путем повышения уровня правосознания и правовой культуры граждан, осуществление деятельности, направленной на предотвращение правонарушений, обеспечения эффективного контроля за соблюдением законов.

Очевидно, что социальная ценность правомерного поведения состоит в ее свойствах обеспечивать нормальное развитие, функционирование общественного устройства и реализацию членами общества своих потребностей и интересов. Кроме этого, правомерное поведение содержит еще не полностью исследованные возможности противодействия противоправным проявлениям участниками общественных отношений, сдерживания таких проявлений и ресоциализации лиц, которые нарушили требования закона.

Общество является живым организмом, негативные проявления членов которого должны рассматриваться как болезнь, которая требует своего лечения. Применение лекарства способно вызвать временное облегчение, но чаще всего химические вещества лекарств нейтрализуют последствия болезни, а не ее причины, осуществляют негативное влияние на другие органы. В качестве лекарства для общества на сегодня выступают виды наказания, связанные с лишением свободы, которые все чаще лишь временно ограничивают функционирование лица, совершившего преступление, в обществе.

При этом негативно отражаются на общественных отношениях, участником которых было осужденное лицо: утрата общественно полезных связей, работы, места проживания, авторитета друзей, коллег, знакомых и многое другое.

Не все болезни целесообразно лечить химическими препаратами, как и не все нарушители закона должны быть лишены свободы. В не тяжелых случаях срабатывают защитные функции организма и он способен самостоятельно противодействовать болезни, так как и общество может осуществлять влияние на лиц с недостаточно криминализированными установками.

Сравнение «болезней» общества, какими являются преступность и связанные с ней фоновые явления, с больным организмом не является

случайным. Традиционная медицина и представители нетрадиционной медицины делают акцент на предупреждении заболеваний – лучше предотвращать болезни, чем потом их лечить. Поддерживая такой подход, отметим, что его схематически возможно перенести и применять к регулированию общественных отношений, связанных с предотвращением и борьбой с преступностью.

Большинство наук сначала изучает норму, а лишь потом – последствия ее нарушения и возможности предупреждения. На принципе изучения нормы базируется экономика, почти все науки технического профиля, большинство естественных наук. Современная социология провозглашает, что изучая аномальное отдельно от нормального, теряется возможность исследования их во взаимосвязи, в то время, как только через взаимосвязь изучение может быть в полной мере плодотворным и достаточно обоснованным. Социология уголовного права провозглашает, что прежде, чем изучать отклонения от нормы, надо изучать нормальное поведение [3].

На сегодня предмет науки криминологии состоит из четырех основных элементов: преступность; причины и условия преступности; личность преступника; предупреждение преступности [4, с. 4].

В рамках нашего исследования особого внимания заслуживает рассмотрение мотивации правомерного поведения, определение ее особенностей, а также значение в предупреждении преступности.

Анализ юридической литературы дает основания говорить о том, что проблема правомерного поведения активно освещалась на уровне монографических и диссертационных исследований в 70-80-х годах XX ст. в трудах таких советских ученых, как В. Г. Асеев, Ж. Д. Бусурманов, Т. А. Гуменюк, В. Н. Кудрявцев, Е. К. Нурпеисов, В. В. Оксамытный, Н. Г. Швыдак, В. Н. Щербакова и некоторых других авторов.

В то же время вопросы, связанные с мотивацией правомерного поведения, в указанных трудах освещались недостаточно, или находились вне пределов исследований, поэтому не получали должного внимания. Психологию правомерного поведения в рамках теории государства и права на уровне монографии исследовал Е.К. Нурпеисов в труде «Психология правомерного поведения», которая датирована 1984 годом [5].

М. М. Исаев подчеркивал необходимость изучения наукой уголовного права не только преступного поведения, но и поведения, которое не противоречит уголовно-правовым предписаниям. Так, ученый писал, что уголовное право характеризуется не столько тем, что признает преступным, сколько тем, что преступным не признает [6, с. 54]. Однако эта мысль не получила дальнейшего развития и исследования в определенном М. М. Исаевым направлении не осуществлялись.

Похожие взгляды находим и у В.В. Оксамытного о необходимости

создания теории правомерного поведения, которая бы охватывала всестороннее изучение общественных и личных отношений [7, с.9]. Анализируя взгляды советского ученого, приходим к выводу, что он также предлагал выделить правомерное поведение в качестве самостоятельного предмета исследований не только в рамках общеправовых наук, но и в рамках наук уголовно-правового цикла.

Изучая проблему правомерного поведения на современном этапе генезиса правовой науки, отметим, что исследования в этом направлении практически не проводятся.

В учебные пособия по курсу теории государства и права правомерное поведение включено как предмет исследования в разделы о правонарушениях и юридической ответственности достаточно кратко в качестве понятийной противовеса основному материалу; его в определенной степени изучали в связи с юридическими фактами, актами и уступками.

Очевидным является тот факт, что часть разработок советского периода потеряла свою актуальность в наше время из-за смены общественно-политического строя, переоценки ценностей в обществе, изменения тех движущих факторов, которые удерживали людей от нарушения закона, однако выходные, политически незаангажированные фундаментальные теоретические положения в контексте нашего исследования представляют научный интерес.

Понятие правомерного поведения в теории государства и права является достаточно разработанным и непроработанным и имеет практически устоявшийся характер, однако из-за отождествления с советских времен права и закона (единственный способ существования права усматривался в закреплении нормы права в законе) правомерное поведение определялась как сознательное соблюдение норм права, действующих в обществе законов и других нормативно-правовых актов.

Фактически речь шла о законопослушном поведении, что неоправданно сужает границы правомерного поведения, нивелирует правовые ценности и признает лишь ценность закона, который заключается в его официальной общеобязательности и собственной императивности.

Правомерное поведение – это такие поступки (деяния), которые не противоречат предписаниям правовых норм или основным принципам права определенного государства, это такое поведение и деятельность в сфере социально-правового регулирования, которая отвечает требованиям действующих нормативно-правовых актов, правовым правам и законным интересам других лиц, а также не является общественно-опасным для государства и общества в целом.

Считаем ценным изучение факторов и факторов мотивации такого поведения как основы вообще, выяснение самого главного: что положено в основу правомерного поведения, является теми движущими факторами,

которые не только удерживают человека от совершения правонарушения, но и побуждают к совершению общественно полезных действий.

В связи с этим представляется целесообразным исследовать классификацию правомерного поведения, выяснить степень полезности каждого из видов и установить его криминологическое значение.

В зависимости от доминирующих мотивов выделяют четыре вида правомерного поведения:

- положительное (привычное) поведение;
- конформистскую (пассивное) поведение;
- маргинальное поведение;
- социально активное правомерное поведение.

Положительное поведение осуществляется в рамках привычной деятельности по соблюдению и выполнению правовых норм. Это поведение в повседневной жизни – служебной, бытовой и других сферах общественной жизни. Путем осуществления такого поведения удовлетворяются материальные, духовные и другие потребности человека.

Несмотря на то, что положительное поведение является постоянно повторяющейся, человек каждый раз не задумывается над правильностью тех требований, которые выдвигает относительно него общество. Такое поведение представляет собой многократное повторение социального опыта, то есть мотивом положительного поведения является убежденность в необходимости выполнения норм поведения. Фактически, в основе мотива лежит привычка. Привычное поведение свидетельствует, что человек не анализирует критически те или иные правовые требования, а, убедившись в их правильности, поступает и следует им без особых раздумий, без борьбы мотивов.

Привычка – это хорошо осознанное правомерное поведение, которое осуществляется, как правило, автоматически. В ее основе лежит навык выполнения определенных действий (например, автоматическое соблюдение правил дорожного движения). Привычка может перерасти в потребность. Прочно сформированная привычка осуществляется зачастую на подсознательном уровне.

Привычки, как правило, это результаты убеждения и социально-правомерных действий. Привычка выражает устойчивые отношения личности к правовым требованиям, к соблюдению правопорядка.

Положительное поведение является необходимым для функционирования и развития общества потому, что именно с помощью этого вида поведения реализуются жизненно необходимые потребности человека. Подавляющее большинство людей имеет привычку реализовывать собственные потребности правомерными средствами, поэтому изучение данного вида поведения представляет значительный интерес для криминологии как причины несовершения преступлений.

Еще древними мудрецами было установлено – тому, кто не совершает преступления, угроза наказания безразлична; того же, кто замыслил преступление, угроза наказания не остановит.

Изучение тех причин, за которые человек, не совершающий преступления, ведет правомерный образ жизни, представляет научный междотраслевой интерес – не только в рамках науки теории государства и права, социологии, философии и других, но и имеет чисто практическое значение для криминологии.

Криминологическая роль общественно полезной мотивации правомерного поведения в контексте противодействия и борьбы с преступностью заключается в следующем:

- противодействие «фоновым» явлениям преступности – наркомании, алкоголизма – путем создания негосударственных реабилитационных центров и распространение пропагандистской информации в учебных заведениях, средствах массовой информации, в местах лишения свободы и других местах, где возможно массовое освещение вредности указанных явлений;

- в деятельности негосударственных реабилитационных центров и применения ими должного профилактического воздействия в учебных заведениях, средствах массовой информации, в местах лишения свободы;

- создание спортивных клубов, центров досуга и других учреждений;

- противодействие распространению криминальной субкультуры среди несовершеннолетних и молодежи;

- распространение волонтерского движения, популярные в современном обществе средства поощрения здорового образа жизни, благотворительности, благотворительной поведения, спортивных достижений, стимулирования активного и здорового отдыха;

- участие в исправлении лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, помощь в социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, позволит снизить уровень рецидивной преступности;

- противодействие распространению криминальной субкультуры, в частности ее осуждения и разоблачения средствами искусства, правовой и социальной пропаганды.

Указанные направления реализации общественно полезной мотивации станут возможными и эффективными при условии поддержки и стимулирования правомерной деятельности государством: материальное и моральное поощрение, активное освещение деятельности в прессе, для молодежи-волонтеров – помощь в обучении, трудоустройстве и др.

По условиям перспективного планирования в случае осуществления указанных мер речь может идти о значительном снижении уровня преступности.

Для более полного и комплексного понимания общественно полезной

мотивации правомерного поведения считаем целесообразным предоставить ее криминологическую классификацию для дальнейшего изучения возможностей поощрения общественно полезной мотивации поведения в предотвращении преступности и возможных усовершенствований действующего законодательства из обозначенных направлений.

Стоит отметить, что некоторые лица из числа такой группы являются положительно мотивированными. Пройдя лечение или освободившись от наркотической зависимости, эти люди направляют свою дальнейшую деятельность на оказание помощи тем, кто в ней нуждается, а именно – таким же наркозависимым, какими они были до излечения.

Так, практически половина из руководителей реабилитационных центров, оказывающих помощь наркозависимым, в прошлом сами употребляли наркотические средства, но после излечения создавали соответствующие реабилитационные центры.

Такая общественно полезная деятельность является прогрессивным шагом в борьбе с наркотической зависимостью и, особенно учитывая то, что указанные руководители пользуются авторитетом среди лиц, находящихся в реабилитационных центрах, собственным примером стимулируют наркозависимых к исправлению и изменению мотивационных установок и тому подобное.

Также положительной является деятельность лиц, пострадавших от совершения преступления, и на собственном негативном опыте желают помогать другим лицам, которые стали жертвами преступления или могут стать.

Указанные виды деятельности являются примерами реализации общественно полезной мотивации, которая является криминологически значимой.

Поэтому такая деятельность требует государственного поощрения, и классификация такой общественно полезной мотивации позволит выделить пути указанного поощрения, что в конечном итоге будет способствовать предотвращению и борьбе с преступностью.

Поэтому нами выделяется общественно полезная мотивация поведения:

- наркозависимых (в части стремления освобождения от зависимости);
- потерпевших от преступления (в части предупреждения новых жертв преступлений);
- больных СПИДом (в части желания распространения соответствующей информации по предотвращению распространения этой болезни).

Но, безусловно, без государственной материальной поддержки общественно полезная деятельность указанной категории лиц будет сводиться на нет, в связи с чем нами ниже предлагаются организационно-правовые меры поощрения такой деятельности.

В зависимости от сменяемости общественно полезной мотивации необходимо выделить:

- устойчивую – которая сформировалась в процессе формирования морально-ценностной ориентации личности, в процессе усвоения социальных ценностей и входит таким образом в ее структуру;

- неустойчивую – которая под влиянием различных негативных факторов изменяется или деформируется в отрицательную мотивацию, что становится или может стать основой для антиобщественной деятельности.

В зависимости от роли поощрительного воздействия мы выделяем внутреннюю и внешнюю общественно полезную мотивацию поведения.

Внутренняя общественно полезная мотивация входит в структуру личности, поэтому является неизменной и стабильной.

Еще ее можно назвать внутренней общественно полезной мотивацией, поскольку существует независимо от применения внешних поощрительных и стимулирующих мер. В то время, как вторичная общественно полезная мотивация формируется, как правило, под воздействием определенных факторов и требует своего постоянного внешнего стимулирования. При отсутствии такого внешнего воздействия при определенных условиях она может деформироваться в общественно негативную.

Предложенная классификация, полагаем, является окончательной и является основой для дальнейших исследований, имеет чисто практическое значение.

Подводя итог сказанному выше можно отметить, что классификация общественно полезной мотивации имеет значение для:

- отграничения преступного деяния от не преступного;
- для установления степени полезности деяния;
- для характеристики лица, совершившего деяние, в том числе и преступное;
- для квалификации преступления;
- для назначения вида и размера наказания;
- для разработки специальных методов воздействия на воспитание и исправление лица;
- для решения вопроса о возможности освобождения от уголовной ответственности и уголовного наказания;
- для предотвращения и противодействия преступности не карательными средствами.

Предложенная классификация не является исчерпывающей, однако может стать основой для проведения дальнейших исследований.

Список литературы

1. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1982. – 288 с.
2. Грищук В. К. Кримінальний кодекс України 2001 р.: проблеми застосування і перспективи удосконалення: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції 13-15 квітня 2007 р.: У 2 ч. — Львів: Львівський державний університет внутрішніх справ, 2007. — Ч. 1. — 312 с.
3. Спиридонов Л. И. Социология уголовного права / Л.И. Спиридонов. — М.: Юрид.лит., 1986. — 215 с.
4. Джу́жа О. М., Моїсеєв Є. М., Васи́левич В. В. Кримінологія: Навчальний посібник / — К.: Атіка, 2001. — 368 с.
5. Нурпеисов Е. К. Психология правомерного поведения / Е. К. Нурпеисов. — Алма-Ата: Наука, 1984. — 127 с.
6. Исаев М. М. Понятие преступного и непроступного с точки зрения марксизма / М. М. Исаев // Советское право. —1924. —№5.
7. Оксамытний В. В. Правомерное поведение личности / В. В. Оксамытний. —К.: Наукова думка, 1985. —175 с.

The article is devoted to problems of lawful behavior in criminal-legal and criminological aspects. It also focuses on promoting socially useful motivation in combating crime, creating a counterweight to the law's punitive focus through the development of incentive legislation, in particular to promote public manifestations useful to the public.

To encourage cooperation with law enforcement agencies in the fight against crime requires the development and adoption of the Law «On the promotion of activities for prevention of crime», which would define the material incentives for the prevention of crime.

Keywords: legal behavior, encouragement, criminology, positive behavior, socially active behavior, volunteering.

УДК 342.924

Хмель О. В.
аспирант

Государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»,
г. Донецк
e-mail: khmel.o@bk.ru

ОХРАНА И ЗАЩИТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Получена 24 мая 2016; принята 09 июня 2016.

Khmel O. V.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: khmel.o@bk.ru

SECURITY AND PROTECTION OF STATE SECRETS IN THE ADMINISTRATIVE-LEGAL LEGISLATION

Received 24 May 2016; accepted 09 June 2016.

В статье анализируется и исследуется законодательство, регулирующее охрану и защиту государственной тайны, выявление и решение наиболее важных проблем для дальнейшего усовершенствования правовой базы в сфере охраны и защиты государственной тайны.

Ключевые слова: государственная тайна, охрана и защита государственной тайны, административные правонарушения.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что успешная жизнедеятельность любого государства неразрывно связана с обеспечением его безопасности. Безопасность государства в немалой степени зависит от сбалансированной информационной политики и, в частности, от умения регулировать такой ценнейший ресурс, как информация.

Объект исследования — правовое понятие тайны, охрана государственной тайны, а также проблемы защиты государственной тайны.

Предметом исследования является законодательство, регулирующее правоотношения, возникающие в связи с защитой тайны; научно-правовая литература.

Цель исследования заключается в том, чтобы сформировать единый подход к вопросам применения норм права при защите тайны, а также на основе анализа правовой сущности отношений, складывающихся в процессе защиты государственной тайны, выявить и решить наиболее важные проблемы теоретического и практического характера, разработать рекомендации и предложения по совершенствованию действующего законодательства и урегулирования его как такового.

Охрана государственной тайны является средством обеспечения суверенитета любого государства и напрямую связана с его функциями и интересами, поэтому правовое регулирование государственной тайны требует глубокого теоретического осмысления.

Понятие государственной тайны известно с древнейших времен, предположительно оно появилось одновременно с зарождением древних государств, при этом объем данного понятия и меры защиты государственной тайны напрямую зависели от уровня и характерных особенностей развития конкретного государства.

Правовое регулирование общественных отношений, связанных с обеспечением государственной тайны, в действительности имеет исторические корни. Еще в дореволюционную эпоху законодательство содержало нормы, направленные на защиту тех или иных видов сведений, составляющих государственную тайну, а в советский период развития государственности правовому институту государственной тайны законодателем уделялось особое внимание. Система защиты государственной тайны, сформированная в СССР, во многом оказала влияние на законодательство Российской Федерации и государств-участников СНГ.

Изучение вопросов относящихся к общеправовому понятию тайны в российской правовой науке не имеет прочных традиций. Рассмотрению данной категории на отраслевом уровне посвятили свои монографические работы И. В. Бондарь, А. С. Демушкин, Л. О. Красавчикова, В. А. Мазуров, И. В. Смолькова, И. Л. Петрухин и другие.

Вопросы правового регулирования отношений в сфере информационной безопасности рассматривались в трудах А. Б. Агапова, В. И. Булавина, М. А. Вуса, Т. Д. Зражевской, И. Н. Глебова, А. П. Курило, А. А. Стрельцова, А. А. Фатьянова, Д. С. Черешкина и других.

Законодательство Донецкой Народной Республики о государственной тайне основывается на Конституции Донецкой Народной Республики, Законах «О государственной тайне», «О безопасности», а также на положениях других актах законодательства, регулирующих отношения, связанные с защитой государственной тайны [1].

Согласно статье 2 Закона Донецкой Народной Республики «О государственной тайне»: «...государственная тайна — это защищаемые

государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Донецкой Народной Республики; система защиты государственной тайны — совокупность органов защиты государственной тайны, используемых ими средств и методов защиты сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей, а также мероприятий проводимых в этих целях» [1].

Система органов защиты государственной тайны определяется на основании ст. 20 Закона Донецкой Народной Республики «О государственной тайне», к которым относятся межведомственная комиссия по защите государственной тайны, орган исполнительной власти, уполномоченный в области внешней разведки, орган исполнительной власти, уполномоченный в области противодействия техническим разведкам и технической защиты информации, и их территориальные органы организуют и обеспечивают защиту государственной тайны в соответствии с функциями, возложенными на них законодательством Донецкой Народной Республики[1].

Органы государственной власти, предприятия, учреждения и организации обеспечивают защиту сведений, составляющих государственную тайну, в соответствии с возложенными на них задачами и в пределах своей компетенции. Ответственность за организацию защиты сведений, составляющих государственную тайну, в органах государственной власти, на предприятиях в учреждениях и организациях возлагается на их руководителей.

Сложная структура исследуемого института государственной тайны включает три основные составляющие:

- сведения, относимые законодателем к государственной тайне;
- механизм защиты сведений, составляющих государственную тайну;
- санкции, применяемые за нарушение режима государственной тайны.

На этапе развития общества характеризуется возрастающей ролью информационной сферы, представляющей собой совокупность информации, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений. Развитие информационной сферы, обеспечение ее безопасности становится одним из приоритетов национальной политики нашего государства.

В Доктрине информационной безопасности Донецкой Народной Республики в качестве одной из основных задач указывается необходимость правовой защиты интересов личности, общества, государства в информационной сфере.

Информация тесно связана с ее носителями — материальными объектами, в которых сведения, составляющие государственную тайну, находят

свое отображение в виде символов, образов, сигналов, технических решений и процессов.

Государственная тайна является комплексным правовым институтом, включающим нормы конституционного, трудового, семейного, административного, уголовного, уголовно-процессуального и других отраслей права.

Рассмотрим государственную тайну в административном законодательстве. Для пресечения административных правонарушений в законодательстве о государственной тайне не малую роль играет профилактика этого вида правонарушений, нейтрализация причин и условий, которые их порождают. Вопрос профилактики административных правонарушений в законодательстве о государственной тайне комплексно не исследовался, поэтому считаю целесообразным рассмотреть теоретические и практические аспекты этого явления. Профилактику административных правонарушений изучает такая наука как административная диалектология. Методологически все исследования в отрасли административной диалектологии можно разделить на четыре основные группы, а именно:

- характер правонарушений, которые совершаются, их масштабность, динамику и развитие;
- причины конкретных правонарушений и условия, которые влияют на их совершение;
- личность правонарушителя;
- разработка методов предупреждения правонарушений.

Считаем целесообразным использовать вышеуказанную структуру исследования в изучении вопроса профилактики административных правонарушений законодательства о государственной тайне.

В связи с отсутствием Кодекса об административной ответственности Донецкой Народной Республике, основании ч. 2 Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 года № 9-1 «О применении Законов на территории ДНР в переходный период», разрешается использовать украинское законодательство в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете ДНР, Конституции Донецкой Народной Республики [2; 3].

Предлагаем рассмотреть ст. 212-2 КУоАП (Кодекса Украины об административных правонарушениях) «Нарушение законодательства о государственной тайне» [4]. Практика показывает, что привлечение к административной ответственности согласно выше указанной статье, а именно количество лиц, привлеченных к административной ответственности, постоянно растет. Рассмотрев статистику (по Украине), отметим: если с 2001 года привлечено 358 человек, то в 2008 году — привлечено 1279 человек к административной ответственности, с последующим возрастанием. Увеличение

количества лиц, привлеченных к административной ответственности, объясняется ни столько ростом количества совершенных правонарушений, сколько снижением уровня латентности этого вида правонарушения, что, в свою очередь, объясняется нехваткой опыта у должностных лиц (контролирующего органа) в рассмотрении дел об административных правонарушениях законодательства о государственной тайне. Следует отметить, что ст. 212-2 КУоАП применялась должностными лицами (контролирующего органа) не в полном объеме. Непосредственно к административной ответственности привлекались лица, которые совершили правонарушения, предусмотренные п. 5, 6, 9 ч. 1 ст. 212-2 КУоАП, то есть, иными словами, должностные лица (контролирующего органа) большинство пунктов ч. 1 ст. 212-2 КУоАП не применяли. Считаем, что в этом случае не малую роль играют пробелы в законодательстве о государственной тайне.

При проведении административно-диетологической характеристики правонарушений законодательства о государственной тайне, следует обратить внимание на причины и условия, которые приводят к совершению административных правонарушений этого вида. Причину можно определить как одно явление, которое непосредственно порождает другое явление.

К основным причинам совершения административных правонарушений законодательства в сфере охраны государственной тайны можно отнести:

- недостаточное владение действующим законодательством о государственной тайне, что определяется отсутствием профессиональных навыков у лиц, занимающих должность, связанную с государственной тайной;
- пренебрежением или не соблюдением лиц, занимающих должность, связанную с государственной тайной, действующего законодательства о государственной тайне.

Ряд руководителей предприятий, учреждений и организаций, которые осуществляют деятельность, связанную с государственной тайной, считают, что у них отсутствует информация, разглашение которой может нанести вред национальной безопасности страны в целом.

На сегодняшний день наше государство, Донецкая Народная Республика, находится в процессе становления и развития, и вопрос соблюдения законодательства о государственной тайне в сфере административного законодательства тоже находится на той же стадии. Хотелось бы предостеречь, на примере административного законодательства Украины, о недопущении в нашем государстве подобного.

Для решения этой проблемы предлагаем контролирующему органу (Министерству государственной безопасности Донецкой Народной Республики) разработать и утвердить систему подготовки и переподготовки специалистов (сотрудников) режимно-секретных отделов (подразделений), что позволит повысить их профессиональный уровень без отрыва от основной

трудовой деятельности. Кроме этого, усовершенствование системы сдачи зачетов для проверки уровня знаний действующего законодательства о государственной тайне и правил ведения секретного делопроизводства поднимет профессиональный уровень госслужащих. Считаем, что только после успешной сдачи зачета лицо может быть назначено на должность руководителя органа государственной власти, органа местного самоуправления, предприятия, учреждения, организации, имеющие разрешение на осуществление деятельности, связанной с государственной тайной, а также лиц, назначаемых на должность руководителей или специалистов режимно-секретных отделов.

Однако при рассмотрении объективных факторов, которые определяют совершение административных правонарушений законодательства о государственной тайне, следует отметить зависимость организаций, которые имеют разрешение на проведение деятельности, связанной с государственной тайной, от уровня финансирования и затрат на обеспечения режима секретности. Нарушение законодательства о государственной тайне может быть обусловлено систематическим недофинансированием таких мероприятий. Случается что на предприятиях, в учреждениях и организациях, которые осуществляют деятельность, связанную с государственной тайной, режимно-секретные отделы не имеют изолированных помещений, не работают инженерно-технические средства охраны режимно-секретных органов, информация с ограниченным грифом доступа обрабатывается на неаттестованных электро-вычислительных машинах. К сожалению, одной из основных объективных причин является неполное финансирование или отсутствие финансирования как такового мероприятий направленных на защиту и охрану государственной тайны.

С целью предупреждения административных проступков в сфере охраны государственной тайны необходимо улучшить финансирование деятельности, связанной с государственной тайной, запустить систему подготовки и переподготовки специалистов режимно-секретных отделов, усилить требования, направленные на проверку уровня знаний законодательства, регламентирующего государственную тайну и ведение секретного делопроизводства.

Защиту и охрану государственной тайны можно рассматривать как пользу для мероприятий, направленных на осуществление как охраны, так и защиты государственной тайны. Если в законодательстве таких стран, как: Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, нормативная терминология института государственной тайны в вопросе обеспечения безопасности ссылается на защиту государственной тайны, то правовой институт государственной власти в законодательстве Украины акцентирует внимание не на защиту, а на охрану государственной тайны. В законодательстве Донецкой Народной Республики так же делается акцент на

термин защита государственной тайны. Считаем, содержание понятий «защита» и «охрана» государственной тайны это всего лишь термины, главное чтобы в целом законодательство в сфере государственной тайны соблюдалось и не влекло за собой последствий, в результате которых может быть нанесен ущерб государству.

Список литературы

1. Закон Донецкой Народной Республики «О государственной тайне», принятый Народным Советом ДНР 12.12.2014 года, Постановление № 03-ІНС от 12.12.2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-gos-tajne/>.
2. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 года № 9-1 «О применении Законов на территории ДНР в переходный период».
3. Конституция Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/>.
4. Кодекс Украины об административных правонарушениях. [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/80731-10>.

The paper analyzed and studied the legislation regulating the preservation and protection of the state secret, revealing and solving the most important problems for the further improvement of the legal framework in the field of conservation and protection of state secrets.

Keywords: *state secret, security and protection of state secrets, administrative offenses.*